

Au fond nous sommes "dépintés", chacun de nous,
par l'équilibre qui nous est propre. Tel trouve son
équilibre dans le mariage ou le solisme, tel autre
dans un laboratoire ou à la tribune d'un parlement.
Je crois que mon équilibre est d'une autre genre :
c'est l'équilibre du bord du précipice - cette mince
arête arête où il faut tenir droit, ou tomber.
J'ai "surs" ma vie j'ai eu des extases où j'ai passé
un jour tout entier, d'un seul coup. J'ai regardé
la vie que comme un défi violent au sort, à la
mort. Seul la mort saut devant moi l'avie et
relief et est. salement. qu'elle trouvait dans
la résistance aussi bien que dans le corps de combattant.
Ce que j'ai sans résister un fin déjà est. moi : j'
garde l'âme que j'ai dans un prison, dans le paradis
relaxé, à certains regard que j'ai pour le autre,
les vivants et la fin D'après et de l'univers de Dieu.
J'ai trouvé ma force dans le Tib. et Tib. avec la mort.

Отрывок из письма Сатпрема
17 января 1949

ПИСЬМА НЕПОКОРНОГО

«И последний враг,
который будет
уничтожен — Смерть».

Св. Павел
(I Кор XV, 26)

*Матери,
открывшей мне дверь
последнего и решающего бунта.*

Сатпрем

Письма
непокорного

том 1

1943-1953

*Институт Эволюционных Исследований
Робер Лаффон*

Издательство Робера Лаффона, S.A., Париж, 1994
Институт Эволюционных Исследований, Париж, 1994
ISBN 2-221-07893-4

Предисловие

«Жизнь — штука захватывающая!... Я хотел бы передать тебе мой пыл, моё неугасимое желание всего нового, всего непредвиденного. Я ненавижу ходить проторенными путями». Таким был Сатпрем, которого в то время звали Бернаром, накануне своего двадцатилетия, когда он оставляет своему младшему брату это послание, почти как завещание на случай, если с ним произойдут «неприятности»; ибо, едва выйдя из подросткового возраста, он оставил семейный очаг, чтобы вступить в армию Сопротивления. Через полтора месяца после этого письма в ноябре 1943 он был схвачен гестапо в тот момент, когда собирался вступить в особый отдел саботажа. Грубо и резко перевернута очередная страница жизни, «проторенные пути» покинуты навсегда после опустошения, произведённого концлагерями. Но этот горящий пыл — единственное, что будет держать его в жизни: «чудом исцелённый» — сказала его сестра после того, как тиф едва не погубил его по возвращении из лагерей.

«Я начал с чистого листа, чтобы стать обновлённым для нового закона. Я жажду» — пишет Сатпрем спустя несколько месяцев Андре Жиду, которого он встретил в Верхнем Египте по пути в Индию. Он не очень хорошо представлял себе этот «новый закон», но предчувствовал, что только он может дать смысл его сердцу, бьющемуся тревожно и с перебоями в его израненной груди. Андре Жид, тронутый его посланием, отвечает ему фразой, звучащей как мантра посвящения: «Мир будет спасён, если это вообще возможно, только непокорными». Непокорными, Сатпрем в-основном уже был таковым: «Этот мир не-вы-но-сим... Я принимаю жизнь лишь только как яростный ВЫЗОВ судьбе, смерти». Эта непокорность толкнёт его к тому, чтобы покинуть французское Правительство Пондичерри, саму Индию, Европу, и вторично сбежать в поисках приключений в Амазонию, в Бразилию, в Африку, собирая чемоданы всякий раз, когда ситуация становилась слишком комфортной, грозя посадить на мель его жизненный фрегат; и наконец он возвращается в Индию, верный той жажде, которую он несёт в себе или которая несёт его по миру, даже если временами на берегу отчаяния он мечтает о том, чтобы суметь погасить этот столь

требовательный и столь жгучий костёр. Но послание Жида было неполным, это было лишь первое посвящение; приключения, какими бы прекрасными и богатыми они ни были, не могли утолить эту жажду: нужно было идти глубже, найти мужество копать в самом себе, чтобы откопать в самых глубинах «новый закон». Нужно было найти нечто, что могло бы дать утешение всему, наполнить всё — ради чего и было предпринято всё наше болезненное человеческое и земное путешествие сквозь эпохи.

«Мне кажется, что я вышел из Бухенвальда и Маутхаузена лишь для того, чтобы испытать это высочайшее открытие... Нужно было либо возродиться в ином способе бытия, либо действительно умереть» — писал Сатпрем Клари, своей верной подруге из Венгрии, с которой он познакомился в Пондичерри; такой же, как и он, бывшей участнице Сопротивления, с которой они близки до сих пор — дружба протяжённостью почти в пятьдесят лет. Именно Клари, с которой его объединяет «старый мятежный дух», и Бернару д'Онсие, джентльмену-авантюристу с добрым и благородным сердцем, адресована большая часть этих Писем Непокорного. Именно их Сатпрем берёт в свидетели пари, которое он заключил со своей жизнью, им открывает своё сердце и им доверяет свою неизменную надежду, свои радости столь же напряжённые, сколь мимолётные; вершины, а также и пропасти своих одиноких исследований на пути к этой terra incognita человека, ведомый лишь маяком этого ненасытного пламени, не позволяющего ему остановиться на полпути: «Моя мечта состоит в том, и я хочу в это верить вопреки всем видимостям, чтобы однажды примирить приключение внешнее и приключение внутреннее, чтобы всё стало одной и той же улыбкой, одной и той же радостью, грандиозным спонтанным всплеском. И чтобы тело, чтобы оно тоже отыскало радость существования. С меня хватит, с меня достаточно этих изломанных, урезанных жизней, где существуешь лишь в крохотной области самого себя, отвергая всё остальное». И Клари, и д'Онсие прекрасно чувствовали ужасающую аутентичность подобного поиска — даже если не понимали или не всегда в полной мере разделяли то, о чём говорил и куда звал их Сатпрем — и в любой момент готовы были предложить убежище своей братской привязанности, убежище всегда желанное. Сатпрем, в свою очередь,

остаётся абсолютно непоколебим в своей дружбе, отказываясь от того, чтобы она была затронута частыми размолвками или случайными бурями. И во дворце управляющего Пондичерри, и посреди сосен и мимоз в Гималаях, и при свете штормовой лампы в сердце Амазонии, и среди плантаций какао, затерянных в бразильском сертао, и на прожаренных тропах Африки или на обледелой парижской мостовой, повсюду Сатпрем при малейшей возможности достаёт бумагу и ручку из своей котомки, описывая друзьям как внутренние пейзажи, так и внешние стороны своего пути, с урождённым талантом художника-поэта, способного сделать свои картины столь поразительно живыми и рельефными, и зачастую мучительными — но с нотками юмора, сверкнувшими то тут, то там, словно бы для того, чтобы бросить вызов интенсивности обстоятельств.

Но во всех этих путешествиях компас Сатпрема всегда указывает на Индию; он знает, что там его исследование придёт к своей развязке: «Последний и наиболее высокий акт нашей непокорности, это непокорность самому себе. Подруга, мне не терпится ступить на дороги Индии, взять посох пилигрима и наугад, но окончательно и бесповоротно, уйти от самого себя» — пишет он Клари из Бразилии. Во время своего первого пребывания в Пондичерри с 1946 по 1949 Сатпрем открыл Шри Ауробиндо и откровение, подобное второй мантре после слов Жюда: «Человек — переходное существо». Теперь он знает — больше нет смысла тянуть время. И едва встретив своё тридцатилетие, он оставляет Европу, дабы пристать к своему «последнему берегу в Индии».

«Я хочу иметь мужество дойти до конца» — пишет он д'Онсие после нескольких дней пребывания в ашраме Пондичерри. Мужество, Сатпрем полностью отдаётся этой медленной работе по достижению интегрального Человека, работе бесконечно более требовательной и тяжёлой, чем в Амазонии или африканской пустыне — впрочем, зов дороги, зов простора всё ещё преследует его в наиболее мрачные часы, и под слегка ироничным взглядом Матери, сподвижницы Шри Ауробиндо, множество раз в течение первых лет Сатпрем готов был поднять якорь и сбежать в какой-нибудь Туркестан или Конго — вместо них он выберет Цейлон и Гималаи и будет бороздить Индию с посохом саньясина, прежде чем снова

возвратиться к Матери и броситься в эту безжалостную внутреннюю войну: «Нужно начинать снова и снова, — признаётся он Клари, — до тех пор, пока ночь человечества не будет окончательно побеждена в самых глубинах нашего существа, и это нескончаемая битва... Нужно пересечь всю эту толщу, составленную из циклов человеческого страдания, за несколько лет пройти через тёмные атавизмы наших прошлых существований, через всю наследственность земли, чтобы иметь право снова вынырнуть, но уже в правде и свете».

Это ни «духовный поиск», ни бегство из жизни, но напротив, подлинный путь в сердцевину человека, достойный Жюля Верна, такого же бретонца, как и Сатпрем (упрямство которого, безусловно, отражает мужество этой страны), путь, изобилующий испытаниями и трудностями, богатый на побочные открытия и исследования, а также и на решающие повороты. Мало-помалу Клари и Бернар д'Онсие видят, как их старый друг рождается для нового сознания, новой жизни, которые лишь разжигают его жажду: «Цель всё ещё недостижима. Победа одного дня ложится тяжёлым грузом, мешающим продвинуться на следующий день...»

После ухода Матери в 1973 и жестокого сражения в-одиночку против властей ашрама, желающих запретить Шри Ауробиндо в параграфы новой Церкви, Сатпрем пишет Клари: «Я увидел причину того, почему я выжил, когда попал в лагерь, когда отправился в девственный лес, когда стал саньясином — ибо всегда видел одно и то же, что я — одинокий боец рождающегося мира». А затем в 1982: «Передо мной поставлена последняя задача моей жизни — вместо того, чтобы писать об этой эволюции, нужно хотя бы в малой степени воплотить её, нужно именно СДЕЛАТЬ».

Как доверенное лицо Матери, Сатпрем сумел в течение почти семнадцати лет скрупулёзно собрать её «Агенду» трансформации нашего вида, в котором столь мало человеческого; его перо, имеющее силу проникать в простую суть вещей и обращаться к завтрашнему миру, затронуло через его книги множество искателей правды. Если эти Письма Непокорного для нас и бесценны, то именно потому, что они заставляют ощутить и хотя бы немного пережить этот сорокалетний путь, более важный и осмысленный для нашей эпохи, чем поиски мифического Грааля или даже увлекательные

приключения, описанные Жюлем Верном: это шаги человека, который, выйдя из объятий смерти в двадцать два года, «находился в состоянии непрерывного поиска во чреве дьявола ли, богов ли; и, реализуя высочайший Вызов, двигался к этому тысячелетнему центру, в глубины тела, где покоятся бок о бок то ли вечная Смерть, то ли новая невероятная физическая Жизнь, которая ещё никогда не возникала на Земле, начиная с первых живых существ, и которая создаст — которая уже СОЗДАЁТ — Человека грядущего тысячелетия на последнем пике эволюционной волны».

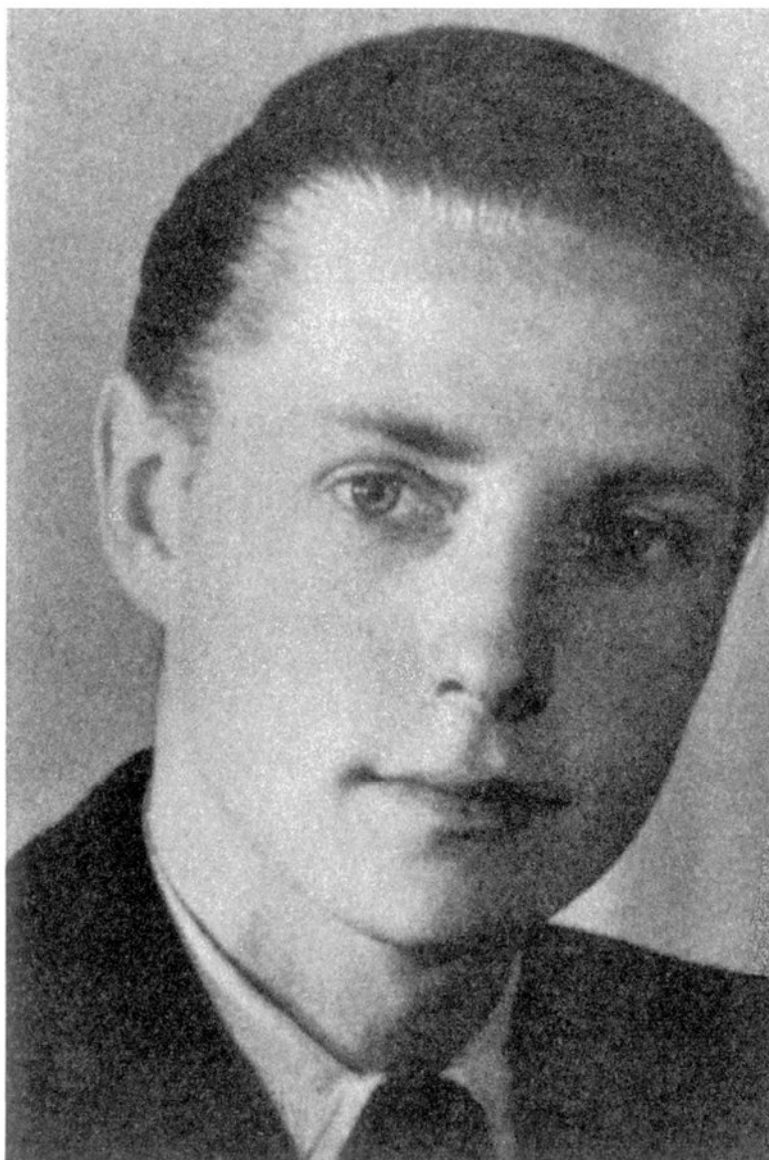
Мишель Данино.

<i>Первый этап</i>	
Лагеря-Египет (1943-1946)	7
<i>Второй этап</i>	
Индия (1946-1949)	23
<i>Третий этап</i>	
Возвращение в Европу (1950)	119
<i>Четвёртый этап</i>	
Гвиана (1951)	151
<i>Пятый этап</i>	
Бразилия (1952)	178
<i>Шестой этап</i>	
Африка — возвращение во Францию (1953)	229
<i>Седьмой этап</i>	
Последний причал в Индии... (продолжение следует) .	258

Первый этап.

Лагеря — Египет

(1943-1946)

*Сатпрат в 1942 незадолго
до вступления в Сопротивление*

(Самое раннее письмо Сатпрема, написанное младшему брату Франсуа во время участия в Сопротивлении за полтора месяца до ареста гестапо, когда Сатпрему было ещё 19 лет. Будучи пресыщен небесно-религиозными яствами своего отца, Сатпрем, в то время ещё призывник Бернар, выбрал Яства Земные Жида (главным образом, их суть) и Вольтера (в полной мере) — а затем Сопротивление; потому что он ненавидел любые формы угнетения и «сопротивлялся» во всём).

Для Франсуа
(на конверте)

Возьми себе все мои книги. Что касается прилагаемого письма, прочти его через несколько лет, сейчас ты не сможешь его понять.

30 сентября 1943

Франсуа, ты получишь эту записку, если вдруг возникнут «неприятности». Если такое произойдёт, возьми себе всю мою библиотеку; люби книги, это пока ещё наилучшее убежище наравне с музыкой. В этих книгах я нашёл то, что даёт смысл существованию и мотив к действию, а ты можешь найти свою истину; эти книги помогут тебе понять и полюбить жизнь и её многочисленные возможности для переживаний и опыта. Не будь серой посредственностью; не стыдись своих порывов, своего энтузиазма и не слушай тех, кто будет говорить тебе с улыбкой жалости: «Вы молоды — это пройдёт...» Но не забывай, что есть время для чтения и размышлений, а есть время для действий; эти книги не должны рассматриваться вне жизни, как мутные спекуляции; читай, потом закрывай книгу и действуй в соответствии с принципами, которые ты оттуда почерпнул. Главным образом, никогда не позволяй навязать

себе принципов, чтобы потом отказываться от них. Отвергай все традиции, даже некоторые истины, чтобы потом при необходимости снова возвратиться к ним; не принимай ничего до тех пор, пока не проверишь это опытным путём, *в эксперименте*. С того времени, как я ушёл из дома, я часто вспоминал тебя и говорил себе: если бы я был рядом с ним, я бы сопровождал его, посоветовал бы ему... Вполне вероятно, что если бы я остался в семье, я бы не стал делать ничего подобного и продолжал быть окружённым стеной своего равнодушия (скорее, кажущегося, чем реального) — это так.

Все эти книги — не просто умствования неуравновешенных личностей, среди них я обнаружил одну, которая помогла мне раскрыть себя; после прочтения я стал другим, именно эта книга помогла мне отказаться от всего — семьи, друзей, среды... отбросив все сомнения, чтобы служить своей стране; но она также помогла мне понять, что спокойная жизнь буржуа не для меня. Позволь мне процитировать один из пассажей А. Жида (*Яства Земные IV*), который выражает мою мысль. «Блажен, кто не стремится ни к чему земному и блуждает с вечным пылом в постоянной подвижности. Я ненавижу домашние очаги, семьи, всё то, к чему стремится человек в надежде обрести опору и покой; все эти бесконечные привязанности, верность влюблённых, приверженность к идеям...; я говорил, что новое, каким бы оно ни было и когда бы ни нагрянуло, должно застать нас абсолютно свободными».

Да, никогда не прирастать к одному месту, не привязываться, не покрываться коркой, всегда быть готовым принять новое в любом виде, быть раскрытым, — вот мой идеал. Я хотел бы поделиться с тобой своим пылом, своим постоянным желанием всего того, что ново, всего того, что непредвиденно. Я ненавижу любые проторенные пути; люби тропы неожиданные и оттого ещё более восхитительные, ибо мы не знаем, куда они ведут.

Франсуа, дружище Франсуа, я хотел бы научить тебя моей любви к жизни, особенно сторонись всех этих безумцев, отрицающих жизнь, поворачивающихся к ней спиной, не позволяй всей этой банде метафизиков и мистиков овладеть тобой: они не поняли жизнь, они предали своё человеческое предназначение. Жизнь — штука захватывающая со всеми её возможностями опытов, которые она нам предлагает; всегда будь готов экспериментировать, будь готов к

опытам, способным обогатить твою индивидуальность, не пугайся совершать то, что благовоспитанные моралисты называют ошибками и злом, но за исключением ошибок, совершенных по трусости или небрежности; относись с недоверием к установленным моральным принципам, соглашайся только с теми, которые помогут тебе расти. Не будь трусом, бросайся экспериментировать, нужно обращаться с собой так, как химики с неизвестным телом: взять это неизвестное тело и заставить его реагировать с самыми разнообразными ингредиентами; отказаться от ингредиентов, которые не провоцируют никакой реакции и не помогают обнаружить состав этого тела; точно также поступай с самим собой, нужно заставить себя реагировать, войти в состояние «реактивности», помещать себя в ситуации, вызывающие реакцию индивида; и если получена какая-либо реакция, не задерживаться на этом, а стремиться к другим реакциям, к новым опытам¹. Такой идеал, Франсуа, тяжело реализовать, так как он находится за пределами всеобщей колеи, он предполагает отказ от любого, как материального, так и духовного комфорта, он предполагает расширение и освобождение от любого обывательского существования, он предполагает бродячую жизнь без привязанностей; позволь мне процитировать ещё один отрывок из Жида:

«Никогда не задерживайся подле того, кто похож на тебя; никогда не задерживайся, Натаниэль. Как только окружение становится похожим на тебя или ты становишься похожим на окружение, оно перестаёт быть для тебя полезным. Ты должен его покинуть. Для тебя нет ничего опаснее ТВОЕЙ комнаты, ТВОЕЙ семьи, ТВОЕГО прошлого. Воспринимай каждую вещь как урок, который она тебе преподносит».

В своей жизни должно реализовать всё то, что ожидает тебя, чтобы не иметь больше ничего такого, на что хотелось бы «уповать» в день смерти. Таков суровый идеал, предполагающий исключительную искренность с самим собой; но этот идеал приносит тебе радости, отвергаемые удовлетворённой массой; этот идеал принёс мне неоценимое наслаждение, волнующие минуты; этот идеал обеспечит тебе «патетическое существование», ты не будешь подобен

1 Отец Сатпрема был химиком.

заурядной массе, ровняющей всех под одну гребёнку в череде монотонных дней, отмеченных мелкими удовольствиями, мелкими страданиями, мелкими надеждами. Возненавидь всё то, что мелко.

Франсуа, мой дорогой Франсуа, я хотел бы передать тебе ту радость, которой я обладаю, тот энтузиазм, который меня воодушевляет. Главное, не позволяй затащить себя в этот обывательский механизм, который спокойно, без треволнений, будет вести тебя до конца твоей жизни; именно это и есть тот подводный камень, на который толкает нас желание утвердить своё «положение»: мы начинаем с получения диплома, затем получаем ещё один, потому что мы должны продолжать, и так до тех пор, пока мы не закрепим своё положение, и вот мы захвачены, мы вынуждены продолжать, потому что мы когда-то это начали, мы становимся почтенным служащим, почтенным учёным, почтенным врачом, но на самом деле мы не более, чем почтенная серая заурядность. Сумей оказать противодействие твоей собственной среде, твоей собственной семье.

Всё это не слишком ортодоксальные речи с точки зрения большинства, и тебе выбирать, хочешь ли ты тихого спокойного счастья или волнующей, увлекательной жизни, уготованной немногим; плата за такую жизнь — одиночество, но одиночество это тоже увлекательно. Твоя жизнь будет скроена по твоей собственной мере, она будет выражать то, чего ты заслуживаешь: стремись заслужить многого и стремиться ко многому.

Всё, что я пишу в этом письме, не заменит твой личный опыт, по мере накопления опыта все эти идеи перестанут иметь значение для тебя. Всё это является МОЕЙ правдой, но не обязательно твоей, ибо сколько индивидов, столько и правд; если эти идеи помогут тебе ясно разглядеть себя самого, используй их, если они разовьют в тебе склонность к получению определённых опытов, если они разъяснят нечто в тебе самом, что ты не мог сформулировать, значит, они чему-то послужили. Силой мучений, тревог обретаешь свою правду, но какая радость, какая сияющая уверенность приходит, когда находишь свой путь. На этом я закончу своё длинное письмо; всё, что я написал, ты по-настоящему поймёшь через несколько лет, храни эти бумаги, чтобы вернуться к ним позже. В этом письме я собрал дорогие мне идеи, которые, возможно, позже ты строго осудишь, но я ещё раз повторяю, что моя правда не обязательно является и твоей. Если мои

идеи тебе не подходят, оставь их; они оправдывают и объясняют мою жизнь.

Напоследок я хотел бы уточнить одну вещь: если позже ты освободишься от старых принципов, от традиций, от семьи, если ты научишься отделяться от вещей, то знай — есть по крайней мере одно чувство, которое тебе следовало бы надёжно хранить в глубине себя; я имею ввиду маму, я принёс ей немало страданий, но бережно храню нежную к ней привязанность.

Я тебя покидаю, брат, извини за временами напыщенный тон этого письма; его единственная заслуга в том, чтобы быть искренним и пылким.

с сердечным приветом
Б.

(О возвращении из концлагерей мы имеем лишь одно совсем небольшое свидетельство старшей сестры Сатпрема, Жаклин, в её недавнем письме к Суджате, спутнице Сатпрема).

Дорогая Суджата,

После твоего письма от 28 мая я часто думаю о том, что тебе ответить. Но мне требовалось время, чтобы поразмыслить над этим. Главным образом я боялась коснуться той весьма болезненной части жизни Бернара, к которой я имела мало отношения. Но таково твоё желание. Я попытаюсь ответить на это так, как я это пережила.

У нас была надежда на его возвращение, но весьма хрупкая. Мама очень надеялась. Я часто ходила в Отель Лютеция (в Париже, в иммиграционном центре ссыльных).

И затем однажды зазвонил телефон, и я подняла трубку. На другом конце линии я услышала счастливый голос моей крёстной матери (сестры Мама). Это был взрыв: «Мама, иди быстрее, Бернар жив, он собирается приехать». Невозможно описать, что мы пережили. Мама как будто вновь стала 20-летней, и это правда. Он позвонил от крёстной, потому что очень боялся, что одного или одной из нас (главным образом, он думал о маме) уже нет на свете. У него больше не было сил терпеть страдания — мы ждали его прибытия затаив дыхание.

Мы все были в доме и, воистину, нарядились как на праздник, даже мама приоделась. Все не сводили глаз с окон, новость распространилась чрезвычайно быстро по сарафанному радио, все, и дружественные нам семьи, и незнакомые, все прильнули к окнам. И вот я заметила маленький, такой маленький, силуэт в конце улицы Нотр-Дам-де-Шам. И замерла, не двигаясь. Мама устремила по лестнице: мой сын, мой Бернар, мой малыш; я не знаю... Невыразимое волнение, которое даже сейчас невозможно описать.

Он вошёл в столовую. Мы посадили его за стол, он был совершенно истощён, как скелет. Остались одни только глаза, да, это были его глаза. Он посмотрел на всех нас. Вы такие красивые, — сказал он. Погладил маленькую Бабет по её белым кудрям, потому что она, казалось, была слегка испугана — сколько ей было, шесть лет?...

Хочешь есть? — это казалось очевидным. Что тебе приготовить? — пюре, политое сверху маслом, ну и всё. Он говорил мало, но это был единственный день, когда он рассказывал об этом аде. Показал некоторые шрамы. И он всё смотрел на нас: Матушка, ты здесь.

Папа вышел, чтобы оставить маму наедине с ним, но тоже был очень взволнован. Бернар едва прикоснулся к пюре, оно осталось недоеденным — он больше не мог, он отвык. И дни следовали друг за другом. Папа пытался принести ему с завода лёгкого мяса для восстановления сил, но у него совсем не было аппетита. Он хотел пойти повидаться с Х — я сопровождала его в метро — и главным образом с моей тётёй Дельпирой. Её единственная дочь, Марта, не возвратилась из плена, она умерла в газовой камере Равенсбрюка (именно Марта ввела Бернара в ряды Французского Сопротивления). С каждым днём он казался всё более и более изнурённым. Он не поправлялся. Он отдыхал лёжа, и всё же был очень болен, и постоянно худел. А его бедная мать: его препоручили мне, чтобы я его восстановила. Его пришлось госпитализировать. Именно я отнесла его в машину скорой помощи. Он весил всего двадцать пять килограммов! Был обнаружен тиф (который он подхватил в лагерях). В госпитале сказали, что нет почти никакой надежды. В доме снова поселилась тоска. Весь госпиталь боролся за его жизнь, они превзошли себя. Но Бернар, без сомнения хотел жить. Они называли его «чудом исцелённый».

Затем, полагаю, он вместе с мамой уехал в Сен-Пьер (в Бретани). Лишь там он мог заново научиться жить.

Продолжение... Это уже *другая страница, другая книга* его судьбы, столь трудная для интерпретации, и мама никогда об этом не забывала. Где-то в глубине себя я думаю, насколько мне вообще позволено говорить «я думаю», что мой отец и Бернар не могли бы прийти к согласию даже и без этого изгнания, Бернар всё равно уехал бы рано или поздно, его жизнь была в другом месте. Он уехал в Пондичерри за несколько недель до моей свадьбы. Об остальном ты знаешь лучше, чем я.

Если у тебя есть другие вопросы ко мне, спрашивай. Я больше не знаю, что ещё сказать по этому поводу.

Если не считать этого, дела идут хорошо, я выздоравливаю.

Думаю вскоре возвратиться в Сен-Пьер. Я чувствую себя сильнее.

Когда к нам приходили заботы и печали, мама брала их на себя, и у нас было ощущение, что их больше нет.

Я с любовью обнимаю тебя, Суджата, Бернара тоже — от всей души. Моё следующее письмо будет к нему.

Подпись: Жаклин.

Фрагмент из Дневника

(После ухода Матери в 1973 Сатпрем сжёг весь свой «Дневник», потому что хотел освободиться, облегчить тяжесть, и ещё потому, что он в первую очередь хотел спасти бумаги Матери. Четырнадцать больших тетрадей, начиная с освобождения из лагерей, потом Египет, а также другие страны... Он вырвал и оставил лишь несколько листков, в числе которых этот:)

...моей жизни в этом безжалостном опыте тотального краха, которым был для меня концентрационный лагерь.

*

Лагерь... это апокалиптическое крушение, подобно геологическому катаклизму, в котором я был разрушен, в котором было разрушено всё, и моя возможная вера в свою собственную ценность, и в ценность других. Великая стирка, чистая страница. На мой взгляд, если я что-то и сделал после подобного «освобождения», так это безумную попытку отомстить за крах Человека и реабилитировать иное, продвигаясь дальше, ещё дальше, до самого конца, к самому пику бытия, где тотальный крах будет столь ужасным, что победа просто обязана быть блистательнейшей.

*

Вот что я нашёл у К. Ясперса: «Абсолют проявляет сам себя через время, когда получает опыт из ситуаций-ограничений или когда

рискует стать неверным самому себе». Сильно! Я действительно нахожусь в состоянии погони за этим риском, этим Абсолютом.

Наг-Хаммади, 21 февраля 1946

1946

(После выхода из лагерей и после тифа, от которого он был чудесным образом спасён, Сатпрем заканчивает Колониальную Школу как «ученик администратора». Это была непостижимая планета. Тогда же его кузен Ф. Барон, только что ставший управляющим «Французской Индии», предлагает ему стать одним из служащих его Кабинета в Пондичерри. Вдохновлённый этой отдушиной, Сатпрем заставляет себя взять отпуск и отправляется в Египет, где, потрясённый, сталкивается с его «таинственными призраками» пустыни. Накануне его отъезда из Верхнего Египта судьба сводит Сатпрема с другим призраком, Андре Жидом, сидящим за столиком Гранд-Отеля в Луксоре, но Сатпрем уходит, не осмеливаясь его побеспокоить. Он пишет Андре письмо, которое упоминается в Дневнике)

Андре Жиду

Наг-Хаммади (В. Египет)

Вот уже пять лет я собираюсь вам написать. В эти годы я познакомился с вашей книгой *Яства земные*; мне было 17 лет. Не могу выразить, насколько я был потрясён. После этого я уже никогда не стал прежним. Выражаю вам своё уважение и своё восхищение. Должно быть, вам приходят сотни писем, подобных этому. Но я хотел написать вам не только об этом.

Я боролся против вас пять лет. Как сказал бы ваш Менальк: «Оставь меня». Я боролся против вашей духовной тирании, довлеющей надо мною. Я любил вас, и некоторые пассажи из ваших книг помогли мне выжить в концлагерях. Вы дали мне силу вырваться из буржуазно-обывательского и материального комфорта. Я искал вместе с вами «не столько обладание, сколько любовь». Я начал с

чистого листа, чтобы стать обновлённым для *нового закона*². Я освободился. Но этого недостаточно. «Освободиться для чего?» Ужасающий вопрос. Я, наконец, покинул вас, но я не нашёл новых учителей и продолжаю задыхаться. Устрашающий абсурд Сартра и Камю не даёт никаких решений и лишь открывает горизонты самоубийства.

Я до сих пор живу всем тем, чему вы меня научили. Но я жажду. И все молодые жаждут вместе со мной. У вас есть способность совершить нечто. И однако, я знаю, что я, как всегда, один.

Я не жду от вас решения для моей маленькой проблемы. Это было бы слишком легко; решение является коллективным. Каждый должен найти свой путь, отличный от пути соседа. Но ваш луч мог бы указать направление, куда идти... Если вообще существует какое-то направление.

О! Учитель... Если бы вы только знали, в каком бедламе пребывает вся наша молодёжь... Я не хочу злоупотреблять вашим временем. Я не сказал всего, что хотел бы вам сказать. А сказать нужно много о чём.

Это зов, обращённый к вам. Простите мою бестактность: я знаю, что вам не по душе симпатии.

Хочу всё же выразить вам своё огромное восхищение и надежды, что я возложил на вас.

Примите, Учитель, мои искренние чувства и уважение к вам

Б.

Отель Париж в Каире
(до 27 февраля)
на пути к Пондичерри

(ответ Андре Жида)

Наг-Хаммади
22 февраля 46

2 Годы спустя Сатпрем часто удивлялся этой провидческой фразе, вдруг упавшей с его пера, хотя он ещё не встретил ни Шри Ауробиндо, ни Мать. «С чистого листа, чтобы обновиться в новом законе».

Дорогой Б.

Ваше письмо заставило меня остро сожалеть о том, что мы не встретились в Египте (и кто знает, где теперь мы могли бы встретиться?). Тон вашего письма глубоко взволновал меня; но я могу ответить на это только глубокой симпатией (единственная ваша фраза, которая была мимо цели: та, где вы пишете, что мне не по душе симпатия: я всё больше и больше живу только ею, только для неё — и всё меньше ощущаю важность себя самого). Возможно, однако, что вы найдёте на последних страницах моего Журнала (беру на заметку ваш адрес в Пондичерри, чтобы отправить его вам, когда он выйдет) в некотором роде отголосок ваших волнений: знать, что кто-то разделяет их с вами — это уже немало.

Хотелось бы написать вам подробно, но время поджимает, ибо мне ещё нужно завершить своё незаконченное послание Жан-Полу Тристраму, которого, без сомнения, доставит в Суэц тот же корабль, что и вас в Индию. Спешно жму вашу руку с заверением моей глубокой *симпатии*.

Андре Жид

*(Второе письмо Андре Жида,
выписанное из его Журнала)*

24 февраля 1946

Он собирался сесть в порту Суэц на тот же корабль, что и Тристрам, [добирающийся через Афганистан в Индию]. Я положился на то первое письмо, которое меня едва ли удовлетворяет; затем на свежую голову пишу это письмо без большой надежды всё ещё застать Б. в Каире — и поэтому снимаю копию.

Дорогой Б.

Подгоняемый отправлением Тристрама, я слишком поспешно написал вам вчера вечером. Вот что я хотел вам сказать:

Зачем искать «новых учителей»? Католицизм или коммунизм требуют или, по крайней мере, рекомендуют подчинение духа. Утомлённые вчерашней борьбой, молодые (и некоторые из старшего поколения) ищут и думают найти в этом самом подчинении отдых, уверенность и интеллектуальный комфорт. Что там говорить? Они

ищут в этом даже смысл и причину жизни и убеждают друг друга (позволяют себя убедить), что им будут обеспечены все удобства, и завербованные таким образом, будут убеждать себя в их ценности. Таким образом, без всякого понимания, или с пониманием, но пришедшим слишком поздно, со всей самоотверженностью — или ленью — они будут способствовать своему краху, своему проигрышу, поражению духа, основанию своего рода «тоталитаризма», который вряд ли лучше, чем нацизм, с которым они боролись.

Мир будет спасён, если это вообще возможно, только *непокорными*. Что бы стало без них с нашей цивилизацией, нашей культурой, всем тем, что мы любим и что даёт нашему присутствию на Земле тайное оправдание. Они, эти непокорные — «соль земли» и уполномоченные Бога на Земле. Ибо я убеждаюсь, что Бог пока ещё не проявлен, и мы должны его достичь. Может ли быть роль более восхитительная, более благородная и достойная наших усилий?

Всегда сердечно ваш

Андре Жид.

P.S. Да, я хорошо помню, что писал в моих *Яствах*: «Никакой симпатии: любовь». Но я также, в первую очередь следуя своему совету, «оставил свою книгу» и пошёл дальше. Важно не останавливаться, даже на самом себе.

de monde ne sera sauvé, s'il n'est
l'âme, que par des innocents. Sans eux
s'en serait fait de notre civilisation,
de notre culture, de ce que nous aimons
et qui donne à notre présence sur
terre une justification réelle. Et
tout, ces innocents, la "terre de la terre"
et les responsables de Dieu. Je me
penche sur Dieu et int par amour
et ce que nous devons révéler. Serait-
il plus noble, plus admirable,
et plus digne de nos efforts?

Mes vœux affectueux et

affectueux

André Jida

P.S.: Oui, je suis bien; j'écris de ma
Nourriture: "Ne perds la sympathie:
l'amour." Ça, moi aussi, bien sûr,
j'ai, même mon amour comme, "qui est
mon Dieu" et reste de la. Ça me à
soi-même, je n'ai pas de ce que
j'attends.

Отрывок из второго письма Андре Жида Сатпрему

Второй этап

Индия

(1946-1949)

1947

Пондичерри [1947?]

*(Фрагмент письма Сатпрема отцу
по поводу христианского воспитания, которое тот навязывал
младшему брату Сатпрема — Франсуа).*

...Я яростно протестую против этой болезненной концепции жизни, ублюдок. Меня уже рвёт от вашей «Юдоли слёз» и вашего кладбищенского покоя. Ваши головы свёрнуты набекрень от запаха фимиама во тьме ваших печальных крестных путей. Вы осквернили всю красоту жизни, чтобы подогнать её под ваши нечистоплотные грехи, ваши сомнительные раскаяния. Я отвергаю вашу слишком удобную мораль загробной жизни, ваши унылые небеса, ваше бегство от жизни, в которой вы заранее объявляете себя неудачниками, побеждёнными, смиренными — в точности как ваш Петэн. Вы те, кто принимает всё. «Это моя вина! Это моя величайшая вина!» И снова подставляете другую щеку! Вы сделали из Христа шарлатана, ещё хуже — благочестивый образ.

Ты не имеешь никакого права навязывать эту мораль распятия ребёнку, у которого есть достаточно способностей и здравого смысла самостоятельно отыскать СВОЮ правду. Я не хочу, чтобы Франсуа тасил свою жизнь, словно святой осёл под поклажей, гонясь за морковкой священного рая на конце палки, предпочитая сердцу желудок! Я хорошо изучил вашу религию, а именно — чего она стоит. И я знаю, чего она заслуживает как перед лицом смерти, так и перед лицом жизни. Она больше не имеет смысла, требуется всё лицемерие ваших священников, чтобы заставить её жить, дабы дурить вас. Ваша христианская буржуазия мертва, она окончательно прогнила во время этой войны.

Но, уверяю тебя, ты не смог сделать из меня и тебе не удастся сделать из Франсуа «хорошего-сына-с-дипломом-и-причастием», мы из породы Le Gloahes и мы не хотим становиться на колени для покаяния — Виши существовал задолго до Виши, и Виши ещё не

мёртв. Ты из тех, кто давал приют в своём сердце всем поражениям, потому что поражения нравятся Господу, потому что поражения заставляют слабых становиться на колени, потому что они заставляют просить «прощения», «милости».

Ни разу, будучи умирающим, избитым, голодным, замерзающим, один на один со смертью, ни разу я не согнулся. Моя единственная сила была в плеске моря о борт корабля. Моя единственная сила была в самой жизни, а не во всех ваших небесах-фальшивках.

(неполное)

Пондичерри 13 июня 1947

(Большинство представленных здесь писем адресованы давней подруге Сатпрема, Клари, венгерской еврейке из Будапешта, участвовавшей во Французском Сопротивлении. Она вышла замуж за администратора Колоний, который был частью Кабинета Управления Барона в Пондичерри. Так Сатпрем о ней узнал. Казалось, она сошла со страниц романов Достоевского. Клари была на десять лет старше Сатпрема. Ему в это время было 23 с половиной года).

Понди, 13 июня [1947]

Подруга, мне вас не хватает! Это любопытно, как ваше присутствие прибавляет мне жизни, стимулирует её. Я только что набил свою трубку, и пришла тишина, солнце спокойно может спуститься на мою маленькую террасу.

А затем видишь — это не настоящее, я становлюсь безумным от заходящего солнца, и тишина уже не может войти. Хочется что-нибудь сломать. Неизрасходованная активность...

Я больше не пишу. Ибо прибыл в точку — вернее, мои персонажи привели меня к точке, где я больше не могу плутовать и где у меня больше нет никакого желания искать решение.

Я посреди длинной главы³: Франк в своей камере, ночью. Там

3 Роман, который Сатпрем писал в то время. Этот роман должен был

есть другой заключённый, которого он не видит, и чьего лица он не увидит даже тогда, когда за ним придут завтра, на рассвете. Это диалог Франка со своей душой.

«Чувствуешь великую скорбь, наблюдая человеческую жизнь, — говорил голос. — Они затянуты в механизм обстоятельств, начала и конца которых они не ведают... и всё ЭТО приводится в движение слабыми ударами спермы и существует лишь для того, чтобы родить детей, которые в свою очередь живут лишь для того, чтобы родить детей, и так без передышки. Лишь служебные часы, галочки в заводском табеле, в субботу вечером совокупление, воскресная рыбалка, и снова завод, и снова деньги... Время от времени меню разнообразится какой-нибудь войной, тогда в них просыпается мужество начать всё заново, дети, служба, завод, а потом снова пойти на рыбалку... О! для них не проблема найти причину, чтобы умереть, проблема в том, чтобы найти причину жить».

Образ Дареса импонировал Франку, он снова представил себе его крупное тело, одетое в халат, треск дров в очаге и две худые длани, которыми тот размахивал безостановочно. «Войны и революции, — говорил он, — это каникулы!»

«К тому же, наиболее счастливы те, — продолжал голос, — у кого есть идеал, будь он христианским, коммунистическим или фашистским... Впрочем, ВСЕ люди являются идеалистами, существуют только фальшивые материалисты... и фальшивые идеалисты... — и повторил медленно, — ...да, фальшивые идеалисты».

- Почему вы здесь? — прервал его Франк.

Человек, казалось не слышал.

«... жестокая потребность в энтузиазме и вере, работающая вхолостую, без приложения к объекту. Идеалисты без идеала, вот кто такие искренние люди, которые хотят остаться прозрачными. Это крах человеческого абсолюта и точка разрыва всего равновесия... Это крах веры, крах любви, крах интеллекта, крах Коммунизма и всех других систем... крах человека».

«Не сегодня завтра храмы и соборы превратятся в ИСТОРИЧЕСКИЕ памятники — история литературы, это то, что

более жизненно и более истинно для человека... Всё происходит так, как если бы наше прошлое постоянно рассказывало нам истории, а мы уже являемся прошлым тех людей, которые придут после нас. В конечном счёте, возникает множество историй НИ ДЛЯ ЧЕГО».

Франк чувствовал, как в нём рождалась великая тьма, которая, казалось, поднималась от самого основания эпох, струилась в крови людей и давила на их сердца — словно саван, которым покрывают мёртвых, из почтительности, чтобы не видеть... И Франк чувствовал себя этим живым мертвецом, полностью завёрнутым во тьму, над которым плачут в неведении; мертвецом, совершенно одиноким, слепым, которого медленно несут к его неизвестной могиле.

О! Клари, я не могу решиться на этот абсолютный крах.

На данный момент я буду первым, кто рискнёт своей шкурой — великая всемирная гражданская война. Но я прекрасно ЗНАЮ, что это ни к чему не приведёт, что это ничего не изменит. Клари!

«Я не верю в ваш справедливый грядущий мир, — говорил голос, — потому что пока существуют люди, будут существовать убийства или любовь... И если бы вдруг исчезла Родина, исчезли Деньги, пришлось бы изобрести других богов для кровавой жертвы... Нет, покой, справедливость — это не для нас, потому что мы обязаны жизнью всему тому, что хочет умереть, чтобы освободить место; всему тому, что мы должны убивать в своём собственном сердце и в своём теле, которое бродит кругами. Один за другим все наши фантазёры покоя и справедливости обманывают свой мир. Теократы Востока или Египта. Аббаты и Сеньоры, рыцари, папы или мещане. Все, один за другим, все они потерпели поражение в своей миссии. И нынешние священники, вчерашние представители Лиги Наций, и капиталисты... ВСЕ. И завтра ваш «пролетариат» закончит убийствами и кровавой делёжкой церковного имущества то, что начиналось с таких волнующих надежд и чаяний».

«Но они проиграли, все они потерпят поражение... лучшие и чистые, потому что справедливость для париев, а братство для тех, кто умирает без рукопожатия одним морозным утром — исключительно для тех, кто борется, кто страдает. Потому что радость создана для бедняков, а долги — для банкротов...»

«Я верю в мир и справедливость лишь для тех, кто способен сдохнуть ради Них. Если у нас больше нет нужды умирать за что-то, то у нас нет права и жить. Всё складывается так, будто Смерть является той самой идеей, необходимой для справедливости и примирения!

«Нет... я не верю в ваш грядущий мир покоя и справедливости... потому что жизнь — это бег, и тот, кто приходит к финишу, никогда не становится победителем, а тот, кто ближе всего к цели, проигрывает... Победитель, тяжело дыша, спешит по каменистой дороге под жгучим солнцем, задыхаясь, словно он готов выплюнуть в пыль своё сердце; с каждым шагом вперёд, вперёд, и снова ещё один шаг вперёд... с каждым шагом в направлении к невозможной цели».

Клари, не является ли внутренняя Революция единственной истинной Революцией?

Ашрам или джунгли.

Клари, я скучаю по тебе, а также по Жилле⁴, вы два моих истинных брата.

Моя мать недавно написала мне: «Коммунизм, как и нацизм, собрал обиды и несправедливости не для того, чтобы их излечить, а для того, чтобы их использовать».

Жизнь свою надлежит провести так, чтобы всегда чему-нибудь ПРОТИВОСТОЯТЬ. Если я бросаюсь в революцию, если я ожидаю её с таким нетерпением, то это для того, чтобы уничтожить множество людей и вещей, которые мне опротивели. Я буду сражаться ПРОТИВ чего-то. Когда же я смогу сразиться ЗА что-то?

Хотелось бы долго и неспешно поболтать с Жилле, ибо дух его так ясен, так чист. Это дало бы мне много хорошего.

Если бы только я мог провести с вами в Ути⁵ хотя бы несколько дней, только с вами.

Но я не пожелаю вам такого, ибо я неисправимый зануда.

Это нелегко пережить.

Б.

4 Муж Клари.

5 В горах на юге Индии.

(Статья, вырезанная Сатпремом из индийской газеты Indian Express от 30 июня 1947. Прошло лишь два года после окончания второй мировой войны...)

**"U.S. Has New And Improved Atom Bombs
LARGE ENOUGH TO DESTROY
EVERY BIG CITY ON EARTH"**

Chicago, June 28 1947

The United States now has stocks of "new and improved atom bombs large enough, according to usually conservative sources, to destroy every large city on earth," says Dr. Robert Hutchins, Chancellor of the Chicago University, where the first atom bomb experiments were carried out.

(перевод)

**США имеет новые улучшенные атомные бомбы
В КОЛИЧЕСТВЕ, ДОСТАТОЧНОМ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ
РАЗРУШИТЬ ВСЕ КРУПНЫЕ ГОРОДА НА ЗЕМЛЕ**

Чикаго, 28 июня 1947

Согласно обычным консервативным источникам, у США есть запас «новых и улучшенных атомных бомб в количестве, достаточном для того, чтобы разрушить все крупные города на земле» — говорит доктор Роберт Хатчинс, Президент Чикагского Университета, где проходили первые эксперименты с атомными бомбами.

Пондичерри 6 августа [1947]

Клари

Подруга. Я не получил ваше длинное письмо, а лишь пару слов сегодня утром о вашем возвращении в воскресенье.

В свою очередь пишу вам, дабы рассеять все иллюзии — если иллюзии имеют место. «Надеюсь, у вас будет для меня множество

вещей, которые мне нужно услышать, а также и прочесть» — говорите вы. В случае, если вы действительно так подумаете, вне канонов дружеской вежливости я попытаюсь донести до вас, что мне нечего сказать, и уж тем более написать.

Не знаю, какого рода иллюзии вы можете питать насчёт меня — однако, вы проникательны. Я, в свою очередь, играл комедию «будущего-гения-который-пока-не-высказался» и принял свою игру... Будущий гений — бездарь, и нет смысла это приукрашивать, оправдывая свой идиотизм и успокаивая тех, кто пребывает в сетях собственной посредственности. Возможно, существует немало «гениев», способных «вовремя заткнуться», во всяком случае, более честных.

Мне надоело плутовать — и с вами, и с другими — потому что, в конечном счёте, невозможно загримировать свою собственную несостоятельность.

Всё это, однако, не означает, что я позволю кому-нибудь назвать меня посредственностью. Оно смотрит на меня... Поистине, можно сказать, ОНО СМОТРИТ НА МЕНЯ — что-то вроде раскаяния, сожаления или угрызений совести — и этот взгляд, никто не может аннулировать его, даже я.

Что я люблю в вас — что я любил — так это то, что вы всегда срывали с меня маску. Если вы вдруг начнёте «верить» в меня или какой-либо другой вздор, тогда зачем вообще... Я пока ещё в состоянии сам себя разрекламировать и опозориться со своим собственным хламом; но от вас я приму лишь иронию. Я дорожу вашим презрением и делаю всё, что могу, чтобы отбросить ваше восхищение. В обоих случаях я плутую, ибо недостоин ни презрения, ни восхищения. Что меня беспокоило бы гораздо больше, это если бы вы вообще не занимались мной.

.....

О, Клари, какой же я жалкий маленький комедиант, и это мне весьма досажает, надо сказать.

Если однажды я смогу заплакать или полюбить, это вселит надежду. Мой эгоизм чудовищен.

Я даже не способен поинтересоваться тем, что вы могли бы рассказать о себе. В-общем, забудьте.

Я был счастлив знать хотя бы то, что вы существуете где-то ТАМ.

23 августа [1947]

Клари

Моя подруга. Письмо ваше пришло в неподходящий момент. Я не чувствую в себе достаточно сил для утверждения, что жизнь прекрасна. Сегодня вечером ужин на двадцать пять персон — со старыми бородами и авторитетными должностными лицами. Моя книга идёт плохо, я не пишу ничего, кроме глупостей. Дабы «ощутить подъём», я одурманиваю себя большими дозами. Сегодня утром я едва смог открыть глаза. В эти дни много и подолгу размышляю о смерти (!) — по поводу Франка.

Короче, нужно срочно уматывать.

Также хотелось бы иметь хоть одно маленькое желание.

Я так хочу захотеть.

Итак — я хочу вас видеть.

Нужно вырваться из этой смолы — чтобы вернуть желание жить (смола = Пондичерри + я в Пондичерри). Я думаю об этой фразе Базилио⁶: «И я всегда на грани того, чтобы сбежать куда угодно» — ???

Я также долго размышлял о «комедианте». Вам было бы интересно. Если я ещё напишу что-нибудь другое, то мой главный персонаж будет актёром — он сыграл все роли, но какова *его роль*? Если бы я был индийцем, то сказал бы: «Он прожил много жизней, но где *его жизнь*?»

.....

Думая об Ути, о ваших деревьях, о дожде и о вашем столь грустном письме, я поймал одну фразу, один образ, который я нахожу очень поэтическим для описания ночных фантазий:

«Что-то весьма печальное, как шелест листьев в ночи, неустанно шепчущий в дождливом воздухе».

(Опиум — это нечто подобное, по крайней мере, сегодня).

До свидания, сестра моя (увы!)

6 Персонаж из романа Сатпрема.

Пондичерри [сентябрь 47 ?]

Клари

.....

Я не рассержен, впрочем, я бы даже не смог рассердиться. Я лишь слегка хандрил, и к счастью, у меня множество работы и куча официальных приёмов, которые на несколько дней вытащили меня из моей старой шкуры.

Как я уже однажды вам говорил, я не могу обойтись без вашей дружбы и вижу в этом некоторое оправдание (вы можете быть польщены!) и утешение для себя, думая, что я не полная заурядность.

Когда накануне я сказал вам во время разговора о политике: «Меня всё это не волнует», — то не предполагал, насколько это правдиво. Теперь я понимаю себя лучше, и я говорю вам, что «я не СУЩЕСТВУЮ». В глубине себя я полностью согласен с политикой Барона⁷, инстинктивно я понимаю, что Барон всегда действует правильно. Но в действительности я полностью вне игры, я в состоянии человека, который больше не живёт сам по себе. Я... ничто. Я пуст. Как говорил Гварнеро⁸: «Мешок из кожи, в который другие скидывают все свои гадости». Я говорю про «гадости», но это может быть всё, что угодно.

Я постоянно живу с мыслью, что мог бы быть ТАКЖЕ чем-то ещё, я также мог бы быть коммунистом, мог бы быть PRL⁹... Нет,

7 Франсуа Барон, в то время управляющий «Французскими Владениями в Индии». Это были времена Независимости Индии, и Барон пытался сохранить хоть какой-то французский островок посреди неизбежного прилива — за что и получил упрёки от Министерства Колоний. По рекомендации Шри Ауробиндо и с поддержкой Матери он отправился на встречу с Пандитом Неру, чтобы объяснить ему свою точку зрения: «город французской и индийской культуры». Тот принял его крайне холодно и не сказал ни одного слова за всю встречу, даже не ответил на вопросы. Барон вышел оттуда белым, как полотно, он никогда не встречал подобного высокомерия.

8 Один из персонажей романа Сатпрема.

9 Республиканская Партия свободы (PRL) — французская политическая

Клари, я не заговариваюсь и не пытаюсь строить на пустом месте — для галереи — ещё одну новую индивидуальность. ПОТОМУ ЧТО всё происходит так, как если бы у меня НЕ БЫЛО ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ. Наподобие того актёра, который с чувством, искренне играет все роли... Беда в том, что когда я УБЕЖДАЮСЬ во всём этом, то уже не могу сыграть хоть какую-то роль. Я словно «пока ещё пустое будущее». В данный момент меня наполняет сила обстоятельств. Но я также мог бы находиться в другом месте или быть кем-то другим. Я без желаний, без страсти, без грусти. Я ОТСУТСТВУЮ.

Не думайте, что говоря всё это я пытаюсь извиниться !!!! перед вами; что я пытаюсь простить себя за свою политическую деятельность!!!! — Нет. Мне даже не наплевать, я просто полностью вне этого. Вот и всё.

Может быть, вы не заметили, но за несколько месяцев я очень изменился. Это изменение началось тогда, когда вы вместе с Жилле уехали на месяц в горы. Я изменился, Клари.

У меня нет даже скептицизма или макиавеллизма Гварнеро, даже его анархистского разума... Нет. НИЧТО. Словно тот актёр из «моей книги», который, играя все роли, сбросил все маски, и который вновь оказался голым, несчастным, заурядным, лицом к лицу с небытием.

Если я и ЯВЛЯЮСЬ ЧЕМ-ТО, то это ПОТОМУ, что другие вынуждают меня быть чем-то. У меня впечатление, что сам по себе я был бы неспособен ни на какое чувство, каким бы оно ни было.

Я = ОТСУТСТВИЕ

В конце концов, может быть, это и есть определение «бездаря». Впечатление, что, сделав круг, я прибыл к самому себе, став полностью аморальным, асентиментальным, агностиком... это отрицание... Нет, даже не отказ, просто состояние летаргии — возможно, из-за опиума.

Я вас очень люблю, Клари. Как будто я пишу своей Матери — я имею ввиду идеальную Мать — (польстите себе!), и я на дне, слишком неуравновешенный, больной и удручённый.

Хочу рассказать вам ещё кое-что, теперь, когда я реализую свой

правая партия, созданная Освобождением и поглощенная СНИ в 1951 (прим. пер.)

опыт концлагерей — без ужаса, тревоги или отчаяния, хладнокровно — лишь с ощущением, что нечто в моей механике сломалось. Уже три или четыре месяца я живу с чем-то вроде постоянной тревоги — которая доставляет мне физическую боль; у меня впечатление, что я чувствую эту тревогу всей своей кожей. Тревога по поводу чего? я не знаю.

Мне стоило бы сходить к психиатру и подвергнуться психоанализу (!). Действительно, есть нечто, что больше не работает ровно, без перебоев. Я рассказываю вам обо всём этом без грусти, без горечи. Есть нечто, что держится за меня, несмотря ни на что (это не моя книга, не любовь, не деньги, не комфорт), это детское желание сесть на свою яхту и уйти на три-четыре дня в море, в полном одиночестве. Это глупо. И потом, есть ещё и вы, но в-основном, конечно же, этот инстинкт, заставляющий нагромождать дни друг на друга в силу определённой инерции.

Возможно, я нуждаюсь в большей дружбе, привязанности, но с этим дефицит. Я очень дорожу Бароном, но у меня впечатление, что я ему слегка поднадоел. Я бесполезен, как для себя самого, так и для других. Знаете, как эти маленькие «ранние гении», которые внезапно сдуваются, как воздушный шарик, исторгая жалобный стон.

Я нуждаюсь в том, чтобы научиться жить — как ребёнок, ибо я забыл первые шаги.

(неоконченное письмо)

Карикал [сентябрь 1947?]
Клари

Дорогая

.....

Что вам сказать? Моё состояние всё более и более плачевно. У меня впечатление ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИСХОДНОЙ ТОЧКЕ... Круг, в котором я заперт, монотонный, несокрушимый. В некотором роде, печать смерти, или духа.

Скорее даже не муки и беспокойства, но ПУСТОТА. И я не вижу никакого решения. Как бы я себя ни вёл, я буду внутри круга, всегда... Прежде я говорил себе, что хоть где-то должно существовать КАКОЕ-

ТО решение, избавление от самого себя... Теперь же... Теперь я как будто истощён, и день за днём я позволяю времени старить себя ещё на один бездушный день.

О, как бы я хотел захотеть чего-нибудь. В своём письме к Л. я говорил, что чувствую в глубинах себя что-то вроде ритма; ритма, который мог бы воплотиться в поэме или Красоте. Это так. Ритм, бесконечно обвивающийся вокруг самого себя.

Я пишу вам сидя у пруда... под крики птиц.

В моей голове пустота.

Если бы только у меня было желание принять опиум.

Я написал Л. — ибо я люблю Л., как люблю музыку или поэзию. Она нематериальна, она есть Любовь. И я не хотел бы узреть её глазами. Это — ОНА.

Но сие ни к чему меня не приведёт.

Если бы только... я пожелал быть гением.

Только чтобы успокоить этот рассеянный внутренний ритм, собрать его в едином крике любви, в Красоте.

Клари, моя дорогая маленькая Клари, я в самом низу. Намного ниже, чем во времена моего великого «отчаяния» в жаркий сезон. Конечно же, вы ничего не можете сделать для меня. Поймёте ли вы, если я скажу, что нечто СЛОМАЛОСЬ внутри меня... Впечатление потерявшегося.

Круг замкнулся.

Лучше бы я отправил это письмо дьяволу.

Вам не стоило «делать ставку» на меня.

Вы бы тоже проиграли.

Я очень устал. Обнимаю вас.

Б.

Кто бы мне дал немного чистоты?

Янаон¹⁰, 1 ноября [1947]
Клари

10 Французская колония на востоке Индии (прим. пер.)

Приветствую Вас.

В поезде, несущем меня в Янаон, я в который раз перечитывал *Годы Презрения*¹¹. Я снова остановился на той же фразе (в предисловии): «Трудно становиться человеком. Но, возможно, это сделать легче, углубляя свою общность (с другими людьми), чем культивируя свою особенность». И я не знаю, что и думать... Жилле разрешил проблему, и о таком человеке, как Жилле, я думал в своих сомнениях.

Я слишком долго был учеником того, кто писал: «Я ненавижу симпатию, находя в ней лишь признание разделяемых с кем-то чувств¹²». Но мне неведомо, в какие пустыни уводит подобная гипертрофия «Я»...

Это вечная история, «боль ВЕРЫ» в очередной раз приносит мне страдания. Чтобы освободиться от себя, нужно суметь войти в «общность» с «другими». Нужно во что-то верить. Как бы я хотел стать коммунистом!

Но говоря по совести, я не имею права обладать верой. Это было бы слишком удобно. Таким образом, нужно дойти до конца самого себя. Нужно разорвать пузырь.

Обнаружить чистую суть.

Ибо решение можно найти только в себе.

В выражении своей истинной сути.

Придётся вместе с Франком и Гварнеро сбросить все маски. Нужно было разбить, разрушить... демаскировать религии, патриотизмы, философии. Нужно было упиться любовью до сифилиса, наркотой до тошноты. Нужно было дойти до конца интеллекта, до стены, которую мы не можем перепрыгнуть. Создать ВАКУУМ. Разорвать один за одним все пузыри, чтобы больше не путать их с путеводными огнями. Нужно было дойти до грани суицида и истребить в мыслях всех «других». Поколеблены все человеческие АБСОЛЮТЫ. Это Я опустошено.

Итак, это ТА САМАЯ стена.

11 А. Мальро.

12 А. Жид

Я не хочу оставаться перед этой стеной. Я не потерял вкус к жизни, как вы мне писали.

Я потерял лишь вкус к другим.

Во мне осталась лишь эта ужасная творческая страсть. Ключ ко всем моим надеждам и всем моим разочарованиям. Твори, и всё будет спасено, всё будет оправдано, и ко мне возвратится моя плодовитость.

Я обречён к тому, чтобы стать артистом. Нужно. Нужно.

В Искусстве вся любовь, вся вера; а за Любовью и за Верой, вопреки словам или за их фасадом, есть выражение вечной человеческой и божественной КРАСОТЫ. Для меня Искусство — единственный способ присоединиться к другим, к тем другим, к которым я не могу присоединиться с помощью Любви, или веры, или идеальной политики, философии или патриотизма.

Творить — для меня это единственный способ победить вязкое безраздельное одиночество человеческого состояния.

Творить — это выражение Я наиболее глубокого, наиболее внутреннего, и одновременно выражение того, что является наиболее ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ.

Нужно преодолеть СЛОВА,
Отыскать чистую ЭМОЦИЮ.

Чёрт! Я должен идти на аудиенцию к губернатору — бывают дни, когда хочется уйти в монахи.

...До настоящего времени я жил так, будто должен был ждать чего-то от других. Теперь я знаю. Самое трудное — трансформировать это одиночество в Искусство. Не стать бездарем, пустоцветом*. Обогащать это одиночество, удобрять его. И несмотря ни на что я прихожу к выводам Мальро — хотя и другими путями, — когда он говорит:

«Мне нравится полагать, что смысл слова *искусство* заключается в попытке помочь людям осознать их собственное величие, которое они игнорируют в себе».

Здесь, у меня под руками, в моём сердце — вся эта материя, которую нужно месить, месить всеми своими надеждами и

* Во французском «*fruit sec*» (*сухой фрукт*) можно перевести как *бездарь*, *пустоцвет*. (прим. пер.)

отчаянием, всеми своими сомнениями и озарениями. О, Бог мой, это непросто.

Чтобы стать артистом, надобно обнаружить в себе смысл ЧЕЛОВЕКА, тот глубинный контакт с природой человеческой судьбы. Нужно пропустить через свою кровь все удары человеческих сердец, все их тревоги, все радости.

И тогда, возможно, нечто прорвётся, как заря посреди штормящего моря, которая всё осветит, всё обнимет.

Нужно отыскать зарю, ибо заря скрыта.

Я думаю о том, что говорил Дарес¹³: «Я ищу Счастье, истинное Счастье... Я ищу САМОЕ ГЛАВНОЕ. Я хочу найти свою истинную сущность. — И возможно, что именно тогда я смогу найти всех этих людей... Тогда я завоюю абсолют — абсолют вопреки всему — безусловную гармонию, слияние и единство с людьми и с миром. Счастье, наконец.»

И потом, мне сложно написать что-либо внятное. Меня беспокоят каждую минуту. Это письмо я написал между двумя церемониями.

Ваше письмо, полученное перед моим отъездом, сильно меня тронуло. Я придаю большое значение нашей дружбе.

Б.

Чандернагор,
27 ноября 1947

(Незаконченное письмо)

На этот раз Калькутта произвела на меня большее впечатление — внезапно, как удар молнии, я был охвачен атмосферой «Условий человеческого существования»^{*}... Город, словно грибком, изъеденный пышным и убогим уродством и спокойным, фаталистичным отчаянием перед столькими страданиями... Условия человеческого существования без надежды, концлагерь без стен, без конца, где поколения за поколениями спариваются в нищете... чтобы ПРОДОЛЖАТЬ... но что?

13 Ещё один персонаж романа Сатпрема.

* Роман А. Мальро (прим. пер.)

И воистину убеждаешься, что НИЧЕГО не сделать, и что никакая система не в состоянии это исправить — это человеческая рана, и нужно было бы всё сжечь, всех людей с их лачугами (и конечно же, начать всё сначала!...)

В 6 часов вечера низкий, густой, удушливый дым стелется по земле, и на тысячах очагов, разбросанных тут и там, греются миски с грязной водой... По ночам тысячи хмурых лиц, склонившихся над своими очагами, пытаются забыть о своём голоде, ища забытья в тяжёлом сне среди грязи и мусора. Мерцающие масляные лампы, кажется, притягивают всю нищету, всё убожество гнусной темноты. Одинокий человек, сидя на корточках, перебирает в уме чужие судьбы, в которых нет мечты... Действительно, нужно оказаться среди этих людей, чтобы поверить в НЕИЗБЕЖНОСТЬ: в худых руках, сложенных на вздутых животах, в тех, для кого завтра не значит ничего, кроме того, что они вынесли из вчера. Ребёнок играет, он бежит за мячиком, плывущим по ручью, он ИГРАЕТ. Эта громадная, пассивная толпа, которая медленно проживает свою смерть, это кишение насекомых. Для всех них не может быть никакого решения, нет решения, нет даже самой проблемы! Это нечто вроде вязкой жизни, которую требуется использовать, а потом передать другому... и никакого возможного социального решения, разве что полить всё это нефтью и поджечь... занятие для наименее тупых, «мистика терроризма», о которой говорил Мальро, или фатальность.

Здесь, как в концлагере, слова справедливость, добро, зло, долг, больше ничего не значат, больше ничего не могут значить. Как верующие всё ещё способны говорить о справедливости Бога!

Пакарды и Крайслеры мимоходом забрызгивают грязью сей человеческий сброд. Сброд этот игнорирует даже ненависть и желание... Массовые убийства¹⁴ не объясняются ненавистью, это, скорее, похоже на ужасающий аморальный человеческий муссон — оставляющий после себя пустоту. Пагоды попеременно с трубами химических заводов и Ганг, несущий вечные зловонные воды. Сегодня вечером ослепительно-алое солнце сногшибательной красоты заливало кровавым заревом эту inferнальную нищету.

Ни секунды не испытываешь жалости, но только в горле ком от

14 Последовавшие за отвратительным политическим разделом на Индию-Пакистан после завоевания независимости в августе 1947.

этой ужасающей неизбежности. Какой кошмар! «К счастью», в двух шагах большие международные гостиницы льют нам в уши свою европейскую или негритянскую музыку посреди этой полированно-леденящей роскоши. Всё это ДОЛЖНО УЙТИ, и мы тоже.

.....

Пондичерри, 1 декабря 1947
Графу Бернару д'Онсие
(Нью-Дели)

(Именно в Дели Сатпрем встретил Бернара д'Онсие, Графа, а затем Маркиза после ухода его отца. Он станет наиболее близким другом Сатпрема, хотя и наиболее взбалмошным с его вечной сардонической усмешкой дворянина. Он был на десять лет старше. Потеряв целое состояние в Монте-Карло (или, скорее, состояние своего отца!), он уехал к Красному морю заниматься сомнительными продажами Негусу или другим экзотическим правителям — в нём узнаваем персонаж Конрад, — затем в Индию, где он продавал правительству французские самолёты. Идеальный авантюрист, он обладал абсолютной лояльностью ко всему (за исключением законов и своих долгов) и был весьма благороден. Он женится на прелестной индианке, Маник. После своего разорения он больше никогда не играл в покер, кроме как с друзьями).

Дорогой друг,

По правде сказать, я весьма сконфужен по поводу своего долгого молчания после вашего дружеского письма. Но я думаю, что все письма мира ничего не стоят, и они не могут заменить те взгляды, которыми обмениваются в первый момент встречи, либо разделяющей вас, либо связывающей навсегда. Ваш переезд меня расстроил, почти разочаровал, ибо вы, если можно так выразиться, оставили меня один на один с моей жаждой.

Всё для того, чтобы сказать, что я был бы счастлив увидеть вас снова, дабы возобновить наши ночные беседы... Когда вы возвращаетесь сюда? По крайней мере, дайте мне знак?

Жажда к пережитым приключениям, которую я чувствую в себе, столь же сильна, как и жажда к созерцанию... доступному для любого приключения, лишь бы только оно было безрассудным, нелогичным, захватывающим. Где вы? Как там наше паломничество¹⁵?

.....

Я согласен с вами, что нонконформизм — первая из добродетелей и первая дверь храма... и нужно идти от двери к двери, очищая себя, чтобы добраться до алтаря — в глубине себя.

Я освободился от многих вещей, и в настоящий момент моё беспокойство выражает себя таким образом: свободен, но ДЛЯ чего...?

Я хотел бы знать ваше мнение об этой гнусности «человек — лишь бесполезная страсть», провозглашённой Сартром в конце *Бытия и Небытия*... Это вопрос, который меня преследует; не потому ли, что я не могу найти глубинную гармонию под поверхностным хаосом?

У меня есть много о чём рассказать вам, но я опасаясь писем. Но знайте — если только мне это будет позволено, — что я остаюсь вашим преданным другом и что я жду от вас ЗНАКА. Не забывайте меня.

Б.

15 Речь идёт о поисках сокровищ, затерянных в Гималаях.

1948

Пондичерри, 6 января 1948
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар,

Разумеется, моё долгое молчание показалось вам необъяснимым, вы даже могли прийти к выводу, что я «обижен» вашим последним письмом, или даже решить, что у нас с вами не было подлинной дружбы...

Нет ничего более далёкого от истины. Ваше последнее большое письмо было потрясающим. Оно было ИСТИННЫМ. И принесло мне громадную пользу, несмотря на то, что ваши суждения обо мне были не очень точными. Во всяком случае, вы помогли мне выпутаться из этого интеллектуального тупика, где я ходил кругами, «бесплодный» и сбитый с толку.

Начиная с декабря я множество раз пытался написать вам, но всякий раз останавливался на полпути: либо по здешним политическим обстоятельствам, уводящим чересчур далеко от спокойствия, необходимого для того, чтобы написать вам, либо я был в отчаянии от того, что приходилось выражать нечто истинное посредством этих слишком изношенных слов, либо — чаще всего — предавался мечтам, сидя под своей верной лампой.

Приходится говорить о себе, но мне надоело говорить о себе. Я так хотел бы забыть сам себя или, вернее, превзойти сам себя и распуститься под солнцем великого идеала. Поверьте, Бернар, все мои исследования в течение вот уже десяти лет, все мои усилия и мои действия имели целью исключительно это освобождение от я. Мои бунты, как вы говорите, были, скорее, не социального или семейного ранга, но ранга духовного. Я, если хотите, крестоносец в поисках истинного Креста, и всё то, что я пытался и пытаюсь предпринять, я совершал как священнодействие (с чувством сакрального, абсолютного). Беда в том, что в финале большей части своих

начинаний сталкиваешься не с Солнцем Бога, но с мошенничеством людей, которые присваивают Бога для собственной выгоды. Моё понимание Приключения исключительно Божественное. То, что мною движет, это не сентиментальная или интеллектуальная спекуляция, это стойкая, неумолимая потребность.

Определённо, я очень плохо выражаю всё это. Я хотел бы заставить вас понять, что в конце «Приключения» я усматриваю прежде всего избавление от Я и распускание, иными словами, реализацию, «Божественного», дремлющего в самых глубинах Я.

С ранней молодости меня терзали определённые силы парализующей самокритики. Если можно так сказать, мой лучший враг — интеллект или, более точно, господство мозга, который иссушает наиболее спонтанные движения, замораживает радость, обесцвечивает наиболее яркие моменты, словно игла, прикалывающая бабочку к планшету энтомолога. По крайней мере, эта форма разрушительного интеллекта научила меня относиться к интеллекту с недоверием и стремиться больше, нежели многие другие, к подлинному рассмотрению себя. Следовательно, для меня Приключение — преимущественно попытка изучения. И когда я говорю вам о книге, которую пишу, то это не для издательства Gallimard или Flammarion, это для того, чтобы освободиться от моей «интеллектуальной стороны» и пойти своими собственными ногами к внутреннему Единству.

Вы можете сказать, что моё Приключение у меня в черепе, но не в коже. Нет ничего более ложного. Именно потому, что сейчас моя кожа и является моим собственным приключением, эта лихорадка приключений и отдаётся в моём черепе.

Во мне присутствует нечто вроде лихорадки, которую я должен исчерпать, страсть, которую я должен удовлетворить, вся эта весна духа, взрывающаяся у меня под кожей, потребность в радости и фантазии. И для меня Приключение — это освобождение всего того, что задыхается во мне. И если я восстал против моей собственной семьи и против определённого социального строя, то именно потому, что я там задыхался — физически.

В своём последнем письме я попытался перевести в термины мозга то, что я чувствовал в своих жилах, и именно это заставило вас думать, что я свёл приключение к простым спекуляциям разума. Моя

кровь — это мой единственный конформизм, она является тем, что толкнуло меня отказаться от «социальных функций» и любых других сфер, где я чувствовал себя бесплодным.

Конечно, война оказалась для меня одним красивым приключением, довольно обогащающим, но это было безвыходное приключение. Та же потребность в приключении толкнула меня в Индию, и именно она теперь толкает к вам. Поймите, для меня приключение — это состояние, потребность, а не мечты-фантазии. Я был таким уже в десять лет, когда сбежал на забастовки в Бретани.

Воистину, в Приключении присутствует нечто, очень похожее на Любовь. Оно имеет отношение к той же физической и духовной потребности.

И если я начал курить, то главным образом для того, чтобы успокоить эту лихорадку и, если не погасить, то по крайней мере переместить на другой план.

Есть множество вещей, о которых стоило бы сказать, но я полагаю, что у нас скоро будет время вместе обо всём этом переговорить.

Здесь я жду возвращения губернатора. По крайней мере, я думаю, что он собирается вернуться. В марте или в конце февраля я собираюсь окончательно покинуть Пондичерри и, если вы не против, присоединиться к вам.

.....

Вы знаете, что в глубине сердца я остаюсь вашим верным рыцарем и другом.

Б.

(После поездки в Афганистан Сатпрем побывал проездом в Дели, у Бернара д'Онсие, прежде чем уехать.)

Пондичерри, 12 мая 1948
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар,

Я телеграфировал вам из Кветты¹⁶, чтобы дать знать, как я сожалел о том, что не смог возвратиться в Дели и снова повидать вас. Ужасный тайфун на несколько дней отрезал путь в Пешавар, но у меня не было времени ждать, пока дорогу починят (к концу апреля меня ждал Пондичерри), и я предпочёл пойти другим маршрутом Кветта-Карачи и Бомбей.

Афганистан — «край света». Это был безрассудный поступок, я всё ещё в поисках смысла, и вас не было рядом, по крайней мере, для того, чтобы снова вытащить меня, когда наступал критический момент... Короче, я всё же провёл полную дезинтоксикацию и лишь изредка обращался к вашему удивительному отвару.

Говоря обо всём этом с лёгким сердцем, я тем не менее только что выкурил несколько трубок сенсационно-потрясающего «бенареса¹⁷», который так хорошо умеет рассеять дурные воспоминания, оставляя в сердце лишь лёгкий туман, сублимирующий лучшее, что есть в нас... Однако, не могу сказать, что это было совершенство, ибо вас нет рядом, и я храню как ценнейшие воспоминания наши братские вечера за трубкой. О, Бернар, как мне вас не хватает!

Эти вечера, слишком краткие, представляют для меня не просто дорогие воспоминания, они — обязательство, зарок... Я больше не являюсь только лишь своим прошлым, я — увлекательное будущее, ожидающее того, чтобы его пережили. С тех пор, как я снова увидел вас, нечто изменилось — вы знаете, что именно, — судьба подарила мне волнующую уверенность, которую надобно хватать пригоршнями, принимая ценность собственного существования, бок о бок с вами.

16 Крупнейший город и столица пакистанской провинции Белуджистан (прим. пер.)

17 Один из основных брендов опиума наравне с «патной», которые производила Ост-Индская компания (прим. пер.)

.....

Потому что вы вернули мне смысл моей свободы. А то я уже начал было обретать место и функцию среди этих расчётливых мокриц, этих пошлых «нотариусов», увязать в их клее и позволять себе соглашаться с их удобной мудростью.

Вы вернули мне определённый смысл борьбы, желание изучать. Поскольку все эти люди из Пондичерри казались мне мелочными, без всякого величия. Я задыхаюсь.

Ваши слова, сказанные прошлым сентябрём, обрели новую силу:

«Лишь приключение или созерцание
Достойны человека,
Лишь пороки и экстаз достойны художника».

Нет, мне не быть нотариусом. Поймёте ли вы, если я скажу, что изменил своё состояние?

Я не очень хорошо понимаю, куда иду — но какое это имеет значение! Я не очень хорошо понимаю, к чему в итоге приду, но и это не имеет значения! То, что имеет значение, так это ритм, который вы мне передали. Я начинаю понимать, что, вероятно, нет «цели», которой нужно достичь — лишь мертвецы имеют право на кладбищенский покой, — нет комфортабельной уверенности, которую надобно отыскать, есть лишь РИТМ, который нужно уловить, сохранить, несмотря на все поражения. Также, возможно, нет и «смысла» жизни, но лишь тысяча и один смысл самого себя, к которым мы должны двигаться... и все правды, на которые мы должны ОСМЕЛИТЬСЯ. С вами я готов осмелиться на всё, и я чутко внимаю великому духовному приключению, в конечном счёте, единственно верному, единственно стоящему.

Ибо я всеми своими силами отказываюсь подчиняться табу и требованиям этого общества шулеров, которое я отвергаю. Я не хочу «становиться на задние лапки», а также обучаться «трюкам» и компромиссам всех тех, кто должен отчитываться, поскольку я не желаю отчитываться перед Богом или перед чем-то ещё, что есть божественного во мне. После одного происшествия я очень хорошо понял, что в 18 лет у нас ещё чистое сердце; и я не собираюсь отказываться от этой чистоты; но нести на себе социальную этикетку

здоровыслящих я отказываюсь, поскольку никто из них не даст мне оправдания (допуская, что я заслуживаю оправдания), которого я жду только от самого себя.

Я понимаю, какие трудности стоят передо мной, поскольку для нотариусов мы — «грех», плохо работающий винтик, который может привести — и приведёт — к взрыву машины, но в конечном счёте, жизнь ценна своей интенсивностью и чистотой, которую мы в неё вносим, определённой склонностью к мятежу, который в каждый момент снова ставит всё под вопрос (и если мы хотим подняться «над» мятежом, не следует ли хотя бы начать с этого самого мятежа?)

Возможно, «я ни к чему не приду». Но не лучше ли достижения цели сам процесс движения? и не потерял ли тот, что уже «прибыл»? Но в конце концов, жизнь — не распределение наград, и завтрашний мир, который мы пытаемся построить в молчании нашей плоти, не стоит труда, если ВЧЕРА мы не способны были умереть за него. Завтра — это для спекулянтов, для тех, кто борется за «мир» чужой кровью... Вы меня многому научили, Бернар, вы, по крайней мере, разбудили глубокие слои моего существа, где я прозреваю свою истинную ценность.

Где-то у Генри Миллера есть замечательные строки: «Единственный способ, которым кто-либо может направлять нас — это возродить в нас веру в нашу собственную способность направлять самих себя. Наше путешествие пролегает вне любых трасс, где мужество, интеллект и вера — наши единственные проводники».

Долгое время я был одержим идеей «Правды», которую надлежит обнаружить — нечто вроде «милости», которую мы должны низвести, единой основы, где мы можем насладиться ЕДИНЫМ безмятежным взглядом на мир. Но не было ли это, скорее, стремлением ко сну?

Я начинаю понимать, что «правда» — не состояние, но стремление, не финал, но движение, от наиболее внешнего к наиболее внутреннему, к наиболее полному обнажению. Вот что я написал в своих заметках спустя какое-то время после расставания с вами:

«Правда — как движение огромного маятника, который отклоняется справа налево, проходя через центр, затем возвращается слева направо и т. д... правда ни справа, ни слева, ни в центре; и тем более она не является комфортабельной серединой. Она — САМО

ДВИЖЕНИЕ маятника, который неумоимо возвращается к себе самому, всегда готовый к новым колебаниям. Хотеть правды означает — хотеть этого движения.

Но я так нуждаюсь в вас, дорогой Бернар, чтобы поддерживать этот ритм; и всей своей интуицией я чувствую, что вас ожидает великая судьба, и я хочу, чтобы она тесно переплелась с моей. Но тут не обойтись без милого огонька настольной лампы и тишины, чтобы я мог лучше передать вам всё, что чувствую, что знаю.

Мне не терпится снова вас увидеть. Я верю в вас, Бернар; это великое «движение» несёт возрождение мира, которое мы должны провозгласить. Жду от вас весточки, всегда искренне и по-братски

ваш

Б.

P.S. Посылаю вам с этим письмом две коробки превосходного дросса.

Пишите, мне нужно чувствовать контакт с вами.

Пондичерри, 29 мая 1948
Жан-Полю Тристраму
(Кабул)

(Это тот самый Тристрам, друг А. Жида, которого Сатпрем встретил в Кауре и в обществе которого проделал путь между Суэцем и Бомбеем).

Старина Жан-Поль,

Мне не терпелось написать тебе и выразить радость от того, что нам удалось повидаться; но начиная с моего возвращения в Понди я захвачен абсурдным ритмом тысяч ежедневных переговоров, абсурдных трудов, поклонов и улыбок, праздных дискуссий, что в тысячах лье от сути вещей.

Когда у меня есть пара спокойных минут, я, дабы почерпнуть немного терпения и забытья, остаюсь наедине с курительной трубкой, которая всё больше и больше становится моим неотделимым

компаньоном.

Моё состояние не блестяще, и у меня не лежит сердце писать тебе; в абсурдном, утомительном сне я видел дороги, по которым проходят по тысяче раз на дню, безысходные, абсолютно одинаковые, лабиринт, вызывающий у меня головокружение... это неотвязное впечатление попытки догнать уходящий поезд ещё абсурднее от того, что я не жду поезда; это «я» — единственное, что я упускаю; оно, возможно, не столь важно, и незачем столько говорить о нём.

Я так стремлюсь к общению с тобой, к твоему присутствию!

Пора мне избавиться от Понди — и, вероятно, от своей трубки. Но для чего, для какого занятия. Единственная вещь, которую я хочу — возможно, это спасение (либо прыжок ещё глубже, в самую тьму) — чтобы меня «вытащили» месяца на три в спокойное место, дабы я дописал свою книгу. Во мне присутствует странная уверенность, что именно с моими персонажами я преуспею или пойду ко дну, с ними одними и через них; что я сумею сделать выбор, избавиться от старой шкуры, найти суть и отыскать истинный путь.

Я опасаясь одобрения, толерантности «других», я опасаясь социального механизма и благосклонных улыбок, примиряющих вас с другими только потому, что вы «на уровне», вы согласованы, вы соответствуете маленькому миру с его комфортабельной скукой. Я не хочу доброжелательного нейтралитета социальной среды, в которую я проник не иначе, как обманом, по причине мелкой трусости, и где, путём непрерывных компромиссов, я добился бы того, чтобы они, наконец, «закрыли глаза» на моё присутствие.

Во мне живёт фобия социального этикета, моральной генеалогии, которую человек должен носить с собой, чтобы быть почтенным и уважаемым: 25 лет — католик — жених — доктор юридических наук — сияющая лысина — безымянный индивид с капиталом в X франков — ничего примечательного.

Я ощущаю громадную потребность в скандале, отказе, бунте. Я хочу иметь право писать то, о чём думаю, и не лукавить с самим собой, не есть с ладони «уважаемых».

Во мне нужна быть лишённым любого социального обоснования, быть «чересчур», чтобы найти в глубинах своего одиночества истинное обоснование и единственную полноту. Ибо я буду строить свой храм в пустыне.

Я знаю, через какое одиночество, какой отказ мне предстоит пройти, но я также знаю, что есть шанс отыскать в этом очищении истинную Радость, радость совершенного самоосуществления.

Уже три года я живу со странным воспоминанием, истинное значение которого я, похоже, не могу распознать: это происходило в лагере, незадолго до освобождения, на дороге, идущей из карьера. Голодный, измученный, я внезапно почувствовал себя переполненным РАДОСТЬЮ, ощущением волнующей силы, которая разбила все мои цепи и ожидающую меня смерть, словно я достиг совершенства и даже более того. И если я не начал петь, то лишь потому, что мне могли тут же набить морду. Это было непостижимо, понимаешь? Впечатление света и разорванной вуали — «это-есть—я-есть—я-знаю».

Вероятно, это и есть то, что я сейчас пытаюсь отыскать. Именно это великое разоблачение сути я ищу. Но только, в отношении меня самого, приведённое к наиболее простому выражению, моему собственному судье и моему собственному палачу. Я рискую начать «казнить себя», и я этого заслуживаю, но как бы то ни было, в любом случае, это не имеет значения. Пан или пропал. Я делаю ставку на определённое «качество», которое я предчувствую в себе, и если этого качества у меня нет, я сорвусь; и я сорвусь в любом случае, если не буду пытаться выразить лучшее в себе. У Ницше есть фраза, которую я часто вспоминаю: «Ценность духа измеряется количеством правды, на которую он ОСМЕЛИВАЕТСЯ».

Конечно, я чувствую, что по отношению к обществу моя «совесть нечиста». Я произвожу впечатление не такого, как они, словно тип, проигравший конкурс у самых дверей, ведущих в высшую школу... Это и есть тот тягостный момент, когда я должен решиться. Но меня также пугает и дипломированная «чистая совесть» за той дверью среди владеющих-правами.

Я не хочу иметь иных прав, кроме того права, достойным которого я сочту себя, и единственное право, которого я хочу — иметь что сказать.

В момент совершения шага (назад) и окончательного отказа войти в двери, к примеру, Колониальной Школы, которые для меня всё ещё открыты, я чувствую мучительные терзания. (...)

В конце концов, когда я напишу эту чёртову книгу, проблема

исчезнет, и это будет наилучшим оправданием меня самого.

Задаюсь вопросом, встретимся ли мы ещё в августе... Я бы с радостью, но боюсь, я уже отбуду в Дели с Б. д'Онсие. Существует также и другая возможность: дело в том, что я нашёл себе временную работу в Китае, в Шанхае, как корреспондент А.Ф.Р., но это лишь возможность, и я не думаю, что получится.

И потом, бывают моменты, когда мне хочется просто уединиться на несколько месяцев в Бель-Иль-ан-Мер, чтобы спокойно поразмышлять, но будучи однажды пойманным Францией, смогу ли я потом оттуда выйти?

.....

Таковы, старина Жан-Поль, последние новости, я долго медлил, прежде чем написать тебе о них, а также поблагодарить за твой тёплый приём... От всей души надеюсь снова тебя увидеть до моего отправления за новыми приключениями. Если ты увидишь малейшую возможность найти работу в Китае, скажи мне об этом; в сущности, именно такое решение я предпочёл бы, и я готов сорваться с места при первом же случае или указании. Есть ли какие-нибудь новости от твоей подруги Николь¹⁸?

Прости за столь сумбурное письмо, но я пишу его урывками, когда выдается несколько свободных моментов. От этой жары можно сдохнуть.

Надеюсь, ты не будешь мстить и очень скоро сообщишь мне новости.

С братским приветом
Б.

18 Николь Ф. пешком проследовала по «великому шёлковому пути» от Китая до Индии, и она даст Сатпрему указания, как совершить путь обратно. Позже дорога в Ладакх будет закрыта военными.

Клари

Понди, 2 июня [1948]
Клари

*(Клари, наконец, развелась и навсегда
покинула Пондичерри)*

Подруга, я написал бы раньше, если бы не считал вас уехавшей в Бомбей. Ваше первое письмо огорчило меня, я чувствовал, насколько вы растеряны, насколько одиноки.

Не нужно возвращаться назад, Клари, это последнее, что стоило бы предпринять, это касается и вас, и Жилле. Я не верю в «латание дыр». Ваш опыт с Жилле дал вам всё, что мог дать. Раз вы решили его оставить, нужно быть последовательной с собой и идти до конца, иначе позже вы будете упрекать себя и, «возможно», упустите своё Счастье. Существует определённый человеческий абсолю́т, который вы ещё не исчерпали — другими словами, чей крах вы ещё не увидели и не пережили, нужно, чтобы вы до конца прошли через этот опыт, даже если «в конце» вновь окажетесь одинокой.

Я всё время говорю вам о Счастье; не знаю, найдёте ли вы своё Счастье с Максом — или с любым другим¹⁹... Я бы сказал, что Макс в некотором роде аксессуар, самое большое инструмент, который позволит вам измерить вашу собственную готовность к счастью.

Увы, решение проблемы никогда не бывает «в другом», оно в глубине нас самих.

.....

Нужно идти до конца самого себя, до конца своих переживаний, всегда в направлении наибольшего обнажения и наиболее чистой ясности.

У де Голля есть фраза, которую цитировал Барон и которую я нахожу возвышенной: «Именно двигаясь к Океану, река остаётся верной своему истоку». (Я цитирую приблизительно). Внутри есть глубинная правда. Не нужно «прилипнуть» к своему прошлому, сколь бы плодотворным и обогащающим оно ни было. «Этого» никогда не

19 Клари выйдет замуж за Макса М., немецкого еврея, жившего в Карачи, затем они обоснуются в Лондоне и в конечном счёте в Ирландии. Сатпрем встретил Макса в Пондичерри.

потерять. Но нужно оставаться верным самому себе, продвигаясь вперёд, пытаясь ВЫРАЗИТЬ — тем или иным способом, их тысячи — то нечто, что томится в ожидании внутри нас. Когда вы «исчерпаете» себя, тогда, возможно, вы найдёте суть, ожидавшую своего часа под всеми этими масками, которые вы сбросите одну за другой.

Жилле, Макс, Карачи, Париж, Будапешт, Соппротивление, Бернар и т. д., всё это не более чем декорации. Самая существенная часть не в них. (Но мы также не можем играть без этих декораций; по крайней мере, нужно долго и медленно учиться обходиться без них). Суть в том, кем вы учитесь *становиться* с помощью этих аксессуаров — я использую это слово намеренно. Впрочем, это не Жилле вы собираетесь покинуть и, возможно, не Макса собираетесь найти: вы покидаете определённую часть себя и начинаете поиски другой себя, обновлённой.

О, Клари, сестра, сколько масок требуется сорвать, прежде чем обнаружить своё истинное лицо, сколько декораций покинуть, прежде чем найти место всеобщего мира и покоя. Пустота и полнота, словно движения моря, созерцаемого в долгом безмолвии; моря, внедряющего в тебя мировой ритм — полнота и оглушительная пустота, «Молчание среди будничной суматохи»...

Возможно, существует определённая радость, обещанная тем, кто поймёт и примет неизбежное одиночество; тем, кто всегда будет отказываться от того, чтобы позволить своей собственной маске обмануть себя; от того, чтобы принять себя за свою собственную декорацию. Принимать всё более и более острое осознание себя, выбирать неустанно, отсекал хвосты, освобождаться, избавляться от лишнего... И в финале всего этого остаётся не просто одиночество, остаётся Океан — и возможно, наконец, истинная общность с миром, наше место — отныне и навсегда назначенное — найденное, наконец, в гармонии с любой вещью, наш такт в великом ритме. И наконец, после стольких комедий, стольких репетиций, наша «истинная премьера».

На этом пути не нужно ни от чего отказываться в самом себе, но терпеливо «самореализовываться», изучать тысяча и одну сторону себя. Это не столько «цель», которую нужно достичь, сколько некий ритм, который нужно подхватить и сохранить, свой собственный ритм. Если у жизни есть смысл, то он в самом этом движении, в

последовательных этапах самореализации. Мы все согласны, что достигнутая «цель» — это мир и покой кладбища; речь о том, чтобы не создавать из своей жизни кладбище.

Клари, ваш крах с Жилле, он коренился в вас самой.

Я чувствую, что вы столь одиноки, моя дорогая-дорогая Клари, и я так хотел бы немного побыть рядом с вами. Но к сожалению, я не так много могу сделать для вас. Я тоже нуждаюсь в вашем присутствии, но предпочитаю не говорить о себе, я слишком неуравновешен. Я часто мечтаю провести несколько месяцев на севере с вами, спокойно занимаясь книгой, которая меня преследует, но всё это так сложно — я захвачен абсурдным стечением обстоятельств... и освобождаюсь от этого только накурившись большими дозами, что вовсе не помогает уладить дела.

.....

Возможно, что это идиотское письмо и что оно не отвечает тому, что вы ожидали от меня. Я так хотел бы окружить вас всей своей нежностью, но вы так далеко, а слова так быстро умирают на бумаге.

Верьте *в себя*. Обнимаю вас.

Б.

Пондичерри, 11 июня [1948]
Бернару д'Онсие

Дорогой друг,

Я не написал вам раньше, потому что недавно мы были полностью поглощены важной «политической неделей».

.....

В вашем письме вы предостерегали меня от вас самих. Я очень хорошо понимаю, что вы имеете в виду, и я хорошо знаю, что, воистину, в конечном счёте нужно полагаться лишь на «свои собственные крылья». Но зачем так упрямо подчёркивать возможное «отдаление» с вашей стороны? У меня не было намерения цепляться за вас, как дитя за подол своей кормилицы! или как утопающий за спасательный круг — что более похоже на истину. Я слишком люблю свою собственную свободу, что заставляет меня бесконечно уважать

свободу других, и я достаточно люблю своих друзей, чтобы принимать их такими, какие они есть, со всеми их дефектами и «недостатками». Я повидал множество людей в определённых обстоятельствах, в которых невозможно смириться, и практически не питаю иллюзий по поводу их альтруистических склонностей! Я знаю, что надёжным и верным остаётся лишь «маленький светильник», который мы зажигаем в момент одиночества и который мы раздуваем по своей воле.

Меня лишь удивляет, с какой настойчивостью вы говорите мне эти прописные истины. Не бойтесь, с вашей стороны никогда не возникало вопроса каких-либо «обязательств» или взятия на себя ответственности. Я хочу не вас, но вашей дружбы, и для меня не столь важно, что принесут грядущие дни, особенно если они должны оказаться столь же тёмными, как вы говорите, и тогда у нас действительно будет время, чтобы задуматься. Я верю в вас, вы слишком наговариваете на себя, а впрочем, дни, которые мы проведём вместе, будут обогащающими и наполненными нашим энтузиазмом. Свет и огонь не снаружи, они в нас самих. Наше приключение будет таким, каким мы его сами сделаем, а не таким, каким его сделают обстоятельства.

Тем не менее я благодарен вам, Бернар, ибо по вашему письму я также вижу, сколь велика в вас забота о «правде» и честности.

Я уверен, что нам предстоят чудесные дни, и от всей души надеюсь, что они не будут медлить с приходом. Я с нетерпением жду, чтобы начать всё сначала вместе с вами.

Пишите мне время от времени. Мне нужно чувствовать вашу мысль, столь созвучную с моей.

С братским приветом,
Б.

Пондичерри, 20 июля [1948]
Бернару д'Онсие

Дорогой друг Бернар,
.....

Я уже довольно давно остаюсь молчаливым, потому что выхожу — с трудом — из отвратительного кризиса, сильно встряхнувшего меня. Я решил провести полную дезинтоксикацию (ибо нет необходимости сообщать вам, что по возвращении из Кабула я тут же с радостью одурманил своё тело!), и вот уже около двух недель я валяюсь, пресыщенный всем, так что смотреть на это не очень приятно. Сейчас я уменьшил дозу до одной трубки в день, но пока ещё не могу отказаться полностью... Ужасно то, что жизнь может казаться серой и тусклой, когда отказываешься от наркотика. Мне трудно даётся реабилитация, и ощущаешь себя так, словно с тебя заживо содрали кожу. В конце концов, вы, вероятно, знаете, каково это. Кокто выразился восхитительно: «Морализаторствовать с опиоманом, это всё равно что убить Изольду и сказать Тристану: вот увидишь, потом станет лучше».

У меня нет даже помощи вашего присутствия, вашей дружбы, чтобы вновь подняться. Чувствуешь себя так, словно «угробил» всё сразу: голову, почки, живот. Всё имеет мерзкий привкус небытия, или более точно, совсем не имеет вкуса. Я не жалею, это было бы дурным тоном, ибо я прекрасно знал, что однажды должен буду заплатить за все свои мечты, но я неприятно удивлён пресной пошлостью своего пробуждения. Словно сурок, проснувшийся от долгой спячки и вовлечённый вдруг в ужасающий круговорот весны, которой он не хочет. Все старые глупости возобновляют свою значимость, в то время как раньше всё было восхитительно неважно, даже я сам.

Когда вы прибываете в Пондичерри? Я был бы так рад снова вас увидеть... и надоесть вам со всеми моими историями! Я нуждаюсь в вас, Бернар, я словно дрейфую в открытом море, а небо давит своей массой со всех сторон, и ни севера, ни юга, ни востока, ни запада.

(...) Здесь умираешь изо дня в день. Я бы так хотел ощутить и пережить немного пламени вашего энтузиазма, наконец, отыскать реальный повод быть молодым, имея за плечами двадцать лет, которых у меня никогда не было.

Когда мы отправимся вместе? Когда вы дадите мне знак для реализации истинного приключения?

.....

Извиняюсь, дорогой Бернар, за это немного сумбурное письмо, но

у меня впечатление, что все вдруг одновременно покинули меня.

Черкните пару слов, если у вас будет время.

По-прежнему ваш верный друг.

Б.

Понди, 3 октября [1948]

(Клари в Карачи)

Дорогой друг, маленькая Клари, я долго тянул, прежде чем написать вам, ибо, представьте, с самого возвращения из Парижа я завален работой, приёмами (визит посла Д.Л., прибытие нового Консула Франции в Мадрас), и я стал кем-то вроде «нейтрального» представителя, которому приходится рассказывать всякого рода политические (конечно же, с обещанием ничего не рассказывать губернатору! разумеется) или личные истории. Короче, это возобновление жизни бесполезной, рассеянной, непростительной.

И потом — не могу лгать вам, ведь только с вами я дерзаю быть тем, кто я есть на самом деле — я возобновил эту ужасную борьбу против моего тёмного злого гения. Я пока ещё не отравлен, это грядёт, но я действую как наркоман, я в психологической зависимости от ритуала, бесплатной поэзии опиума. Есть дни «с» и дни «без», и дней «с» всё больше и больше.

Ваше длинное письмо безумно меня вдохновило, вы единственная, кто меня любит. Клари, я так нуждаюсь в том, чтобы чувствовать, как ваша признательность окутывает меня, а ваша мысль следует за мной. Как я могу передать вам свою ПОТРЕБНОСТЬ в вас? Когда вы были здесь, одно ваше присутствие успокаивало меня. Теперь же, без вас, я нахожу эту жизнь слишком глупой, лишённой смысла, вкуса. Что для меня все эти вещи, которые я не могу объяснить, что для меня все эти идеи, о которых я не могу поговорить с вами, эти существа, которых я больше не вижу без вашего взгляда. Вы были для меня матерью, сестрой, подругой, возлюбленной. Вы мой двойник и моя чистая совесть; примете ли вы мою душу в свой багаж?

Вы сочтёте меня слегка безумным, но мне нравится говорить с вами о глупостях и серьёзных вещах и быть наиболее непоследовательным из существ.

Если и есть принцип, который меня ещё воодушевляет, то это идея о том, что я претендую на звание наиболее НЕОПРАВДЫВАЕМОГО из существ. Понимаете ли вы? Я не хотел бы ни социального оправдания, ни героического, ни влюблённого, ни божественного. Я упорствую в ужасающем саморазоблачении (и спасаюсь от этого опиумом). Возможно, когда я откажусь от любого оправдания, то найду оправдание ИСТИННОЕ.

Я пишу всё это очень быстро, в спешке, между трубкой и официальным визитом в город к новому Консулу, и через четверть часа я должен принудить себя к этому.

Это письмо не серьёзно, я лишь стремился позвать вас, обратиться к вам, как обращаются к духам в спиритических сеансах, дабы почувствовать ваше присутствие.

Доброго дня, Клари. Я думаю о вас и обнимаю от всей души.

Б.

Дружеский привет Максу.

Пондичерри, 11 ноября [1948]
Клари

Подруга, конечно, я последний из негодяев... какие тут могут быть комментарии? работа... вы знаете, что у меня её по горло все эти недели, настоящая жизнь сумасшедшего. А затем великая депрессия. Фобия писем. Я не написал ни слова своей матери с самого возвращения из Франции, только телеграммы. И напротив, вам я написал письмо, которое не стал отсылать, не знаю, почему; я только что нашёл его затерявшимся в моих ящиках и также прилагаю его к этому письму²⁰. Я часто думаю о Максе — и пошлю вам копию упомянутого письма, как только оно окажется у меня под рукой, мне лень рыться в ворохах моих бумаг²¹.

20 Речь идёт о последнем письме от 3 октября.

21 См. несколько выдержек из этого письма в Приложении.

Вы не представляете, Клари, сколь много я думаю о вас, и, без сомнения, по причине нужды в вашем присутствии я и не могу вам написать. Но в конце концов придётся броситься в воду, хотя и без особой охоты, а то вы в самом деле можете решить, что я вас забыл!!!

Ваш портрет всегда в моей комнате — но он такой неживой... Вы не знаете, до какой степени я хочу вас видеть, как будто я полностью заблудился — Север должен быть в Карачи. Были моменты, когда я хотел всё бросить хотя бы на несколько дней и снова оказаться рядом с вами, осознать, что я существую вашим присутствием. Скажите, возможно ли погасить самого себя? Это слишком глупо, но я не могу выразить, насколько без вас я чувствую себя лишним, крохотный пузырёк воздуха, готовый лопнуть на поверхности этой странной, весьма посредственной планеты.

Мне нужен кто-то, чтобы отыскать ценность собственного существования, смысл или мотив моих размышлений. В этом одиночестве всё теряет свой смысл. Я словно иссушенная земля, ожидающая дождя, словно семя, я готов схватиться за что угодно, мне недостаёт мотива для развития и радости. Всем этим были для меня вы.

Это ни печаль, ни хандра. Растрёпанный, рассеянный, колеблющийся, я в ожидании неизвестно чего.

Я делаю всё, чтобы уехать в Китай с Агентством Франс-Пресс. Есть определённые надежды. В любом случае, я оставлю Пондичерри в начале марта.

Прежде чем снова отправиться в дорогу, я должен увидеть вас. Это нужно. Не можем ли мы попробовать встретиться где-нибудь в Индии, в каком-нибудь милом местечке, к примеру, в Кашмире, вы с Максом и я — что-то вроде каникул. Это было бы чудесно. О, ненадолго, от восьми дней до пары недель?? Скажите «да». В марте повсюду цветы. Мы бы арендовали *дом-на-воде* и жили бы как цыгане. Это был бы небольшой перерыв, скажем так, сон наяву, прежде чем снова оказаться по шею в ежедневном дерьме.

Но вы, должно быть, счастливы и не нуждаетесь в Кашмире для того, чтобы мечтать. В конце концов, если это невозможно, то тем хуже. Напишите мне, если вы смелее и трудолюбивее меня, расскажите о себе.

Сюда мало-помалу возвращается покой после предвыборных

волнений — победа за французами.

.....

Что касается меня, моя жизнь пуста, как испорченный, бесполезный зуб, и я спешу уехать, дабы увидеть, способен ли я ещё зачерпнуть жизнь полными пригоршнями. Мне надоело играть в «маленьких принцев». В сущности, чего мне недостаёт, так это того, чтобы любить. Полагаю, Любовь способна меня преобразить, полагаю, что только великая Любовь могла бы меня спасти. Я ещё чувствую, как некоторые из моих способностей бродят в глубинах моего существа, но я не чувствую никаких достаточных мотивов ВЫРАЗИТЬ что-либо. Мне недостаёт хорошего удара кнутом — революции или любви — который разбудил бы меня и вывел из оцепенения.

Подруга, я снова начал курить и прошу у вас прощения за это. Но это сильнее меня, я не могу поддерживать себя в состоянии пустоты, в которой я живу. Я нашёл, что только опиум может заполнить эту пустоту или по крайней мере подарить мне несколько грёз и покой Души. Поймите, я не мог выдержать в этом состоянии «напыщенной суеты», в котором я пребывал. Я не могу жить в отсутствии чего-нибудь увлекающего, захватывающего, будь то книга, идея, вера, война или Любовь. Поскольку этого нет, я принимаю наркотик. Не презирайте меня, это нечто иное, нежели слабость или распущенность — это решение подождать.

На сегодня всё.

Мне нужны ваши новости, ваша дружба. Подумайте о том, что я вам сейчас сказал, нам бы стоило снова увидеться в марте перед новым путешествием. Если я не пишу Макс, то это потому, что я ассоциирую его с вами в каждом своём письме, он также в некотором роде и мой брат. К счастью, вы оба здесь.

Подруга, со всей признательностью обнимаю тебя. Не представляешь, как я скучаю по тебе.

Дружеский привет Макс.

Б.

*

* *

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержка из письма Сатпрема другу детства

*(В это время Ж.Н. закончил юридическую школу
и готовился к тому, чтобы стать «судебным адвокатом»).*

Пондичерри, 14 октября 48

Дорогой Ж.Н.,

.....

Есть люди, раз и навсегда назначающие себя в штат на должность человека, это как поймать сифилис; и состоя в списках на повышение в свои двадцать лет, они уже видят себя как превосходный цветущий шанкр, которым они станут к шестидесяти. Тем лучше для них, но я остаюсь в убеждении, что не существует «лицензии-на-жизнь» — никакой диплом, никакой социальный мотив не могут дать нам такую лицензию. Не существует никакого права на жизнь, самое большее, что у нас есть — миссия, и это самое трудное. Сартр, конечно же, скажет, что мы не являемся «людьми божественного права». Нет ничего банальнее подобных констатаций; одно дело — штамповать их на деньги издательства Gallimard, и совсем другое — извлечь выводы, как извлекают сердцевину из плода, и броситься в пустоту, испив полную чашу одиночества.

.....

Таким образом, в 1940 я ринулся в Соппротивление из-за неправильных мотивов, ибо я надеялся, что весь этот шум сможет изгнать мои тревоги одного среди многих²². К тому же, это было приключение (я ненавидел их свастики). Лишь находясь в камере перед лицом смерти я начал понимать своё лицемерие. Точнее говоря,

22 В мае 1940 (в конце мая или начале июня) Сатпрем в возрасте шестнадцати с половиной лет проник на борт судна *Де Грасс* в бухте Киберон, дабы «продолжать борьбу» в Северной Африке. Затем *Де Грасс*, находившееся у берегов Испании, получило приказ от Адмиралтейства Виши возвратиться в Бордо, уже захваченное немецкими войсками. Когда судно прибыло в порт, немецкие Дорньеры оцепили его бомбами.

близость смерти словно обнажила мою жизнь, как прожектор в ночи, оставив только призрачный силуэт, которого я не узнавал. Следовательно, это и было моей жизнью — моей полностью обнажённой жизнью, без шумного фона и декораций, без постановки, без сцены, без роли, которую, как считается, мы обязаны играть каждый день...

В этой камере в Fort-du-На я внезапно осознал, сколь значительное влияние оказывали другие на мою жизнь. Без них я был не более чем декорацией в бесполезном объёмном изображении, проигрывающемся в пустом зрительном зале. И тогда я спросил себя — о чём же, собственно, я хотел сказать. *Я?*... кожаный мешок, в который другие сваливают всю свою грязь. *Я*... отсутствовало. Всё опрокинулось в непостижимую ночь. Перерыв! больше никаких игр! Я провёл своё время в пустых репетициях, в то время как начиналась НАСТОЯЩАЯ премьера; я чувствовал головокружение.

С самого 15 ноября 1943, дня моего ареста, до сегодняшнего дня меня до сих пор преследует это страшное обнажение. С тех пор я не переставая срывал все маски и отклонял самые удобные оправдания, будь они героическими, социальными или политическими. Потом я претендовал на то, чтобы быть самым бесполезным, самым неприемлемым из существ. Возможно, за всеми оправданиями и обоснованиями я смогу найти истинное обоснование... И меня продолжает преследовать этот привкус самообнажения, «достоверности».

.....

И тогда я уехал в Индию, поклявшись, что ноги моей больше не будет в Колониальной Школе. Здесь я начал с того, что развенчал ещё один миф: «уход». Я узнал, что повсюду встречаешь одно и то же, в Париже, в Пондичерри, в Калькутте или в Шанхае. Настоящая проблема начинается в маленьком грязном номере гостиницы, когда больше не на что отвлечься и нечем развлечься. Когда нет никакого способа оставить свою душу в камере хранения вместе с багажом, а самому отправиться гулять с лёгким сердцем и пустыми руками.

Поэтому здесь я продолжил свои размышления, преследуемый этим своего рода концентрационным* призывом, этой жадой

* Так у автора — «d'appel concentrationnaire» (прим. пер.)

интегрального саморазоблачения, которую я познал в тюрьме, а затем в лагере. Бесплезно говорить тебе, что я провёл своё время главным образом в поисках окольных путей и лазеек. Беда в том, что невозможно плутовать с самим собой, и в конце концов всегда приходишь к тому, что приходится сорвать маску.

.....

Индия многому меня научила. И началось с того, что лопнул этот пузырь, называемый «Правдой». Я заметил, что, увы, нет никакой правды, ни политической, ни религиозной, ни моральной, что правд столько же, сколько индивидов. То, что мы могли бы назвать Правдой, это само движение мира с бесчисленными взаимными воздействиями одних индивидов на других. Правда казалась мне орлом и решкой одной и той же медали, как «путь подъёма и путь спуска» индийской традиции, как «всё есть Брахман».

.....

В течение долгих месяцев я посещал здешний Ашрам Шри Ауробиндо, одного из величайших мыслителей современности. Ашрам — что-то вроде школы по древним традициям, наподобие Пифагорейских, с мастером и учениками, которые путём Йоги (медитация, духовные упражнения и физические дисциплины) пытаются осуществить Союз с Божественным. У меня нет намерения объяснять тебе на этих страницах, кто такой Шри Ауробиндо и что такое Ашрам. В течение долгих месяцев я каждый день входил в «медитацию» и в какой-то момент почувствовал себя готовым оставить всё, чтобы посвятить себя этой духовной жизни, этому самообнажению человека перед Божественным, которое приносит мне Гармонию, Единство и Ясность. Я получил там захватывающее переживание, которое обнажило и обогатило меня... «Поскольку все проблемы существования — исключительно проблемы гармонизации. — говорит Шри Ауробиндо. — Они рождаются от восприятия неразрешённого диссонанса и инстинкта, стремящегося к гармоническому консонансу или Единству, пока ещё не найденному».

Я погрузился в нечто вроде космической ванны, где все антагонизмы оказались полностью разрешёнными, где Правда и Ложь согласовывались как отражения единой Реальности, где принцип непротивления лопнул, словно старый сухой фрукт, где оба аспекта души — сознательный и бессознательный — соединялись, без того,

чтобы существование одного было условием отторжения другого... Короче, я вновь оказался полностью ослеплённым и, наконец, оправданным, ибо я был частицей Бога, Бога, стремящегося к самому себе сквозь вечную ИГРУ перевоплощений. Это была красивая мечта, наконец, это был отдых. Кладбищенский покой.

Однажды я проснулся от этого сна и понял, что я предаю своё состояние человека. Ашрам научил меня, что закон жизни — символизируемый танцем Шивы — ненависть и любовь, создание и разрушение, одно является состоянием другого, но я забыл, что я всего лишь один из людей (Мальро очень хорошо схематизирует всплеск всего западного в своём *Искушении Запада*: «Житель Востока, вопреки жителю Запада, осознаёт, что он не ограничен самим собой, что он скорее место, чем образ действия»). По какому праву я пытался бежать от этого закона ненависти и любви? Меня учили, что согласно древнему индийскому изречению «именно украшая себя роза украшает сад»; но какое я имел право говорить «нет» окружающему меня миру и под предлогом поисков своего Покоя, своего Единства поворачиваться спиной к мелким играм с убийствами? Я вспомнил слова А.Жида: «Стремиться ПРИНЯТЬ В СЕБЯ как можно больше человечности». Я спросил себя: возможно, являясь человеком, именно этого человека, а не какие-то божественные возможности, я обязан был ВЫРАЗИТЬ.

Таким образом, я оказался у подножия стены, которую я с такой радостью перепрыгнул — разбитый. Не переоценил ли я своих сил? В конце концов, «зачем». Всё это создаёт много шума из НИЧЕГО. Тогда, расстроенный, я едва не отказался от всего, главным образом от этой ежедневной напряжённой ситуации. Действовать как действует весь мир, казалось мне наиболее гуманным решением, спастись бегством, подобно всему миру, войти в танец и «включить дурака», дабы заработать на корку хлеба... Я раздобыл все нужные сведения, чтобы сделать себе «карьеру» и напоследок все рекомендации для поступления в школу администрации... а затем — так как вопреки всему я не обрёл спокойствие сознания и мне всё это достаточно поднадоело, — чтобы «отвлечься», я начал курить. (...)

Я также не жалею ни о чём в этом опыте с опиумом. Я ещё не осмеливаюсь говорить в прошлом времени, так как борюсь уже два года, колеблясь между дезинтоксикацией к интоксикацией, и сейчас

уже третья попытка дезинтоксикации, и каждый раз кризис всё более болезненный, как говорил Кокто: «Гордись своим усилием, я не следовал дезинтоксикации. Мне стыдно быть изгнанным из этого мира, в котором здоровье похоже на гнусные фильмы, где показывают министров на торжественном открытии монумента». И между тем, я от него отказываюсь (надеюсь, что продержусь в этом отказе), ибо как я не мог принять Покой Ашрама, также я не могу принять и Покой опиума не отказываясь от ясности, от своего состояния человека. (У Кокто есть и другие восхитительные строки: «Не от опиума нужно лечить, а от интеллекта»). По крайней мере, опиум приносит мне определённое чувство отхода внутрь от самого себя и других, определённую отстранённость от плодов действия, определённый вкус чистого, бесплатного усилия, чувство улыбки и тщетности.

.....

Наверное, нет никакой Правды (с большой буквы «П»), но является ли это основанием для того, чтобы отказаться от МОЕЙ правды? Наверное, нет справедливой причины, но остаются справедливые люди. Наверное, с точки зрения смерти жизнь сводится к нелепому фарсу — но является ли это основанием для того, чтобы сводить жизнь к простой медитации на смерть? Наверное, нас нельзя оправдать, но значит ли это, что не нужно искать более лучшего оправдания самого себя — именно того, кто пребывает за любым оправданием, в одиночестве за кулисами, а не в общественных местах. Наверное, человек это — «бесполезная страсть», но означает ли это, что наша кожа приносит доход в три процента на квадратный метр, а цена нашей страсти — две монеты в час? Мы не торговцы супом, а жизнь — не распределение цен... Существует нечто в нас самих, что нужно **ВЫРАЖАТЬ, ОСУЩЕСТВЛЯТЬ,** и отсюда начинается жизнь в условиях так называемого подлинного риска.

.....

Таким образом, у меня нет никакой формулы, которую я могу сообщить тебе. Я не нашёл ни какого-то особенного смысла жизни, ни какой-то великой идеи, которая стоила бы жизнью расстрелянных во имя неё. И тем более у меня нет какого-то мистического откровения, о котором стоило бы возвестить миру. Нет иного откровения, кроме откровения самого себя.

Приходится быть вопиющим в пустыне, и мы не переставая

гоняемся за миражами, но между тем где-то в глубине сердца пребывает некая свежесть оазиса, убеждающая вас присоединить завтра к сегодня... И так ли важны все эти миражи, ведь для меня намного важнее, каким человеком я СТАНОВЛЮСЬ в этой гонке за миражом, ибо жизнь — это гонка, но тот, кто прибыл, уже проиграл.

Ты, вероятно, слышал эту великолепную фразу Лессинга²³: «Ценность человека составляет не правда, которой он обладает или думает, что обладает, но то искреннее усилие, которое он приложил, чтобы её завоевать. Ибо не владением, а поисками Правды возвеличивает человек свои силы, и ими он совершенствуется. Если бы Бог держал в своей правой руке чистую Правду, всю целиком, а в левой — вечное стремление к Правде, даже с условием постоянных ошибок, и если бы он сказал мне: выбирай! Я смиренно взял бы его левую руку и сказал бы: — Давай, Отче; ибо чистая Правда принадлежит только тебе».

Нет ни «цели», которой нужно достичь, ни вечной Правды, но есть тысяча и один смысл самого себя, на которые нужно ОСМЕЛИТЬСЯ, наша жизнь и есть наша «первичная глина» — которую нужно замешивать, как поэму, со всеми её бунтами, со всей её любовью и ненавистью, со всей её бескомпромиссностью и яростью.

.....

Хотелось бы закончить, особо акцентируя внимание на идее, которая мне дорога: я стремлюсь переживать то, о чём думаю, а не думать о том, как я живу. Не знаю, каким будет мой следующий этап; в феврале я покидаю Индию, чтобы вести жизнь, совершенно отличную от той, которую я вёл три последних года; это жизнь «нон-конформистская» настолько, насколько это вообще возможно. Иногда ещё просыпаются слабости (тоска по законному комфорту и духовному конформизму), ибо дорога эта пустынна и камениста... но есть также и Радости, и они не нуждаются в том, чтобы быть записанными.

23 Готхольд Эфраим Лессинг — немецкий поэт и драматург (прим. пер.)

Бернар д'Онсие

Пондичерри, 16 ноября 1948
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, дорогой мой Друг,

Разумеется, немного разочарованный тон вашего письма и весьма дружеский упрёк, который вы мне делаете — всё это я заслуживаю. Бернар, вы должны мне верить, если я говорю, что я *постоянно* думал о вас в эти последние месяцы; и я не писал вам именно потому, что не мог бы сделать это так, как хотел. Произошло столько вещей, о которых надо вам рассказать, и мне бы оченьгодились ваши советы. Не оставляйте меня. Возможно, вы единственный человек, который мог бы что-то сделать для меня; я в таком хаосе. Во-первых, вы совершенно напрасно думаете, что я могу избегать вас! — хотя у вас была на то определённая причина. У меня немного друзей, и я не имею привычки менять их. Я не забираю назад то, что отдал.

Я должен любой ценой видеть ясно, особенно теперь, а вы можете помочь мне видеть ясно.

Вот уже семь лет я живу с воспоминанием — и я настойчиво поддерживаю в себе это воспоминание: речь моего отца, когда я заявил ему, что собираюсь войти в Соппротивление; он ответил: «Ты помещаешь себя вне закона. А я помещаю тебя вне семьи». Я уехал хлопнув дверью и поклялся себе, что останусь вне закона и вне семьи. Возвратившись из лагерей, я тотчас же осуществил свою идею: я был учеником администратора Колониальной Школы, и мне достаточно было спокойно скользить по наклонной плоскости — два года учёбы в «Коло» и продвижение каждые три года, пока не придёт смерть. Я бросил это при первом же случае, дабы выйти из механизма. Появился Барон: Индия.. возможность?.. Я всё бросил и уехал. По окончании контракта в конце марта Барон предлагает мне работу в Суэцком Канале на хорошей должности (Жан-де-Вог, один из его «лучших друзей»). Я отклонил предложение. Я могу, если захочу, возобновить контракт с Главой службы Информации во Французской Индии — я этого не хочу.

Для меня «Соппротивление» не является пустым словом, и мой дух продолжает стойко сопротивляться. Я страстно желаю вести

жизнь, максимально свободную от социального конформизма. Поймёте ли вы, если я скажу вам, что хочу дойти до границ самого себя, скомпрометировать себя, подвергнуть опасности свою жизнь на основе идеи.

Хочу сказать вам о подлинной глубинной причине моего отношения: уже много лет я живу с сожалением и надеждой. Сожалением о том, что я не поэт, и надеждой написать когда-нибудь достойное произведение — одну книгу, не больше, которая достигла бы самых глубин человека. Я не хочу быть одним из тех плутов, кто получает месячную зарплату издательства Gallimard ценой своих мастурбаций. Я слишком презираю подобных мозговых импотентов. Я хочу скомпрометировать всего себя полностью в этой книге — которая выражает либо крах, либо триумф. (Мальро, возможно, единственный, кто начал прокладывать дорогу, по которой я намерен следовать до конца).

Меня до сих пор преследует то непостижимое переживание: это было в лагере после восемнадцати месяцев голода, страха и ужаса. В один из дней, который я буду помнить всю свою жизнь, мы возвращались со стройки босиком по снегу. О, как рассказать об этих вещах. Находясь в таком бедственном положении, я внезапно почувствовал себя захваченным громадной, невыразимой радостью, РАДОСТЬЮ ужасающей. Не так ли, вы даже не можете представить этот глоток чистого воздуха, который внезапно наполняет счастьем ваши лёгкие, словно вы готовы лопнуть от радости. ЧИСТОЙ радости. Я никогда не имел и никогда не испытывал ничего подобного.

Вот так. И я заново ищу эту наготу человека, находящегося перед лицом смерти, это тотальное, абсолютное саморазоблачение. Этот момент, кажущийся столь близким к смерти и до странности похожий на НАЧАЛО. Истинная роль, которая начинается тогда, когда больше нет ни зрителей, ни партнёра, когда нет больше декораций. Я пытаюсь сбросить все маски, надеясь обнаружить своё истинное лицо.

Всё это выражено очень сумбурно. Но вы поймёте, я в этом уверен. Я хочу вести неоправданную, непростительную жизнь, и надеюсь, что найду — возможно — за всеми оправданиями истинное, сущностное оправдание, и тогда напишу эту книгу. Я желаю себе напряжённой, увлекательной жизни, которая вытянула бы из меня всё

то, что ожидает выражения. Если я снова отыщу эту радость, посетившую меня в лагерях, значит, я преуспею, а впрочем, меня мало волнует возможность ПРЕУСПЕТЬ — я просто хотел бы всеми силами поддерживать в себе эту веру. Я ищу в жизни не столько цель, сколько РИТМ, который я хочу поймать и сохранить, тысяча и один смысл самого себя, тысяча и одно направление, по которым я упрямо стремлюсь пройти. ОСМЕЛИТЬСЯ на любую правду. Я поставил на кон всё, чтобы узнать, имею ли я ценность или не имею, я делаю ставку на себя, и не хочу никаких РЕКУРСОВ²⁴. Никакого трюкачества, никакого диплома, положения, жены или социального одобрения, за которые я мог бы цепляться. Я не хочу обманывать себя. Я не хочу быть тем, кто считает себя в определённой степени важной птицей только потому, что имеет финансовый доход, ребёнка или крупный бизнес. Вы меня понимаете? Я хочу действовать, имея мужество в самом себе.

Такова глубинная линия моей жизни, и я знаю, что НЕ МОГУ предать эту линию, ибо тогда всё рухнет, и я потеряю весь смысл самого себя.

.....

Я живу в состоянии напряжения, как вы, без сомнения, догадываетесь. Жить в таком подвешенном состоянии изнурительно, и однако, я только начинаю. Бывают моменты депрессии, отвратительные СОМНЕНИЯ. Множество проявлений трусости. И трубка с маленькой лампой — наименьшая из моих трусостей. По крайней мере, они позволяют мне переждать, и у этого переживания также есть своя ценность.

Но по мере приближения марта моё беспокойство увеличивается, так как в марте я обещал себе отправиться в дорогу, оставив трубку и комфорт.

Я хочу, я страстно желаю приключения, но не хочу потерпеть неудачу с моим приключением.

Я больше не знаю.

Всё, что я знаю, это то, что мне определённо нужно оставить лёгкую жизнь в Пондичерри.

24 Рекурс — право кредитора требовать выплаты долга гарантами, если основной дебитор не в состоянии исполнить свои обязательства по кредиту; образно говоря, перекладывание своих обязанностей на других (прим. пер.)

Посоветуйте мне, Бернар. Только вы способны сказать мне что-то дельное, только вы можете понять. Бывают моменты, когда я настолько сомневаюсь в самом себе. И бывают моменты, когда я спрашиваю себя — и это, возможно, было бы хорошим оправданием в случае поражения на пути к себе — а что, если эта жизнь, к которой я стремлюсь, не является БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ.

.....

Я покидаю вас, мой дорогой Бернар. Вы знаете, что наша дружба вполне заслуженна, неразрывна и окончательна. Я не одалживаю, я дарю.

В свете всего того, о чём я вам сказал, вы должны искренне оценить, соответствует ли вашим проектам та жизнь, которую я хочу вести. Надо бы нам увидеться. Повторить некоторые из тех чудесных вечеров, проведённых возле маленькой лампы.

Я нуждаюсь в ваших советах, в вашей дружбе, и знайте, что я вам доверяю.

Ваш
Б.

Пондичерри, 20 ноября [1948]
Клари

Подруга,

.....

Всё это умерло давным-давно. Уже многие месяцы женщины меня не интересуют, за исключением самой идеи женщин, которых я уважаю, ибо я всегда в ожидании своей великой любви.

Я снова, более чем когда-либо, попал в лапы своего чёрного гения, но я не жалуясь. Это позволяет мне сыграть мёртвого — потому что я мёртв. Я ожидаю оказии, которая меня разбудит, она придёт в марте.

Касательно письма, адресованного вашей «J.N.» — она, как вы говорите, полна противоречий. Ну конечно! Чтобы проработать одну точку, нужно пройти через немалое число точек, и именно так я пытался действовать, отображая различные стадии, через которые я

прошёл. Это просто история, а не изложение своих взглядов — давайте предположим, что это была плохая история, и больше не будем о ней говорить.

Это письмо весьма поспособствовало тому, чтобы я начал думать о том, о чём уже не думал.

И что я думаю? Да НИЧЕГО. Как я уже вам сказал, я притворяюсь мёртвым и жду. Самое большее, что мне остаётся, это несколько интеллектуальных всплесков, некоторое количество тревог в час озарения между двумя трубками. Эти всплески были моей единственной слабостью, так как я использую их, дабы плодить глупости или письма, одно из которых вы читаете.

Похвастаться нечем!

Возможно, это письмо — попытка извиниться. Но я остаюсь в убеждении, что никогда ни на что не годился, разве что только в исключительных обстоятельствах. Хмурая, плоская, мелочная жизнь, которую я веду здесь, без сомнения, делает меня хмурым, плоским и мелочным. Я в ожидании новых обстоятельств, которые либо ВСКРОЮТ во мне новое существо, либо выявят лишь мою «суетливую тщетность» — такое возможно; но в этот раз я хоть и в сантиметре от пропасти, но не сорвусь.

.....

Моя единственная правда — проштудируйте формулу и вы поймёте — в том, чтобы быть наиболее неоправданным из существ. Пока ещё не до конца, ибо я пытаюсь оправдаться в ваших глазах.

Единственная вещь, которая ещё жива во мне, вещь, лежащая под ранее упоминаемым наркотическим «оцепенением», состоит в том, что я хочу дойти до конца самого себя, такого непоследовательного и такого неоправдываемого. Иметь в себе мужество дойти до конца.

И прошу вас поверить, что это не просто слова.

Не тормозите меня, если я долго не пишу, это потому, что со мной действительно не происходит ничего, о чём стоило бы говорить. Вы всё ещё живо присутствуете в моих снах, это уже что-то!

Обнимаю вас, Подруга. Я пишу вам, едва закончив чтение вашего письма. Возможно, я не должен был выражать всё это таким образом. Но какая разница. Буду перечитывать ваше письмо и думать о вас. Может быть, я буду мечтать о том, чтобы усовершенствоваться и стать истинным человеком!

Счастливо
Б.

1949

Пондичерри, 10 января 1949
Ж. П. Тристраму
Париж

Дорогой Жан-Поль. Я часто думаю о нашей последней встрече в Бомбее. Ты не представляешь, как я сожалел, что не увиделся с тобой в Пондичерри. Это настолько по-идиотски — так скучать друг по другу. Мне кажется, мы ДОЛЖНЫ были увидеться. В конце концов, нет смысла распространяться об этом.

Что у тебя происходит? Каковы твои планы? Докторат и школа реабилитации или восточной психологии? — я хочу сказать: дал ли тебе Париж что-нибудь новое. Я так хотел бы знать, какой ты сейчас и каким *становишься*...

Что касается меня, я окончательно покидаю Пондичерри в конце следующего месяца. Мои планы туманны. Сначала я планирую отправиться в Дели, где у меня есть два друга: Оливье, директор Агентства Франс Пресс, и Граф д'Онсие, искатель приключений, о котором я рассказывал тебе в Кабуле. Без сомнения, в Дели мой будущий путь окончательно определится, но уже сейчас у меня есть достаточно оформленная идея: Китай.

И вот мне вдруг пришла в голову мысль о поездке твоих друзей Николь и Ф. Я почти решил, если эта вещь материально реализуема без слишком больших расходов, повторить их путешествие в обратном направлении: Гилгит* -Китай через бассейн реки Тарим.

Во мне присутствует некая лихорадка, неистовая жажда действия, потребность в ПУСТЫНЕ, которую я хочу исчерпать. Понимаешь?

* Гилгит — административный центр Пакистанского региона *Гилгит-Балтистан* (прим. пер.)

Эта поездка могла бы меня «успокоить».

Так что я полагаюсь на тебя в вопросе получения всей необходимой информации от твоих друзей Н. и Ф., а именно: точный маршрут (какой путь наиболее интересен: через Север или через Юг?), детали экспедиции и необходимые материалы: финансы (в каком количестве), одежда, багаж. Наконец, все полезные практические советы для этой поездки... Наиболее благоприятный период? Паспорт?

Я хотел бы совершить эту поездку вместе с тобой, но ты, должно быть, погружён в свои книжки... Вероятно, в них больше мудрости.

Возможно, я совершу эту вылазку в полном одиночестве, если только мой граф-авантюрист не соблазнится этим проектом.

Ты можешь отправить мне эти сведения срочным письмом, также как и карту с максимально подробным маршрутом, который ты составишь вместе с Н.Ф.

.....

Пребывая в ожидании, я снова подверг себя интоксикации, довольно серьёзно, уже второй раз после моего возвращения из Франции. Но я решил начать дезинтоксикацию 17 января. Как только буду в состоянии, я снова начну занятия спортом и тренировки для большого путешествия.

Оставляю тебя, мой дорогой Жан-Поль. И с нетерпением ожидаю твоих новостей и сведений.

Обнимаю тебя со всей моей признательностью и дружбой.

Б.

Пондичерри, 17 января [1949]
Понедельник
Клари

Подруга,

.....

Сегодня я пишу вам для того, чтобы взять вас в свидетели моих «решений». Я снова начинаю, в самом деле — в который раз — новую попытку дезинтоксикации. Сегодня я остановился на трёх трубках и

собираюсь медленно уменьшать дозу. Я пребываю в состоянии полного ступора (впрочем, эйфорического). Не знаю, почему я отметил наугад в своей тетради: 17 января — дезинтоксикация. Я держусь и надеюсь держаться до конца.

Хотелось рассказать вам о стольких вещах, причиняющих боль. Я захвачен таким отвращением к людям и вещам. Если бы вы знали, в какой грязи всё здесь пребывает, никто не может избегнуть её²⁵. У меня впечатление, что я захвачен чем-то вроде водоворота, засасывающего меня в глубину я не знаю какой пропасти. Всё утекает сквозь пальцы. Не на что опереться. Все точки опоры исчезают. Всё это уродливо, Клари. Я испытываю отвращение, и опиум стал для меня убежищем. Я хочу выйти из этого человеческого болота.

Вы всё ещё мой друг?

Но я собираюсь сказать вам о том, что у меня на сердце, что я чувствую, чего хочу, а потом, если вы по-прежнему мой друг, вы найдёте нужные слова, чтобы помочь мне.

Начиная с 15 лет, когда мои родители, приведённые в ужас моим невозможным характером, отправили меня в заключение в Аббатство Лангонье — с этого 15-летнего возраста я постоянно живу в состоянии анархии и бунта. Война лишь развила эту предрасположенность к беспорядку, более того, придала ей вкус риска и смерти. И наконец, Индия довела до апогея эту интеллектуальную и эмоциональную анархию. Меня «тянуло сразу во все стороны», подобно индийским толпам, подобно их храмам, их джунглям. Это великое кораблекрушение в Космосе. Меня изрешетило, я дал течь сразу со всех сторон, и чтобы забыть об этом, я и задыхаюсь в негативном созерцании под опиумом.

Я хочу, чтобы всё это прекратилось. Не могу сказать, что мне захотелось вдруг стать порядочным, законным и социальным — нет. Но я стремлюсь к чистой жизни. Я стремлюсь в ПУСТЫНЮ; громадные плоские пространства, солнце и дороги, где ценность измеряется скромным эталоном количества километров, пройденных под жаркими лучами светила. Я стремлюсь к подлинному одиночеству, я стремлюсь ощутить крепость своих мышц под натянутой кожей. Я стремлюсь к жажде, я хочу попробовать

25 Интриги против управляющего Барона и гнусное сражение с целью выдворить его из Пондичерри.

ОЧИЩАЮЩЕЙ воды оазисов после изнуряющего дня в песках. Понимаете? Я стремлюсь отыскать нечто возвышенное — в этой Пустыне, нечто, что я уже когда-то нашёл в Море.

Так что у меня есть большой проект, который я намерен очень скоро осуществить, если не будет материальных или «дипломатических» затруднений: я намерен уехать в Китай по великому Шёлковому Пути, один, пешком, с караванами и случайными проводниками — пройти через Гилгит и пустыню к реке Тарим. Шесть месяцев пустыни в центральной Азии. Ставить свою палатку там, где захочу. Узнать себе цену в этом саморазоблачении. Ощутить твёрдость Скалы и глянец песчинки. Наконец, очиститься.

Моей целью является не сам Китай. Я не хочу знать, чем я буду там заниматься. Моя цель — пустыня, тяжёлая мышечная работа, молчание. Понимаете? Возможно, после этих шести месяцев пути я смогу узнать, чего я стою, чего хочу.

Я уйду из Пондичерри через месяц, в середине февраля. Все необходимое — подготовка, экипировка — я сделаю в Дели, где меня приютит д'Онсие. Вот так.

В сущности, каждого из нас можно «определить» способом равновесия, которое нам присуще. Один находит своё равновесие в браке или в Сорбонне, другой в лаборатории или на трибуне Парламента. Я полагаю, что моё равновесие другого рода: это равновесие на краю бездны — тонкая кромка, на которой ты либо держишься абсолютно прямо, либо падаешь. Я «чувствую» свою жизнь только в этих крайностях, где я могу сыграть по полной, одним ударом. Я понимаю жизнь только как жестокий ВЫЗОВ судьбе, как в момент смерти. Только смерть может сделать жизнь выпуклой, рельефной, придать ей тот удивительный вкус, который она имела в период Сопrotивления или в концлагерях. То, о чём я уже однажды писал вам, остаётся в силе: я храню душу, которая была у меня в Тюреме, в полицейской машине, этот странный взгляд, которым я смотрел сквозь решётку на других, на живых, идущих на ярмарку в Денферте или сидящих на ступенях собора. И в этом свидании тет-а-тет со смертью я нахожу свою силу. Опиум был абсурдом, негативной смертью, это было утверждение смерти против жизни. Это было безвольным скольжением. Нет, то, чего я хочу, это противоположное утверждение, это жизнь против смерти. Возвышенное очищение

Пустыней.

Я чувствую, Клари, что не могу свободно дышать, кроме как в этих испытаниях, в этих бесконечных «Судах Божьих»; жить всегда в предпоследней Ордалии*, в которой я черпаю право продолжать существование ещё в течение какого-то времени до следующего испытания и следующего триумфа. В испытании Пустыней я, возможно, найду новое оправдание, по крайней мере, на некоторое время. Присутствует вся эта лихорадка, которую мне хотелось бы успокоить. Мне нужно исчерпать себя.

Но я занимаюсь ерундой. Мне надоело играть в «мыслящую авторучку», следить за собой и ЗНАТЬ. Я хочу великого обнажённого молчания, наготы и лопающейся на солнце кожи. Вы понимаете, позволить этому бедному маленькому Я умереть в песках и отыскать подлинное глубинное сокровище.

Напишите мне, подруга, если вы прощаете мне моё молчание. Это было не упрямством, а пустотой души. Расскажите мне, о чём вы думаете.

Дружески обнимаю вас и Макса.

Всегда ваш
Б.

Удачи?

Пондичерри, 5 февраля 1949
Бернару д'Онсие

Дорогой мой Бернар,

Хочу сообщить тебе об одной победе: я последовал твоим советам и совершаю дезинтоксикацию. Начал 17 января с уменьшающихся доз, и вот уже три дня, как не курю. Я разбит, обессилен, но верю, что эта партия будет выиграна. Я больше не буду курить, кроме как только с тобой, и я учусь «обладать наркотиком вместо того, чтобы позволить ему обладать мной».

Физически я обессилен, но чувствую себя словно заново

* Ордалия — «Суд Божий», испытания огнём, водой и т. д. (прим. пер.)

помолодевшим и возвращаюсь в число «живых» — не столько для того, чтобы ими восхищаться, сколько для того, чтобы их превзойти. В моих жилах настоящая весна духа. Без сомнения, сегодня вечером я буду менее стойким, но этот рассвет наполняет моё сердце радостью, и конечно же мне хочется поделиться с тобой этой радостью, я должен сказать тебе, сказать ясно и доходчиво, о твоём последнем письме и со всей простотой ответить на заданные тобой вопросы.

Ты спрашивал у меня, какому «закону» я принадлежу. И я собираюсь ответить тебе, кем я был, что я чувствую и что хочу сделать.

И сначала хотелось бы сказать тебе о той глубинной связи, *непрерывности, преемственности*, которую я обнаруживаю в своей жизни, с каждым днём всё больше; связь между страстным мальчишкой, которым я был в десять лет на забастовках в Бретани, и человеком, которым являюсь сейчас. Словно я не занимался ничем, кроме выполнения определённых обещаний юности, которые мы даём самим себе, не очень хорошо понимая, зачем. Словно вся моя жизнь до настоящего момента была лишь непрерывным выражением этого внутреннего РИТМА, который начал пульсировать в тот вечер Пасхи во время большого прилива, когда я десяти лет от роду гулял у обрывов среди пенных бурунов и орал как сумасшедший от радости и избытка силы. Ты понимаешь, тот вечер был словно посвящением неизвестному Богу, посвящением, смысл и значение которого были мне неведомы. Я пока ещё не ведал значения радости, которую я тогда ощутил, но сейчас я несу в себе нечто вроде внутренней ЛИХОРАДКИ, которая полностью детерминирует меня и мои действия. Все мои поступки, весь мой образ действий является и может являться только выражением этого внутреннего движения, этого ритма.

Без сомнения, я провожу свою жизнь в «бунте», бунте против семьи, против дипломов, против социальных правил — по крайней мере, мне всегда говорили, что я «бунтарь». Но это не было бунтом тогда и это не является бунтом теперь, это не более, чем движение волны, сметающей всё, что препятствует моему ритму. Понимаешь, как если бы это было нечто настолько сильное, что взрывалось под моей кожей.

Да, я нахожу волнующую связь между этим «невыносимым»

мальчишкой, которого пришлось запереть в Аббатство Лангонье, того, кого вынуждены были выставлять за дверь в школе Иезуитов, и того, кто страстно бросился на войну. О! давай не будем говорить о патриотизме, я никогда ничего не делал из чувства патриотизма, на войне я лишь нашёл отдушину для моей жажды риска и радостной необузданности. Я никогда не испытывал большей радости, чем та радость, когда приходится ПОСТАВИТЬ НА КАРТУ всего себя целиком одним ударом в одном-единственном акте.

.....

Так что мне надоела эта анархия и это глупое интеллектуальное половодье. Мне надоело стремление объяснить то, что необъяснимо. Я слишком хорошо убедился в том, сколь идиотской вещью является эта «охота за Правдой». Единственная правда и единственное действительно ценное произведение искусства — это то, что мы ДЕЛАЕМ со своей жизнью. Я больше не хочу ни противопоставлять смерть жизни, ни делать жизнь медитацией на смерть. Я хочу быть олицетворением жизни, совсем простой жизни, против смерти. Я хочу быть своим собственным сотворением мира и своим собственным Апокалипсисом. В конечном счёте, что для меня может быть важнее того, что я смогу замесить собственными руками, если я рискну собой и создам что-то в своей собственной коже.

После трёх долгих лет анархии я чувствую в себе огромную потребность в очищении, потребность в ПУСТЫНЕ. После всего этого индийского кишения я нуждаюсь в истинном одиночестве и в возвышенной обнажённости. Я нуждаюсь в бескрайних горизонтах, протяжённых, голых, жгучих.

.....

Я начал догадываться об этой потребности на дорогах Афганистана, путешествуя из Кабула в Кандагар, и теперь я весь целиком в этом проекте путешествия в Пустыню.

Я решил — если мне не помешает какое-либо материальное препятствие — уехать в Китай по дороге китайских мандаринов*: Тибет, Гилгит, а затем Син-Цзян. Исходным рубежом будет Дели, и я очень надеюсь увидеться с тобой гораздо раньше, возможно, ты решишь поехать со мной, это было бы великолепно. Именно в твоём

* Мандарин — чиновник феодального Китая (прим. пер.)

обществе я хотел бы проделать этот долгий путь. У меня нет особенной «цели». Китай для меня даже не цель. Для меня важна сама дорога, усилие на Пути, снятие покровов и тот человек, которым я стану через совершение этого усилия. Заставить разорваться мою слишком тесную шкуру под огромным пустынным солнцем. Освободиться от этого маленького мелочного Я и позволить проявиться в моих жилах возвышенности истинного одиночества. По сути, Пустыня — сестра Моря, а я нигде не чувствовал себя таким свободным, таким ЖИВЫМ, как в Море. Ты понимаешь, когда я в Море, я чувствую, как моя жизнь бьётся словно поэма, и я начинаю распевать (фальшиво) — именно этой радости и этой полноты я ищущу.

Нет, Китай меня мало интересует. Когда я завершу поездку, мне останется лишь начинать сначала, всегда начинать сначала, без цели — ведь единственная цель это внутренний ритм, которому я должен быть верен, предан, это вечная ИГРА, в которой мы ТВОРИМ СЕБЯ.

Бернар, наша единственная сила в том, что мы уверены в том, что умрём. Я понял это на войне, и ты не представляешь, насколько знание этого делает всё простым, лёгким, малозначительным. В конечном счёте, всё, что мы делаем, это продолжаем игры своего детства, но это всегда ИГРА, великая игра. У меня стойкое чувство, что именно таким я теперь и являюсь, таким я был, когда бежал в ланды* играть в «жандарма-вора». Нет или почти нет никакой разницы — *интенсивность* и страсть остаются теми же, неважно, идёт ли речь о войне, о Китае или игре «жандармы-воры». Ничто не является «серьёзным», кроме этой интенсивности, прожитой вживую, кроме этой страсти к игре, которая играет сама с собой, до конца, целиком и полностью, без обмана.

Да, я поражён этой непрерывностью, присутствующей в моей жизни под хаотичной видимостью, и мне вспоминаются слова Мальро: «Пусть другие путают отказ сдаться на волю судьбы с мучительным предчувствием неведомого». Нет судьбы, нет случая, есть эта мучительная погоня за самим собой, это непрерывное *осуществление* себя, это предчувствие своего становления.

Некоторые находят «равновесие» в браке, в системе Образования или в административной работе. Нужно уметь определять людей по

* Ланды — природная область на юго-западе Франции (прим. пер.)

свойственному им равновесию. Для меня равновесие в другом, а никак не в двух ногах, твёрдо стоящих на земле.

Итак, дорогой Бернар, через всё это тебе, возможно, откроется то, какому «закону» я принадлежу и какова моя внутренняя необходимость. Говорю тебе, речь идёт именно о необходимости. Это не какая-то идея, которую я пытаюсь осуществить, это моя судьба, которая осуществляет себя.

[фото Сатпрема на яхте на стр. 117 оригинала]

.....

Надеюсь увидеть тебя очень скоро и надолго. Эта встреча доставит мне большую радость.

Возможно, я прибуду в Дели раньше, чем закончится февраль.

Со всей моей привязанностью и дружбой.

Б.

Сатпрем в море

Пондичерри, 18 февраля [1949]

Клари

Подруга. Со мной приключилась отвратительная «неприятность». Моя поездка накрылась. Я в полной растерянности. Преемник Барона ведёт себя со мной как последний негодяй. По окончании контракта я должен был получить компенсацию в 5000 рупий, вместо этого мне оплатили 500. Обращение в суд заняло бы два года... Следовательно, я оказался выброшенным на улицу с 500 рупиями в кармане, что не очень приятно. Впрочем, ты не представляешь, что мне приходится выносить вот уже три месяца, с момента ухода Барона. Когда кто-то упал, его топчут²⁶.

Презрительное отношение людей, оскорбительные листовки, но это пустяки в сравнении с грязным кружением, затаскивающим меня на тот план, на котором я не умею защищаться — на план административный.

Я не хочу вдаваться в подробности, я лишь хочу поделиться с кем-то тяжестью, которая у меня на сердце. Эта неудавшаяся поездка меня убивает. Я вложил в этот проект всего себя, ты не представляешь, что он значит для меня.

.....

Впечатление, что я нахожусь во враждебном мире, окружённый жадными людьми, подсчитывающими, сколько они смогут «вытянуть» из тебя, и плюющими в тебя, когда уже нечего вытягивать. Даже для Приключения нужны деньги, деньги чтобы любить и обижаться, деньги, всегда и повсюду эти наличные. Куда ни глянь, везде мне говорят о визах, паспортах, таможенных, залогах,

26 «Дворцовые интриги» (генерального правительственного секретаря, которой хотел стать губернатором), как и дурные отзывы Министерства Колоний на политику Барона привели к тому, что его сместили с поста губернатора. Пользуясь отсутствием Барона, уехавшего в Париж с целью «объясниться», генеральный секретарь приказал опечатать правительственную комнату Сатпрема, защищающего Барона и отказывающегося уступить территорию этому интригану. Был настоящий скандал, приведший к тому, что Генеральный Инспектор Колоний вынужден был нанести визит. Фактически, после смещения Барона Сатпрем оказался совсем один перед сворой.

полисе и квотах эмиграции. Впечатление, что я пойман, словно крыса, и начинаю понимать, что означает эгоизм людей, закрытые лица и враждебные гримасы. Ты понимаешь, Мир ЗАПЕРТ. Места больше нет.

Что делать? куда ехать? Я предпочитаю скорее сдохнуть, чем возвратиться во Францию. Неизвестность. Я ни на что не годен. Могу передвигаться лишь в радиусе пятисот рупий, и вероятно, я присоединюсь к д'Онсие в Дели. Там найдётся какой-нибудь способ — настолько бестактный, насколько возможно — перетрясти этих ужасных мещан. (Невозможно понять особу, которая может быть хорошим администратором, главой Бюро Финансов с его рупиями Экономии и уменьшающимся с каждым месяцем жалованьем, и которая при этом пытается содрать с вас несколько сотен рупий и провалить ваше Путешествие)...

Но я не скажу ничего толкового в этом письме. Не хотелось бы, чтобы дело принимало столь скверный оборот. Я просто хотел рассказать вам, как это было. (Я пытался продать свои ковры — безуспешно. Эти люди торгуются, как свиньи на базаре...) Я отправлюсь из Пондичерри в Дели, как только урегулирую дела Барона, думаю, в начале марта.

С грустью обнимаю вас. Надеюсь, что всё улажу до вашего следующего письма. Мне нужна ваша дружба. Счастливо, подруга.

Б.

Я утешаю себя словами, что мы всегда имеем ту судьбу, которую заслуживаем. Случайностей не бывает.

Пондичерри, 28 февраля [1949]
Клари

*(Последнее письмо Сатпрема
перед отъездом из Пондичерри)*

Драгоценная подруга, ну конечно мы в согласии! в полном согласии. Ваше письмо в точности выражает то, о чём я думаю. Это мне предстоит распутать все узлы и утвердить свою ценность — если

она у меня есть — и это касается ТОЛЬКО меня. Моё последнее письмо выражало чисто «физические», если можно так выразиться, уныние и беспорядок; но сам принцип, одухотворяющий мою жизнь, не дрогнул ни на секунду. Дабы успокоить вас, я повторю для вас своё «кредо» (на данный момент, ибо я ничего не могу гарантировать на будущее!):

Как и вы, я убеждён, что нет иной правды, кроме внутренней. Мы представляем собой наше собственное Творение Мира и наш собственный Апокалипсис. Мир — наше собственное непрерывное ИЗОБРЕТЕНИЕ. Это мы ОБОЗНАЧАЕМ Мир, меняя нашу собственную значимость — как скульптор режет девственный мрамор — своими собственными действиями.

Нет случайностей, нет неудач, нет «ошибок других людей» и тем более «неудачников». Мы ответственны, полностью ответственны за всё. Не существует «неудачников», есть лишь те, кто промахнулся. Мы всегда имеем ту Судьбу, которую заслуживаем, ту, которую плетём мы сами своими действиями — как бы незначительны они ни были — каждой из наших реакций, каждым из наших слов. Мы уже целиком являемся сами собой — прошлым-настоящим-будущим — в наименьшем из наших действий. Понимаете, нет никакого «великого дня» или «божественного часа», есть Бернар, обнаруживающий свои истинные качества, когда он целует девушку, когда стягивает шкоты грота или когда «прогуливается» среди немецких укреплений.

Я не жду других, которые придут, чтобы дать миру смысл, тот смысл, который мне предстоит отыскать. Я не взваливаю на других свои неприятности. Я убеждён, что всё это ИДЁТ ОТ МЕНЯ и что ответственность только на мне.

Да, Мир подобен испанским гостиницам — находишь там только то, что сам принёс. Всё зависит от моего собственного качества, и именно я — тот, кто должен проходить испытание, никто другой. Как видите, мы с вами в полном согласии.

Давайте подождём и увидим, что сделают из меня грядущие опыты, что они раскроют во мне. Но сейчас мне надоели идеи и слова. Я стремлюсь к тому, чтобы действовать. Помните эту восхитительную фразу Мальро: «Незачем без конца соскабливать индивида, чтобы наконец обнаружить человека... Человек — не то, что он скрывает; он — то, что он ДЕЛАЕТ». Но каким будет моё

действие, спросите вы меня? — Моё действие всегда будет выражением меня самого.

Мои проекты... Они налаживаются, если можно так сказать. Дела устраиваются, я нашёл дополнительно почти две тысячи рупий, так как администрация решила напрямую оплатить мне стоимость моего возвращения во Францию. К тому же я попросил перевод и визу в Мексику.

Почему в Мексику? Даже не представляю. Меня привлекает эта страна, я хочу узнать обо всей Южной Америке, и приходится начинать с конца. Меня интересуют испаноязычные страны, и по правде говоря, мне нужно покинуть «страны Востока», которые привели бы меня к тому, что я начал бы «обниматься» с опиумом. Что я буду там делать? — Да что угодно. Жить как можно более разнообразно, заставить себя «реагировать», регистрировать, открывать глаза и уши. Ибо в конечном счёте вы правы, я создан для того, чтобы писать. Но сначала я хочу это пережить, а Идеи мы увидим после.

Я совсем не уверен, что получу эту визу в Мексику. Тогда я изменю образ действий. Может быть, Марокко? Подождём и увидим. Я по-прежнему, несмотря ни на что, ориентируюсь на сравнение с Актёром: «Когда я сыграю все роли и сброшу все маски, может быть, тогда я и найду своё настоящее лицо?»

На прощание хотелось бы процитировать вам ещё один отрывок из Мальро, который я нахожу очень возвышенным: « Пусть другие путают отказ сдаться на волю судьбы с мучительным Предчувствием Неведомого». Да, свою завтрашнюю судьбу, пока ещё неизвестную, предчувствую и замышляю я сам, также, как я замыслил Соппротивление и Индию. Да, я глубоко убеждён, что мы имеем ту Судьбу, которую заслуживаем, шансы, неудачи или возможности, которых мы заслуживаем. Никогда ничего не случается лишь для того, чтобы нас предать. Мир — непрерывная проекция нашего внутреннего бытия, Мир — наша непрерывная творческая трансформация.

.....

Твоя дружба, как и дружба Макса, ценна и живительна для меня. Я буду держать вас в курсе реализации моих проектов.

Обнимаю тебя, подруга, и не забудь сказать о моей дружбе Максиму.

Ваш
Б.

Дели, 27 апреля [1949]
Клари

Добрый день, подруга! Вы жалкая изменница и я вас ненавижу. Уже который месяц я не получаю новостей от вашей Светлости? Это разбивает мне сердце — и однако я поменял цвет чернил в ручке: зелёная — как надежда (остаётся только узнать, на что же я надеюсь). Как видите, подруга, для меня всё выражается изменением авторучки, чернил или формата бумаги в письме — как если бы вся моя жизнь была только «бурей в... почтовом конверте». Впрочем, под этой очевидной шуткой есть доля правды. У меня впечатление, что я в гораздо большей степени живу в том, что я пишу, чем в ежедневной монотонности — как если бы я «складывал» себя, как пазл, по мере написания строк.

.....

В эти последние несколько месяцев я *слишком часто* думал об этой сказке в несколько строк, которую вы мне послали. Вы помните, Христос в Гефсиманском саду: «Отец мой, если бы перед смертью я сказал им Истину и то, что они не существуют... и т.д.» Знаешь, подруга, это очень красивая история, очень красивая идея: творческое воображение... Говорю это потому, что хочу настоятельно попросить тебя высылать мне понемногу ВСЁ то, что ты написала. Я хочу прочитать, а затем, если ты хочешь, я перепишу для тебя на французском каждую из твоих сказок. Это было бы весьма интересно для меня как превосходное упражнение. Так как мой мозг выпал из потока, вы восполнили бы мою пустоту и дали бы мне материал для литературной деятельности. Как насчёт ассоциации Клари-Бернар! (Были же братья Гонкур!)

Без шуток, я спешу прочесть ваши труды. Пришлите мне всё, не стесняясь, и особенно — не выбирая. Мне тут нечем заняться, и ваши сказки позволят мне ощутить себя ближе к вам. («Ближе к Тебе, Мой Бог»).

Между тем, я здесь устроился у д'Онсие — к счастью, ибо я почти без гроша. Живу в кемпинге в углу его апартаментов. (...)

Между тем, пока никакой надежды найти хоть какую-то работу. Место при коммерческом Советнике Посольства, на которое я надеялся, не «прошло», по крайней мере, окончательного ответа не будет до конца мая. Посол очень мило осведомился у меня, не мог бы я — начиная с июля — стать воспитателем его сына. Я был бы «сыт-и-одет» при Посольстве; имел бы 500 рупий в месяц и оплаченную поездку по возвращении во Францию. К тому же я получил письмо от моих друзей из Мексики, которые обеспечили бы мне интересную должность, если я уеду туда. Наконец, письмо от Барона — обычный счастливец, поведавший мне о своих «великих проектах» и о том, что я, без сомнения, понадобится ему начиная с октября. Я рассчитываю в ближайшие месяцы найти, наконец, путь, который бы меня удовлетворил. «Wait and see*».

Я не хочу говорить вам о своём «состоянии души», потому что у меня нет «состояния» — я словно «оторван от самого себя» и тихо дрейфую меж двух вод. Я получил письмо Макса, которое я, к несчастью, не смог разобрать (скажите ему, что его почерк так же ужасен, как и мой). У меня впечатление, что он меня неправильно понял: он говорит о «фатализме», в то время как я совсем не «фаталист»: я думаю, что очень далёк от того, чтобы быть выражением Судьбы, мы, совсем напротив, строители Судьбы. Именно Судьба является нашим собственным выражением или проекцией.

Пишите мне, не забывайте.

С братским приветом

Б.

*c/o Граф д'Онсие
F.I.O
27, Connaught Circus
NEW DELHI*

* «Подождем и посмотрим» (англ. прим. пер.)

Дели, 7 мая [1949]
Клари

Подруга. Я получил ваше письмо сегодня утром, непосредственно перед тем, как готовился написать вам и сообщить о той самой идее, которую вы мне предложили:

Я в неразрешимом тупике в Дели. Предложенная мне должность при Коммерческом Советнике невозможна — по бюджетным причинам, — я только что виделся с ним. К тому же мне предложили должность Канцлера в Посольстве Бельгии²⁷, но здесь то же самое — я должен ждать три-четыре месяца подтверждения из Брюсселя. Наконец, посол Франции предлагает мне стать воспитателем его сына, но этот пост также не свободен до будущего августа. Так что я «закормлен пустыми обещаниями».

Вы спрашиваете, каково моё финансовое положение; оно не блестяще, хотя и не трагично. Осталось приблизительно 1500 рупий, и конечно же, я должен компенсировать гостеприимство д'Онсие. Деньги здесь утекают с обескураживающей скоростью. Я продал свой фотоаппарат, и мне больше нечего продавать, за исключением моего мозга.

Можете ли вы найти мне работу в Карачи? — Я расторопен в английском и печатаю на машинке (Вы знаете о моих рекомендациях: Личный секретарь и Служба Информации). С моими 1500 рупиями я смогу продержаться ещё около двух месяцев, следовательно, всё это не срочно, но я был бы не против немного поработать.

Эта идея с Карачи меня привлекает, потому что тогда я смогу встретиться с вами. У меня впечатление, что мы можем дать много хорошего друг другу. Я уже много месяцев ничего не писал, но присутствует творческий зуд написать что-нибудь — что угодно — и я уверен, наш с вами контакт даст стимул к этому.

Возможно, я отлучусь из Дели на несколько недель для поездки в Алмору, в Гималаи. Там что-то вроде Ашрама²⁸, для которого у меня есть рекомендация Матери из Пондичерри. Я стремлюсь найти немного одиночества и сосредоточенности. Наконец, это пока ещё только проект...

27 Посол Бельгии был другом Бернара д'Онсие.

28 Это оказался совсем не Ашрам.

С нетерпением жду встречи с вами, подруга. Вы поможете мне лучше рассмотреть, где я нахожусь, и если есть «бездны», через которые нужно пройти, мы вместе споём в ночи, держась за руки, дабы отогнать злых гениев...

.....

Передайте Максу уверения в моей дружбе и верьте в мою искреннюю признательность.

Б.

P.S. Поздравления новобрачным.

Шринагар, 18 мая [1949]
Клари

Дорогая подруга. Пишу вам из Шринагара, куда я внезапно решил отправиться после весьма острого кризиса с печенью, вызванного известными вам излишествами и ужасной делийской жарой с 45 градусами в тени. Каким облегчением было оставить эту печь, где я медленно но верно тонул, как в трясине! Поэтому я покинул Дели в прошлую субботу и пролетев несколько часов над великолепными снежными вершинами первых гималайских уступов, приземлился в Кашмире, в «Happy Valley», оправдывающей своё название, в Шринагаре.

Надо вам сказать, красота этой страны неопишима, настоящий земной рай. Я живу в *house-boat*, доме на воде, на одном из многочисленных притоков Инда, образующем небольшое озеро. Тут все живут на воде, ибо всё, что на земле и под землёй, принадлежит Махарадже, так что бесполезно строить дома, которые будут реквизированы или, скорее, конфискованы²⁹. «Мой» *house-boat* включает в себя две комнаты и два санузла, столовую, гостиную (настоящая жизнь принца за 9 рупий в день) и, наконец, крышу, где принимают солнечные ванны и откуда я вам пишу, созерцая вдали огромные заснеженные горные массивы; ближе находятся

29 На самом деле, положение изменилось. Письмо датируется 1949, но в 1947 Махараджа уступил в пользу Индии.

бесконечные фруктовые сады, вишни и гранаты в цвету и «плавающие сады». Чувствуешь себя на каком-то сказочном озере. Оно создаёт тёплый мягкий климат, словно находишься на пастбищах швейцарских гор. Я купаюсь в ледяном озере, загораю, ем как лошадь (два фунта вишен в день) — воистину, животная жизнь. Я оставил свои трубки в Дели и живу как образцовый мудрец... уже шесть дней; первые дни было довольно тягостно, но теперь я чувствую, как возрождаюсь, очищенный.

Должен вам сказать, эта страна чудесна. Есть здесь что-то от Венеции и Шанхая — таких, какими я их представляю. Венеция — потому что Инд разливается на тысячи каналов, пересечённых старыми мостами, с несколькими дворцами и бесчисленными покосившимися лачугами. Передвигаются здесь исключительно в *chikara* — что-то вроде гондол, полностью задрапированных красно-оранжевыми кашмирскими шальями. Присутствует всё, включая песню гондольера, который — к счастью — вместо «бельканто» бубнит вам некий ритмический напев. Иногда эти каналы — облепленные ошеломляющими лачугами с мусульманскими резными окнами и вызывающими головокружение шаткими балконами — забиты судами наподобие китайских джонок, на которых беспорядочно суетится целый мир занятых, улыбчивых женщин и шумных детей под соломенными крышами, из-под которых ползёт глухой плотный дым, как в пригородах Калькутты по вечеру. Можно почувствовать себя как в приозёрном городке Шанхая, с той лишь разницей, я полагаю, что здесь весь мир кажется счастливым. Слово «счастливым» всё ещё слишком напряжённое, слишком западное: это, знаете ли, Счастье Растения, позволяющее ему родить плоды. Повсюду, где попало, на мостах и лодках, сидящие на корточках люди, мирно курящие свои трубки и, кажется, ничего не ожидающие, кроме, возможно, вечности. Я восхищаюсь миром этих людей, являющихся частью космоса, подобно камню, дереву и воде; людей, которые ощущают себя в руках Брахмана, на своём месте, которые начинают и заканчивают свой сезонный цикл, распускаются цветком, дают плод и падают семенем, когда приходит их час. Словно от них ничего не зависит.

Я только что прочёл у Мальро в его *Noyers de l'Altenburg** мысль, столь созвучную моему нынешнему мечтательному состоянию: «Только Запад НУЖДАЕТСЯ в психологии. Потому что Запад противопоставляет себя Космосу, неизбежности, вместо того, чтобы жить в согласии с ними. И потому что любая психология — поиск ВНУТРЕННЕЙ неизбежности. Перелом, инспирированный христианством, состоял в том, чтобы поместить неизбежность ВНУТРИ человека и основать её на нашей природе...» Это согласуется с предыдущими идеями Мальро в его *Искушение Запада*, где он почти проговаривается, что Восток «рассматривает себя» как МЕСТО действия (космического), в то время как Запад склоняется к способу действия в том же Космосе. Восток приносит человека в жертву Миру, в то время как Запад приносит Мир в жертву человеку... Всё это очень хорошо согласуется с той внутренней проблемой, которая меня тревожит и о которой я вам расскажу.

Дабы закончить описание моего «земного Рая» — в котором я намерен сибаритствовать до 31-го, расходуя свои скудные сбережения — должен ещё упомянуть о чудесных прогулках в *chikara* среди бесчисленных каналов. Я отдаюсь лени каждый день, вытянувшись в гондоле на мягких подушках, скользя под неправдоподобно зелёными сводами среди ослепительных садов, расстилающихся у самой воды. Не нужно даже беспокоиться о том, чтобы «посещать рынок» (к судну прилагаются кухня и слуги). *Chikara* доставляет вам фрукты и овощи, домашнюю птицу и ковры, драгоценности и даже цирюльника. Воистину, сказка тысячи и одной ночи. Я далеко от Шринагара и цивилизованных людей, в одиночестве, чудесном одиночестве на краю маленького озера... И я мечтаю о грядущем Приключении: скоро отправятся караваны верблюдов и буйволов в Гилгит и Центральную Азию, Кашгар и Ташкент по древнему шёлковому пути, к Китаю и моим древним мечтам. Таким образом, я чувствую некоторое стеснение в сердце, живя на пороге Приключения...

Но это Приключение, живо ли оно ещё?

Однако, я не так уж счастлив в моём нынешнем земном Раю.

И это всегда одна и та же вещь, одна и та же проблема, та же тревога, и главным образом этим я и хотел с вами поделиться.

* «Орешники Альтенбурга» — роман Андре Мальро 1942 года (прим. пер.)

Несколько дней назад я получил письмо от Тристрама, которого вы знаете — он сейчас в Марокко, где готовит диссертацию. Позвольте процитировать вам пассаж из его письма: «...Мне кажется, ты пытаешься жить Приключениями, что в данный момент в мире, подобном нашему, невозможно. Потому что этот мир чрезвычайно противится Приключению, если только Оно не замаскируется под промышленное, научное или коммерческое предприятие; и маскировка делается столь добротна, что в конечном счёте соискатели Приключений принимают всерьёз и действительно продвигают Индустрию, Науку или Торговлю. Выходит, что это не более, чем определённая форма творения, которую можно выбрать для себя как форму Приключения. Таким образом, возможно, моя диссертация тоже является приключением... И потом, нужно в это верить; а это трудно — иметь ВЕРУ, как для индустрии, так и для науки, и даже для Приключения».

И в этом суть Проблемы, к которой возвращаешься снова и снова: что я собираюсь найти на выжженных дорогах Центральной Азии? Какова разница для внутреннего существа, за которым я следую, которым мы все являемся, пребываешь ли ты в Шринагаре, в Шанхае, в Карачи или в Пондичерри, в Париже или в Ташкенте...? Не это ли является той самой тревогой, от которой НИЧТО не может *отвлечь*? В глубине сердца сидит это зерно тревоги, которую не может заглушить никакой «земной рай» и которая отравляет всё... Это касается как стран, так и существ, на мгновение вплетённых в нашу жизнь. Что могут противопоставить этой тревоге Клари или Макс, Z или Жилле или Тристрам? Проблема остаётся. Мало что выстоит перед этой Эссенцией беспокойства. Что могут Дружба, Любовь или социальные функции? Всё это ДЕКОРАЦИЯ, которая маскирует и позволяет не видеть то, что невозможно не видеть.

Моё сердце словно «вечный жид».

Может быть, как говорит Тристрам, единственная вещь, способная «выстоять» перед этой тревогой, и есть эта «определённая форма творения»? Всё ещё требуется творец... И я вспоминаю свою дорогую и замечательную матушку, когда-то, уже очень давно, писавшую мне в письме: «Многодетная семья — тоже форма Приключения». Конечно, это лишь поиск СВОЕГО Приключения, но именно Приключение избавляет от ДЕКОРАЦИИ, о которой я только

что говорил. Проблема целиком остаётся внутренней. И здесь я согласен с Мальро и его «Переломом в Христианстве»... Наша неизбежность, наша судьба живёт только в нас.

(Я не могу удержаться, чтобы не процитировать вам ещё один пассаж из *Noyers de l'Altenburg*, где один из персонажей Мальро восклицает: «Если ментальные структуры исчезают без следа как Плезиозавры; если сменяющие друг друга цивилизации нужны только для того, чтобы швырять человека в бездонную бочку небытия; если человеческое приключение может поддерживаться лишь ценой беспощадной метаморфозы, то абсолютно неважно, что люди проносят сквозь века свои понятия и методы: ибо человек есть случайность, и мир по сути своей создан из забвения»).

Но мы уплыли в полнейшую метафизику, и смысл моих речей не в том, чтобы отвечать на то, что осталось без ответа — впрочем, моё грядущее «небытие» не слишком меня впечатляет. То, что сейчас меня больше волнует, так это нынешнее беспокойство, неспособность оценить Счастье сегодняшнего дня... Подруга, бывают моменты, когда мне кажется, что двери концлагеря так и не открылись передо мной шесть лет тому назад, и что я ещё не вышел оттуда. О! это не фигура речи... Я не могу «выпутаться», как говорят. Без сомнения, нужно, чтобы я вышел из «я». А ещё я думаю о своей матери, которая так часто говорила мне о «самопожертвовании»... Но я ничего другого и не прошу, кроме как отдать себя, хоть самому чёрту! но ничего не поделаешь, мы застряли в своей шкуре... И если Приключение более невозможно, то что остаётся? Сделать из себя врача или машинистку, или заниматься любовью, стать управляющим или отцом семейства... поймите, ничего из этого меня не удовлетворяет. Я чувствую, что всё это — не моё. По-видимому, нужно дойти до самой сердцевины этого беспокойства, исчерпать его, дойти до величайшей НИЩЕТЫ.

Отправиться в Алмору, чтобы медитировать в гималайском Ашраме???... Но я пока не решился на такую крайность. В глубине меня ещё есть вера в действие, которая пока не исчерпала себя. Но что хорошего, если эта жадность к действию должна будет замаскироваться под службу «бюрократа» или бизнесмена?

Я только что говорил вам о «тревоге». И я начал вам писать именно потому, что чувствовал, как она приходит, и чтобы отвлечься — утопил её в чернилах!... Я думал о Пондичерри, о Z, о том, как я

жил там, и я восстаю против этой тревоги, как будто всё Настоящее не способно жить нигде, кроме своей противоположности, и никогда в истинном настоящем. Почему я не могу принять радость от того, чтобы просто БЫТЬ ЗДЕСЬ? Почему я — только лишь моё прошлое? Мне не хватает космической философии этих Индусов. «Психология» меня убивает. Думаю, то, что меня мучает больше всего, когда я смотрю на эти мгновенно перечёркнутые судьбы — Х, Жилле и т. д. — так это ощущение НЕЗАВИСИМОСТИ Мира от моего отношения, словно ощущение отказа, непоправимости, когда я осознаю свою собственную свободу посредством свободы других, продолжающих переживать их собственную судьбу — без меня. Конечно, чувства не имеют значимости!... Вы понимаете, как это тревожно — чувствовать, что эпохи и существа утекают сквозь пальцы, словно песок на забастовках в Бретани. И ты не можешь ничего УДЕРЖАТЬ. (Сартр прав, когда говорит, что мы «осуждены на то, чтобы быть свободными»)... Да, единственно возможное спасение от этого великого потопа времени, это, без сомнения, искусство, художественное творчество... В сущности, мы пытаемся — нашей дружбой, нашими страстями, нашими «отношениями» и созданием тысяч связей — удержать, ПРИКЛЕИТЬ других к нашей собственной неизбежности — как утопающие, которые хватаются за всё, что видят или что плавает на поверхности — с идеей «умереть в каждом»!!... Всегда возвращаешься к этому чувству одинокой непоправимости, где и ожидает вас тревога, словно паук в глубине своей паутины... Хотя для меня имеет значение Шринагар и его земной Рай, имеют значение эти Красоты и эти «удовольствия», если они *разделены* с кем-то, если не должно оставаться ТОЛЬКО МОИХ воспоминаний...

И возможно, что в конце концов мне недостаёт только моего наркотика. Подруга, я извиняюсь за столь длинное письмо, которое развернулось в роман. В этой путанице я попытался высказать вам то, что я чувствовал, ибо вам я могу говорить всё. К счастью, вы находитесь там... Получили ли вы моё последнее письмо из Дели, где я попросил вас подыскать мне работу? Если вы не позовёте меня в Карачи, я буду вынужден застрять в Посольстве на должности воспитателя сына Посла и первого слуги жены Посла, и мне это совсем не улыбается. Пишите мне всегда на адрес д'Онсие.

Передавайте привет Максусу, которого я в своих письмах всегда

ассоциирую с вами. Обнимаю вас.

Ваш
Б.

Дели, 4 июня [1949]
Клари

Подруга, вы, должно быть, удивлены моим молчанием и тем, что я не ответил на ваше письмо — с предложением этого М.Ф. — но позже вы должны были получить моё письмо из Шринагара. И в самом деле, только на днях, возвратившись в Дели, я нашел у себя ваше письмо с просьбой дать ответ не позднее 19 мая... Без сомнений, судьбе было угодно, чтобы это дело не сложилось.

Таким образом, я снова нахожусь в Дели, в той же точке — но в конце концов, не находимся ли мы всегда в одной и той же точке? Обстоятельства меняются, но внутреннее существо продолжает существовать; обеспокоенное, взбудораженное, увлекаемое теми же пропастями.

Как мне вас отблагодарить — тебя и Макса — за вашу дружбу и заботливость? Вы просто ангел, коли так заботитесь обо мне, но ни за какие деньги я не хочу — если приеду в Карачи — быть вашей обузой. Я стараюсь жить только на свои собственные средства.

.....

Я намерен оставаться в Дели до 15 или 20 июня, а потом отправиться в Алмору, о которой я вам уже рассказывал, чтобы писать «свою» книгу, ожидая либо должности в Дели, либо каких-то вестей от вас, если вы считаете, что это возможно.

Такова моя актуальная «ситуация» в материальном плане. В плане моральном всё не слишком блестяще. Я ощущаю себя пребывающим в дрейфе изгоем без корней — перекасти-поле. Можно сказать, что меня больше ничего не держит, и что я плыву наугад меж двух вод, как мёртвая водоросль. Вы — единственная надёжная опора, которая мне осталась посреди этого запустения. Я отлично понимаю, что вы и сама можете быть в достаточной степени перекасти-поле, но ваше присутствие было бы для меня весьма благотворным.

Однако, с меня достаточно «перекаати-поле», поездок, одиночества и отчуждённости от семьи... Я, конечно, ни о чём не жалею, я лишь ожидал найти в себе необходимую силу, достаточно мощное обоснование, чтобы продолжать... Этой веской причины для того, чтобы «продолжать» мне и не хватает. И даже в своей неуравновешенности я не нашёл равновесия... Всё утекает сквозь пальцы, и я словно песчинка, затерянная среди нескольких мгновений на краю четвертичного Периода. Изю всех сил я взываю к своему «Приключению», которое не приходит. Возможно, в Алморе я найду лучшее Приключение на Земле. Полагаю, что я создан для того, чтобы писать.

Между тем, здесь я возвратился к своей трубке и обретаемому через неё ночному покою. Для меня это действительно один из элементов равновесия — равновесия сурка — в ожидании великого Пробуждения... или вечного сна.

Стоит изнуряющая жара (...).

Обнимаю вас, подруга, со всей своей братской любовью. Пишите. Мне так нужно ощущать ваше присутствие где-то в Индии.

Б.

*c/o Farl H. Brewster
Snow View Estate
Almora
U.P.*

Алмора, 4 июля [1949]
Клари

Моя дорогая подруга, я только что получил ваше письмо от 21 июня, которое мне переслали из Дели. Я весьма взволнован той новостью, что вы отправляетесь в Париж в таком состоянии. Я весьма озабочен и угнетён вашим недугом. Бог мой, мне кажется, вы так далеко, и возникает ощущение, что с нашей последней встречи прошли годы. Я так хотел бы снова увидеть вас, можно даже ничего не говорить, вы бы всё поняли по едва заметной улыбке. С вами всё

становится таким простым и таким живительным. Конечно, вы не воспринимаете возможную смерть со страхом. Конечно, труднее жить, чем умирать, но во всей этой тёмной истории вы, скажем так, забываете обо мне... а я не согласен с тем, что больше вас не увижу. Даже если вы не дорожите жизнью, то я дорожу вами, да, я дорожу вами по многим причинам, и лучшие части моей души ценят вас, негодница... Но не буду более углубляться в столь тёмные предзнаменования. По крайней мере, я хотел бы сказать вам, как велико моё желание увидеться с вами до вашей поездки. Такое возможно? Это принесло бы столько радости, ведь столько осталось несказанным в наших взглядах без слов. Кто меня поймёт, кроме вас? кому я смогу довериться?! Без сомнений, своей матери, но это совсем другое дело. (...)

Как видите, это письмо пришло из Алмору, куда я прибыл уже около трёх недель назад. Я должен был покинуть Дели, где я был болен, болен от жары и различных злоупотреблений. Перед отъездом из Понди — фактически, за несколько часов до моего отъезда — Мать Ашрама посоветовала мне отправиться в Алмору, как я вам уже и писал. Этот последний совет в последний час был для меня важным знаком судьбы. Вместо ожидаемого йогина я нашёл восхитительного живописца. Однако, позвольте описать некоторые детали, которые помогут вам понять меня: Алмора находится на высоте около двух тысяч метров в Гималаях; оставив деревню Алмора и прошагав около 2 часов по тропе, я забрался на вершину одинокой горы вдали от всякого жилища, и там нашёл старый дом, наполовину в руинах, весь окружённый розовыми лаврами и мимозами: *Snow-View Estate*, обителище Брюстера. *Snow-View* — очень подходящее название, поскольку оттуда видна огромная гряда ледника и Нанда-Деви* высотой 27000 футов, это более 8000 метров... Но каково же было моё удивление, когда, войдя в этот старый дом, я нашёл чудесную просторную студию, заставленную тысячами книг, низкую тахту и множество разноцветных подушек. Наконец, повсюду на стенах картины Италии, произведения Брюстера. В углу — высеченный Брюстером огромный улыбающийся Будда. Словом, изысканный беспорядок из книг, подушек и картин. Почти везде подсвечники и

* Нанда-Деви — Высочайшая (из полностью расположенных на территории страны) гора Индии (прим. пер.)

тибетские сочинения. К счастью, никакого электричества.

Брюстер — очаровательный старичок 70 лет, живущий в *Snow-View* уже около двадцати лет, американец, но в нём столько же американского, сколько и во мне. Творческая натура до мозга костей: художник и скульптор, близкий друг Д.Г.Лоуренса*. Он годами жил в Италии, затем около тридцати лет назад приехал в Индию и бродил от монастыря к монастырю на Цейлоне, в Индии и в Гималаях. Сначала был буддистом, затем учеником Рамакришны, и наконец, учеником Шри Ауробиндо. Но никаких мистических вывихов: любит жизнь и её краски, иногда медитирует, читает с равным восхищением Платона и Пифагора, французскую поэзию и труды на санскрите. Удивительно образованный человек.

Здесь жизнь проста: подъём с восходом в половине шестого, ледяная ванна, строго вегетарианский режим, долгие прогулки в лесу по вечерам до шести часов. И наконец, прослушивание музыки. У Брюстера великолепная коллекция дисков, и это чудесно — слушать ночью при свечах прелюдии Баха, квартеты Бетховена, Моцарта и Дебюсси. И тогда вся студия пробуждается, словно на тайный праздник, тени оживают, книги становятся позолоченными с тибетской бронзой, а Будда более таинственным, чем когда-либо. С чудесного портрета, висящего в углу, улыбается жена Брюстера — умершая с десятков лет тому назад. Трудно выразить эту атмосферу, тонкую, как цветочная пыльца, готовая развеяться от малейшего дыхания. Вы знаете, эта атмосфера замка «Grand Meaulnes», тревожная и чарующая, принадлежащая, кажется, другому миру, тонкая, как старинный гобелен. Я снова с потрясением открыл для себя этот восхитительный квартет фа-мажор Бетховена: если бы мне предложили выбрать музыкальное произведение для прослушивания перед смертью, это была бы третья часть этого квартета, абсолютная величественная полнота, за пределами печали и радости. Нужно, чтобы вы послушали его (opus 135).

Но я сделал ещё одно важное открытие всей моей жизни, по крайней мере, такое у меня предчувствие: живопись. Однажды я внезапно почувствовал себя охваченным желанием рисовать, глянув на читающего Брюстера, сидящего на полу посреди своих

* Дэвид Герберт Лоуренс (Лоренс) — один из ключевых английских писателей начала XX века (прим. пер.)

разноцветных подушек перед окном, через которое видна освещённая терраса с розовыми лаврами на фоне далёких гор. Брюстер дал мне всё необходимое для живописи, и так появился мой «первый холст». Потом я написал второй: студия Брюстера ночью, освещённая свечами. Кажется — по мнению Брюстера — эти две попытки были «весьма поразительны» (извиняюсь, что хвалю себя). Короче, живопись захватила меня, и я работаю как сумасшедший с 7 утра до 6 вечера. Дни слишком коротки, но на этот раз я, без сомнения, ощущаю себя почти счастливым, ибо нашёл «средство выражения».

В этот момент я совершаю новое открытие мира, в прямом смысле слова; я начинаю понимать и осознавать формы, особенно цвета, а также удивительную сложность отношений цветовых качеств между ними. Это невероятно увлекательно, взгляд пробуждается и обнаруживает бесконечность вещей, до этого не замечаемую, я очарован цветами и линиями. Я пишу чистыми цветами, и их немного: красный, голубой, оранжевый, жёлтый и белый, это всё, но какие чудесные и тонкие сочетания. Я обнаружил, что зелёного, чёрного, коричневого и белого не существует, но есть единая синхронная вибрация из бесконечного числа как будто отдельных тонких оттенков. Это завораживает.

Фактически, я нахожу в живописи нечто более удовлетворяющее, чем в литературе: я не могу удержаться от того, чтобы считать, что в *любой* литературе присутствует нечто искусственное, тонкий обман, ряженая извращённость, переодевание подлинного Я, из-за того, что это выражено и помещено на пустую станицу. Конечно, также можно сказать и о картине, что она искусственная, и что это тоже переодевание реального видения Природы, но по крайней мере определённые строгие правила принуждают вас к истине. Объясню, что имеется в виду: все цвета, все цветовые интерпретации данного сюжета возможны, НО все эти цвета, какими бы они ни были, обязательно должны быть пропорциональны друг с другом по интенсивности; например, если я пишу стены студии в слишком светлых тонах, то никогда не смогу найти достаточно интенсивный цвет для изображения свечей, освещающих эти стены. В этом вся суть проблемы живописи и в этом всё правило: найти точное соотношение качеств.

И напротив, мне кажется, что в литературе «позволено всё», и

говоря это я думаю о фразе Мальро в его *Орешниках Альтенбурга*: «Всякая Идея всегда рождалась от ДРУГОЙ Идеи, и никогда от ФАКТА». Как видите, я хочу сказать, что Идеи — написанные — связываются одна с другой, как в музыкальной конструкции, и конструкция продолжается в бесконечность, одна Идея «подталкивает» другую, как одна определённая мелодия вызывает другую гармонию, как прелюдия предваряет фугу. Получается досадный произвол, *измышление, выдумывание* самого себя и вопреки себе, по мере того, как мы пытаемся описывать. В конце «книги» мы реально сконструировали в воображении новую личность, сильно отличающуюся от той, которая была в изначальной точке отправления. Впрочем, это проблема, о которой я вам часто говорил и которую выразил образом «актёра», играющего все роли, но в конечном счёте замечающего, что он представлял из себя не более, чем «одно лишь внимательное отсутствие», пустоту, заполненную другими или его собственным воображением. В конце концов, можно сказать, как я часто предполагал, что Мир и Реальность — наше собственное *измышление*, не имеющее иного существования или Реальности, чем та, которую им предоставляет наше Воображение, но это едва ли приемлемо.

Я не уверен, что вы будете во всём согласны со мной в суждениях о литературе, но не поделитесь ли вы своими возражениями?? В глубине души я сражён экстравагантностью нашей западной литературы, называемой «литературой по психологии». Чем иным может являться эта пресловутая литературная психология наших книг, если не психологией ненормальности? Как будто литература игнорирует глубокие и простые стремления человеческого существа. Лишь стремление оригинальничать, в итоге плетущее обман, если не абсурд. Есть ли там хоть какое-то правило, которое, как в живописи, ограничивает вас человеческой Реальностью? Возможно, у человека нет границ, без сомнений, но куда приведёт нас эта психиатрическая литература? Такова, впрочем, проблема, которую я хотел поставить перед «Гварнеро» при написании «своей книги» об актёре.

Короче, я тут произнёс перед вами настоящую пламенную речь о живописи против литературы — что, в сущности, довольно абсурдно. Но как видите, я полон решимости и покорён живописью. Я даже подумываю о том, чтобы полностью посвятить себя этому, но

найдётся ли меценат? Ибо по моим представлениям, любое искусство возможно только тогда, когда ему посвящают всё время и отдают всю энергию. Я мечтаю отправиться в Италию и там воодушевлённо работать. В сущности, это некое предчувствие той творческой необходимости — писать или рисовать — которой я всегда дистанцировался от социальных «должностей» и функций.

Помимо этого я погружён в индийскую философию и особенно в книги Шри Ауробиндо — учеником которого я стал решительно и окончательно.

... Да, я прочёл *Тошноту* и действительно узнал себя там. В этом тревожном поведении, которое выражает одна из частей моего «духа», нет «самолюбования», там есть лишь конкретная жажда искренности и правды, и отчаяние по поводу моих ограничений. Именно поэтому — опиум. (Излишне говорить, что я оставил все мои трубки в Дели и уже три недели не ощущаю даже потребности в курении).

Кроме того, я остаюсь здесь до конца июля, а затем снова спущусь — увы — в Дели, чтобы быть «воспитателем» сына Посла. По-видимому, я возвращусь во Францию в марте следующего года. Поспешите написать мне сюда, если у вас есть время. Я озабочен вашим состоянием. Жму руку Максу. Обнимаю вас со всей своей признательностью.

Б.

*c/o The Ambassador for France
16, Hardinge Avenue
New Delhi*

Нью-Дели, 31 июля [1949]
Клари

Подруга, предполагаю, что вы в Лондоне под ножами хирургов, так как я ничего не получил от вас после вашего последнего письма из Карачи, и я обеспокоен; не тревожьте, дайте знать, выкарабкались вы, наконец, из всего этого?! Побыстрее напишите мне или скажите

Максу, чтобы черкнул пару строк, дабы успокоить меня, пожалуйста. Я не молюсь за вас! конечно же, но вы должны обязательно выпутаться, иначе... иначе вы — маленькая балда.

4 августа. Продолжу, наконец, это столь надолго прерванное письмо. Надо бы рассказать вам о моей жизни в Дели:

Меня устроили в резиденции Посла и назначили воспитателем. Сразу опишу вам своего воспитанника: развитый не по годам мальчишка 9 лет, перед которым преклоняется всё Посольство — в том числе и родители, конечно же. Никогда в своей жизни я не встречал столь испорченного мальчика (я тонко чувствую гниль), такого тираничного и бессердечного, рассматривающего большую часть людей как своих слуг, стоящих ниже его мелкой персоны. Он не любит индийцев также, как не любит кур, как не любит всех тех, кто хоть чуть-чуть ниже ранга Посла. И конечно же, все «крупные персоны» Посольства с улыбкой оказывают ему знаки внимания и крайне вежливо относятся к его грубостям. За исключением этого, мой воспитанник весьма умен, я редко видел мальчика с таким критическим умом и столь явно склонного к Наукам. В данный момент я «на хорошем счету», поскольку обучаю его плавать и нырять.

Что касается моей жизни, собственно говоря, она весьма светская: это смесь дворцевого в большом доме и воспитателя, как я уже говорил. С 9 до 13.30 я развлекаю Ж.-Ф. (он сейчас в отпуске), то есть мы лепим из пластилина или играем в «шашки», в железную дорогу и во всё, что можно себе представить. Должен сказать, что проводить время в играх с ребёнком — это более утомительно, чем работать в бюро... С 14.30 до 15.30 обед, большую часть времени с гостями, для обеда это неподходящие часы. Начиная с 17.30 я должен снова развлекать моего подопечного до 19 вечера, затем заняться приготовлением коктейль-вечеринки или официального ужина. Если мне повезёт, всё заканчивается к 23 ч. По вечерам, когда Посол с женой ужинают снаружи, я должен оставаться на ужин с моим воспитанником, который не выносит одиночества, и укладывать его в постель в 22.15. Вот такая программа.

.....

Излишне говорить вам, что завести здесь друзей невозможно — люди слишком любезные. (...)

Вы только не подумайте, что я ехидничаю или жалуясь. Я принимаю эту «игру», как и все остальные; неприятность в том, что она мне неприятна.

Давайте поговорим о чём-нибудь другом. Я должен многое вам рассказать со времени вашего последнего письма из Карачи, письма, которое мне очень дорого. Да, я полагаю, что мы «сблизились», как вы писали, и я совершенно согласен с вашим определением мудрости: «Мудрость это не смирение, но лишь способ ставить задачи через то, что мы умеем делать лучше всего». Как и вы, я отказался от бесполезных вопросов, от классических бунтов, и я пытаюсь двигаться вперёд, используя то, что я могу делать лучше всего. В Алморе Брюстер говорил мне: «Лучший советник — это любовь». И действительно, то, что я любил больше всего, это Искусство — будь то литература или живопись. Я знаю, что не создан для социальной, административной или коммерческой жизни. Так что я пытаюсь организовать свою жизнь вокруг наиболее важной внутренней *необходимости*: Искусства — и я попытаюсь принять со всей возможной беспристрастностью те неудобства, которые повлечёт за собой отказ от социальной должности; неудобства, которые в данное время выражаются в обязанности быть воспитателем. Я лишь надеюсь, что моя нынешняя жизнь не поглотит меня настолько, чтобы лишить любой творческой деятельности...

Вчера я получил письмо от своей матери, которая пишет, что перечитала все мои письма за пятнадцать лет (!!...) и сделала следующий комментарий, который я вам здесь приведу: «Ты прошёл через все возможные состояния души: порывы, падения, энтузиазм, отчаяние, мужество, бунт; полагаю, что за каждым твоим письмом стояли разные люди. Удивительным образом ты исследуешь самые разные пути, но сразу же возвращаешься назад из опасения завязнуть, увлечься. Ревностное оберегание своей независимости делает безрезультатными проявления всей твоей воли и аннулирует все твои радости». Это настолько правдиво. Во мне самом столько противоречивых персонажей, что мне зачастую трудно понять, какой из них является моей сущностью — ибо все они «правдивы», как анархист, так и участник Сопrotивления, как артист, так и мистик, как отчаявшийся, так и маленький гуляка. Нужно либо всех примирить... либо всё уничтожить. И без сомнения, эта потребность в

творчестве, властвующая над всеми другими, она и является для меня лучшим средством направить эти разные и противоречивые энергии, единственным средством их примирить, единственным средством дать каждому из «моих персонажей» шанс жить и расцветать.

«Ревностное оберегание своей независимости», о которой говорила моя мать, не что иное как страх быть лишённым одной из этих энергий, возможно, одного из предчувствий моей истинной судьбы, которая до сих пор не проявила себя, когда я отказался от работы в колониальной Администрации. Я не хочу сказать, что моя истинная судьба уже ясно проявила себя во мне в полном объёме, хотя я всё более и более отчётливо ощущаю, что вся моя жизнь организовывается на основе определённой творческой потребности. Но возможно, что всё это лишь «веские причины», изобретённые «задним числом» для того, чтобы оправдать то, что может показаться социальным крахом. Короче, поскольку речь идёт об «обязательстве», я не чувствую себя способным вести иную жизнь, чем жизнь живописца или писателя — а возможно, ещё и в некотором роде мистика. Я всегда был во власти идеи загнать себя в самое сердце тупика, поставить себя в столь безвыходную ситуацию, оказаться настолько беспомощным и покинутым, что я не смог бы сделать ничего другого, кроме как собрать всего себя, чтобы выделить лучшее. Таким образом, речь идёт не о настоящем «тупике», но об «узких воротах», о которых говорит А.Жид и которые ведут к новой заре...

Недавно я читал *Profundis* Оскара Уайльда и должен процитировать вам этот пассаж, неплохо выражающий то, что я чувствую: «It is tragic how few people ever possess their soul before they die. Nothing is more rare in any man than an act of his own. It is quite true. Their thoughts are someone else's opinion, their lives a mimicry, their passions a quotation... A man whose desire is to be something SEPARATE from himself, to be a member of Parliament, or a successful grocer, or a prominent solicitor, or a judge, or something equally tedious, invariably succeeds in being what he wants to be. That is his punishment. Those who want a mask, have to wear it... But people whose desire is solely for self-realization never know where they are going³⁰...» [«Печально, как мало

30 Печально, как мало людей когда-либо владеют своей душой, прежде чем к ним придёт смерть. Нет ничего более редкого среди людей, чем

людей когда-либо владеют своей душой, прежде чем к ним придёт смерть. Нет ничего более редкого среди людей, чем самостоятельный поступок. И это именно так. Мысли большинства из них — это чьи-то чужие мнения, их жизнь — подражание, их страсти взяты взаймы... Человек, желание которого состоит в том, чтобы быть чем-то ОТДЕЛЁННЫМ от себя самого, быть членом Парламента или успешным лавочником, выдающимся стряпчим, судьёй или чем-то столь же скучным, неизменно добивается того, чего хочет. В этом его наказание. Тем, кто хотел иметь маску, приходится носить её... Но люди, желанием которых является исключительно самореализация, никогда не знают, куда они идут»]. Я не знаю, куда я иду, но я знаю, что не могу ходить в маске — особенно в этой стране, здесь слишком жарко!...

В следующий раз я напишу вам длинное письмо по поводу Шри Ауробиндо, которого вы поняли шиворот-навыворот — я извиняюсь — но чья философия является противоположностью «религии» и «системы», это прогрессивный рост, а не застой. Мы ещё об этом поговорим.

Здесь у меня нет времени, чтобы писать картины, чем я весьма огорчён³¹. В какие-то моменты мне кажется, что я полностью покинут и словно изъеден тысячами паразитов, сожран другими людьми, и требуются долгие часы пребывания в моей комнате, чтобы стереть с лица «вежливую и благожелательную улыбку», которую я весь день обязан был носить на своём лице...

Пишите, подруга, вы всегда нужны мне, и я весьма обеспокоен вашим здоровьем. Обнимаю вас сильнее, чем когда-либо

Ваш
Б.

самостоятельный поступок. И это именно так. Мысли большинства из них — это чьи-то чужие мнения, их жизнь — подражание, их страсти взяты взаймы... Человек, желание которого состоит в том, чтобы быть чем-то ОТДЕЛЁННЫМ от себя самого, быть членом Парламента или успешным лавочником, выдающимся стряпчим, судьёй или чем-то столь же скучным, неизменно добивается того, чего хочет. В этом его наказание. Тем, кто хотел иметь маску, приходится носить её... Но люди, желанием которых является исключительно самореализация, никогда не знают, куда они идут.

31 Вскоре после этого Сатпрем начнёт заниматься живописью по ночам в своей комнате в свете электрического прожектора.

Дели, 12 сентября [1949]
Клари

Дорогая подруга. Я пришёл побеседовать с вами, дабы забыть о своём молчании и о грузе нереализованной Радости в моём сердце. А ведь надо ещё отыскать слова, чтобы выразить всю эту тяжесть, но я устал от слов; надо бы просто посмотреть на вас и выразить всё в молчании. Надо бы забыть об этом бессвязном образе себя путём некоего чудесного самопожертвования. Надо бы отыскать суть каждой вещи через её ежесекундный образ. Но я в очередной раз сошёл с пути. Нет больше ни гавани, ни оазиса после долгих скитаний под солнцем, ни вечерней прохлады. Со всех сторон меня окружает моя пустыня и море, в котором больше нет никаких направлений — ни на Север, ни на Запад — но лишь затерянная необъятность, в которой заблудился мой след и исчез мой кильватер. Подруга, надо бы мне иметь звезду, которая рассказала бы, где прячется моя Любовь, но я не знаю более, что я должен себе самому.

Вы даже не подозреваете, в каком я разочаровании. Но у меня больше нет мужества в словах. Эти написаны лишь для того, чтобы позвать вас на помощь, ибо сам я больше ничего не значу.

Подруга, нужно, чтобы что-то произошло, дабы вывести меня из меня самого. Нужно, чтобы я пришёл к самореализации под страхом смерти, и к самоотдаче. Нужно, чтобы мир был спасён ликом, который озарил бы все другие лики, и я должен найти тот камень, из которого будет высечен этот лик всех ликов.

Но что мы можем против безмолвия, когда больше нет Любви, когда больше нет ничего, кроме безграничной пустыни, где гаснет наш пыл в бессмысленном беге по кругу. Пусть меня посетят толика вашей свежести и мгновение вашего взгляда, который даёт мне направление.

Б.

Дели, 22 октября [1949]
Клари

Подруга, это письмо застанет вас по возвращении из Европы. Как бы я хотел оказаться там, чтобы обнять вас прямо на аэродроме! Вызвав острую ревность Макса!

Но тон моего письма не столь легкомысленный. Нужна ваша помощь, подруга. Нужен ваш совет.

Ваше последнее парижское письмо, в котором вы приглашали меня возвратиться во Францию, заставило меня задуматься. Я, наконец, понял несколько вещей, о которых расскажу позже, и решил возвратиться в Париж — если Макс или вы сможете выручить меня и одолжить деньги на билет в качестве «палубного пассажира» (если только я не смогу найти работу на борту какого-либо грузового судна).

Подруга, мне очень нелегко затрагивать при вас эти «вопросы о деньгах». Я говорю вам об этом искренне и просто и думаю, что вы также просто мне ответите, если это вас затруднит или побеспокоит. Я очень дорожу тем, что вы всегда отвечали мне с полной искренностью, *без стеснения*.

Тем не менее я написал Беку — это агент «Морских перевозок» в Мадрасе и мой друг — попросив у него, если это возможно, найти «ультра-экономичный» способ переправить меня во Францию из Карачи (порта, наиболее близкого к Дели и, следовательно, наименее дорогого с точки зрения финансов). Я также сказал Беку, что решил — видя свою ситуацию — путешествовать как «палубный пассажир» и был бы не прочь оплатить свою поездку какой-нибудь работой: «стюардом» или кем-то ещё. Словом, я планирую отчалить, самое позднее, в январе. Ожидаю ответа от Бека.

Я планирую январь как дату отъезда потому, что требуется отработать необходимые сроки перед тем, как покинуть Посла (две недели), и потому, что я обязательно хочу провести месяц в Алморе перед тем, как окончательно покинуть Индию. Мне дорого это пребывание в Алморе по трём причинам, главной из которых является полная дезинтоксикация. Нужно поднакопить немного здоровья, прежде чем атаковать Париж, а я в данный момент в плохом состоянии. К тому же, я дорожу полученным в Алморе опытом, как

«подтверждением» моего вкуса к живописи через ожесточённую работу рядом с Брюстером. Наконец, я хочу возвратиться в Алмору из-за дружбы с Брюстером и по поводу его «плана Ашрама». Этот человек обладает удивительным знанием о жизни, и мне нужны его советы и даже, признаюсь, его посвящение в духовные вещи, интересующие нас обоих.

Как только я завершу опыт Алморы и поправлю здоровье, я помчусь в Карачи, дабы надолго остаться с вами, прежде чем сесть на корабль... потому что, кто знает, когда мы ещё увидимся. Всё это должно произойти в начале января, если вещи устроятся так, как бы мне хотелось.

Теперь скажу о причинах, толкающих меня на то, чтобы покинуть Дели в самые короткие сроки:

Во-первых, моё положение невыносимо. Я веду глупейшую жизнь. БЕСПОЛЕЗНУЮ. Это даже не жизнь, но всего лишь прозябание. Я просто-напросто ТЕРЯЮ своё время. Для того, чтобы забыть об этой бесполезности своей жизни и выдержать существование в среде выдающихся кретинов, у меня есть только одна возможность: курить. Чем дальше я захожу, тем более я отравлен. Что-то мне подсказывает, что нужно как-то на это реагировать, причём, быстро, если я не хочу полностью утонуть. (...)

Прежде, чем закончить это слишком длинное письмо, хочу поведать вам весьма забавную историю: как я уже писал в последнем письме, Посол Д.Л. обвинял меня в дурных манерах. Л. продолжил расследование на мой счёт и в результате доноса узнал, что я проводил каждую ночь за курением опиума с моим другом Бернаром. Л. также узнал, что Б. организовал настоящую «курильню», где каждый вечер встречались довольно крупные фигуры, среди которых два уважаемых члена его собственного Посольства. Посему Л., который обожает «дипломатические» истории, был в восторге от этих открытий и готовился устроить большой скандал. Тем более, что он ненавидит этих двух деятелей своего Посольства. Дабы придать скандалу больший вес, Л. созвал «курильщиков» — за исключением меня — и обвинил их в том, что они толкают «юное и незащищенное существо на путь гибели и порока» («юное существо» — это я!). Поразив мир актом своей высшей добродетели, Посол потребовал от каждого из «курильщиков» приложить все усилия, дабы «отвлечь

меня от наркотиков», в противном случае они будут нести «ответственность за упадок моей нравственности и разрушение моего физического здоровья». Конец первого Акта. Акт второй: мой друг Б., поговорив со мной, находит Посла и говорит ему, что для меня нет иного способа бросить курить, кроме как покинуть Дели и сменить атмосферу. Таким образом, мой друг Б. заявляет Послу, что ежели тот настолько обеспокоен моим здоровьем, то моё здоровье в его руках. Что я мог бы пройти дезинтоксикацию только если он позволит мне уехать из Дели. Конец второго Акта. Акт третий. Посол принимает меня в «исповедальне». Я «признаюсь» ему, что курю и что готов отказаться от наркотика, если он отпустит меня на свободу. Поразмыслив, Л. отвечает: «Понимаете, мне было бы очень неловко и принесло бы большие неудобства, если бы вы оставили моего сына посреди учебного года. Прошу вас, останьтесь. Вы должны курить поменьше, сократить ваши дозы. Но я разрешаю вам курить у себя в вашей комнате. Постарайтесь выкуривать не больше десяти трубок в день». !!! Конец. Такая вот «пьеса о нравственности».

Словом, теперь я хочу покинуть Дели и возвратиться во Францию, потому что я хочу что-нибудь СДЕЛАТЬ, попытаться — как вы мне писали — жить в некотором роде «как все». Просто жить в контакте с этими тысячами вещей, которые будоражат ум и провоцируют творческую активность. Я хочу писать. Я хочу рисовать. Я хочу целовать девушек и немного побыть «молодым» — я не имел моментов молодости с окончания войны. В числе моих проектов либо зачисление в Академию Искусств, либо присоединение к Барону. Тем хуже, если я не прав. Тем лучше, если придётся бороться. Лучше смерть от голода, чем это мещанское болото, подстерегающее меня здесь. (...)

Счастливо.
Б.

Алмора (без даты)
Бернару д'Онсие

(Сатпрем резко отказался от опиума)

после того, как однажды вечером вдруг решился и сел
на поезд в Алмору.)

Старина Бернар,

Я долго медлил, прежде чем написать тебе, но только сегодня я прибыл в *Snow-View*: я просто подышал в течение четырёх дней, один в *Dak Bungalow*³² в Алморе. Ужасный кризис наподобие того, который вы видели в Дели год назад. Я даже не мог проглотить твой отвар, и всё моё тело было огромной судорогой. Весьма неприятно.

Теперь всё хорошо. Я устроился в студии этого восхитительного старичка, Брюстера, на холме посреди девственного леса — кедры и мимозы — на высоте две тысячи метров.

.....

В следующий раз напишу подробнее.

Твой искренний друг

Б.

Алмора, 10 ноября [1949]
Клари

Дорогая подруга, итак, пишу вам из Алморы, куда я прибыл первым за этот месяц. Здесь всё чудесно. Цепь Гималаев белее и таинственнее, чем когда-либо, простираясь до самого подножия Тибета, а я пишу вам эти строки сидя перед большим пылающим камином. Здесь так спокойно, словно шумы мира остаются где-то ниже, на равнинах, и в самом деле кажется, что именно здесь мы в большей мере принимаем участие в великом космическом действе, ощущаешь, что Судьба пронизывает каждую вещь, каждое существо. По горным тропам неустанно бродят мудрецы и йогины, ведомые нитью своего внутреннего созерцания и наличием гостеприимных пещер. Горы и тропы, кажется, полны невидимых вещей, и в самых глубинах существа эхом загадочной внутренней правды бьётся ритм будущего. Вы не представляете, какая тоска по Абсолюту, какая

32 Караван-сарай.

убеждённости в существовании некой потрясающей Истины захватила меня здесь. Возможно, здесь я реализую то самое «Всё есть Брахман» Индусов и даже моего бедного сердца, не уловившего его божественности, его обещанного величия. О, я не надеюсь ни на выскочек-учителей, ни на книги, ни на людей, ни на «посвящённых», но я терпеливо прозреваю эту тихую внутреннюю правду, расцветающую по мере продвижения по пути, я прозреваю в глубинах существа этот неприступный центр радости и умиротворения, это гармоничное взаимодействие вещей. Я начинаю понимать, что мы сами и являемся нашей собственной радостью и нашим страданием, нашим величием и нашей ограниченностью. Словно мы несём в глубинах себя весь мир, словно всё зависит от нашего внутреннего видения. И возможно, наше лучшее осуществление разворачивается согласно внутреннему циклу, через постоянное и всё более глубокое исследование внутренних возможностей...

И я вспоминаю чудесное стихотворение Уолта Уитмана:

*« Afoot and light-hearted, I take to the open road
Healthy, free, the world before me
The long brown path before me leading wherever I choose
Henceforth I ask no good fortune — I myself am good fortune
You shall not heap up what is call'd riches
You shall scatter with lavish hand ail that you earn or achieve
What beckonings of love you receive, you shall only
answer with passionate kisses of parting...»**

* Перевод с английского К. Чуковского:

Пешком, с лёгким сердцем, выхожу на большую дорогу,
Я здоров и свободен, весь мир предо мною,
Эта длинная бурая тропа ведёт меня туда, куда я захочу.
Отныне я не требую счастья, я сам своё счастье,
Отныне я больше не хнычу, ничего не оставляю на завтра
ни в чём не знаю нужды,
Болезни, попреки, придирки и книги оставлены дома,
Сильный и радостный, я шагаю по большой дороге вперёд.
Земля, - разве этого мало?
Мне не нужно, чтобы звёзды спустились хоть чуточку ниже,
Я знаю, им прекрасно и там, где они сейчас,
Я знаю, их довольно для тех, кто и сам из звёздных миров...
(прим. пер.)

Конечно, велик соблазн взять посох пилигрима и отправиться в странствие в поисках этой внутренней истины — настоящей, очевидной... Всё остальное кажется лишь поверхностными водоворотами и эфемерной зыбью огромного океана незыблемости: возможно, в этом и смысл стихотворения, его внутренняя Красота, живущая позади разрозненных слов, его формирующих. Это по поводу сути вещей, к которой я хотел бы снова подняться и превзойти их выражение. И я начинаю прозревать нечто по ту сторону Мятежа.

Где-то А. Жид писал: «В любом искусстве есть элемент Бунта» — о, как это верно — и в той мере, в какой я являюсь бунтарём, я ощущаю себя художником, и как будто понуждаемым к Искусству, потому что в любом Бунте есть также элемент одиночества, которое может заполнить только Искусство. Но я также замечаю по ту сторону Мятежа, в глубинах себя, бесконечные возможности мудрости и безмятежную радость — нужно лишь отправиться за ними.

Я провожу свои дни за рисованием и всё более и более увлечён живописью. Рисование для меня словно медитация, за пределами любых дискуссий, за пределами слов, более близко к тому смыслу вещей, который пытаются выразить цвета, более близко к тому спокойному и вечному истинному Я, которое превосходит нашу хаотичную и неуверенную поверхностную активность, кидаемую из стороны в сторону ветрами тысяч наших ощущений.

А между тем Брюстер предложил мне остаться у него до конца его дней, рисовать и медитировать. Я отказался. В воскресенье 14-го я снова спускаюсь в Дели, где я попытаюсь найти быстрый способ вернуться во Францию.

Я получил ваше письмо сегодня утром. Вы милая, и я знаю, что вы сделали бы невозможное, чтобы помочь мне. Не волнуйтесь за меня, я сожалею о том, что заставил вас пережить это волнение. Я хочу, чтобы вы не чувствовали абсолютно никакого сожаления о том, что не можете мне помочь. Всё это не имеет значения, и очень надеюсь, что дела Макса скоро наладятся.

Я не мог больше оставаться в Посольстве Дели. Вы не представляете себе маразма, в котором я жил посреди всех этих искренних идиотов. К тому же, я изматывал себя наркотиком. А теперь, вуаля, я полностью отказался от него, нахожусь в отличной

форме, чтобы встретить лицом к лицу суровую парижскую действительность. Я хочу возвратиться во Францию, чтобы серьезно заняться изучением основ картины и рисунка. Хотелось бы также узнать побольше о скульптуре, но главным образом упорно работать над живописью. У меня в запасе целый склад многочисленных опытов, начиная с 1939, пора что-нибудь реализовать — Париж кажется мне превосходным местом для работы. К тому же, в Париже мне не терпится подвергнуть испытанию индийскую мистику, которая меня потрясает. Я хочу описать — в жанре фантастики — тот внутренний опыт, который я там получил, и одновременно человеческий опыт войны и лагерей: в обоих случаях я коснулся неких глубин человека, которые хотел бы выразить. Если судьба не будет против, то однажды я возвращусь в Индию, дабы окончательно встать на путь.

Но в Париже возникнут материальные проблемы. Нужно будет как-то жить. Моя мать телеграфировала мне, что я мог бы, вероятно, восстановиться в Колониальной Школе, если не вернусь в Париж слишком поздно. Интересно, насколько непримиримы во мне живопись и Коло*? В частности, я думаю, что ученикам Школы платят какие-то суммы, которые помогли бы мне прожить. Наконец, эти два года в Школе — если меня восстановят — возможно, позволили бы мне «заглянуть вперед», лучше узнать, чего я хочу и чего стою. Два года — достаточно времени, чтобы узнать, посвящу ли я себя полностью живописи, либо литературе, либо я должен смириться — за неимением таланта — с тем, чтобы надеть административную ливрею. Что вы об этом думаете? Возможно, что я прибуду в Париж слишком поздно для восстановления в Школе, в этом случае Судьба даст мне отличный выбор полностью посвятить себя живописи. Будь что будет, материальные трудности меня не слишком пугают.

Подруга, так хотелось бы поговорить обо всём этом с вами перед отъездом из Индии. Но кажется, это непросто. Я ещё не знаю, как буду действовать для возвращения в Париж.

.....

Это так по-идиотски, быть остановленным на полпути

* Сокращение от «Колониальная Школа» (прим. пер.)

денежными вопросами!

Ещё раз повторяю, подруга, не волнуйтесь за меня. Обнимаю вас от всего сердца, немного тяжёлого сердца. Хорошего вам отдыха.

Б.

Дели, 22 ноября [1949]

Клари

Подруга, посылаю это короткое письмо, чтобы сказать вам и Максусу спасибо за вашу телеграмму. Вы — ангелы.

.....

Без сомнений, теперь уже слишком поздно, чтобы получить от вас письмо. И тем не менее я с нетерпением жду, чтобы услышать ваше мнение о написанном в моём последнем письме из Алмоды. Если я случайно — скорее всего — не попаду в Карачи, напишите мне в Париж, письмо будет ждать моего прибытия. Я очень хотел бы услышать ваше мнение перед тем, как бросить Колониальную Школу.

У меня всё же есть лёгкое ощущение самообмана, и я чувствую определённый недостаток храбрости принять экстремальные последствия моих мыслей. У меня впечатление, что я «отрекаюсь» от чего-то. Но я также спрашиваю себя, в какой мере я, живя «богемной жизнью», не рискнул бы полностью захлебнуться в тысячах ежедневных материальных трудностей... Помогите же мне, подруга, ясно увидеть себя самого.

Я напишу вам более внятное письмо из Парижа или из порта отправления, но в данный момент я чувствую себя довольно глупо и разрываюсь от нетерпения в этом Дели, который я ненавижу. Вы знаете, подруга, как я буду огорчён, если не смогу увидеть вас снова — для этого я сделаю невозможное; но я также считаю, что наша дружба достаточно глубока, чтобы выдержать разделение.

Ещё раз повторяю, вы оба — ангелы, и я так тронут вашей дружбой.

Обнимаю вас, подруга.

Б.

Третий этап

Возвращение в Европу

(1950)

Париж, 27 декабря [1949]
Клари

(Сампрему исполнилось 26 лет)

Подруга. Конечно, давно хотел сообщить вам новости — мне кажется, прошло столько времени с тех пор, как мы расстались, и я пока ещё полностью оглушён этим внезапным отъездом из Индии на эту странную, чуждую планету, которую я больше не понимаю, совсем не понимаю.

Вообразите мир, нарисованный в сером, слегка вялый и рыхлый, как в этих вывихнутых снах, где мы бежим за призрачным поездом — небо на уровне крыш — бежим, потому что надо бежать, это главное; и сейчас мы, вероятно, в абсолютном тумане: в направлении Порт-де-Клиньянкур; быстро, потому что турникеты сейчас закроются, а витрины хитро подмигивают, но мы больше не осознаём свою голову, пришлось поменять голову на Конкорд; быстрее, ещё быстрее, люди смотрят в землю — они все смотрят в землю — возможно, для того, чтобы найти правильный путь, быстрее, ещё быстрее, потому что главное — не пропустить последний поезд метро, последний поезд неважно куда, и весь мир ведёт себя так, будто он знает нужное направление, будто он куда-то движется, но этим никого не обмануть, всё опрокидывается туда же — в человеческий мрак Елисейского дворца, весь изрешечённый звёздами, быстрее, всегда быстрее, потому что четвертичный период может закончиться в любой момент, там, за оградами Тюильри. Мы встречаемся, что-то делаем, как будто мы осознаём себя; мы говорим, ведя себя так, будто слышим друг друга, будто мы говорим на одном языке — быстрее, на следующую встречу — так, будто мы счастливы, будто мы любим друг друга — быстрее, ещё одна встреча — будто мы были «счастливы видеть вас снова», будто мы живём, быстрее, но никого этим не обмануть, потому что через минуту декорация изменится: мы переодеваемся в новые идеи, меняем галстук и метро, меняем голову и начинаем всё сначала, никто больше не играет в наши игры, красный нечётный и пас, а потом в который раз быстро в подземный переход под фонарями: два часа ночи, и мы прыгаем по тротуару, раз-два-три, с плитки на плитку, будто играем в классики, четыре-пять-шесть —

ночь переполнена огнями, и мы ныряем в раздражение под ледяным ветром перекрёстков. Теперь упущено последнее метро, но мы всё равно бежим, будто станция Майю изменила местоположение, мы бежим за временем, убегающим с Востока на Запад со скоростью четыреста тысяч километров в час, потому что здесь земля вращается, и нужно бежать быстрее, чтобы она сохранила равновесие; потому что здесь невесомость имеет вес, давление повышается, а температура падает, цены взвинчиваются, оставляя великую пустоту в сердце, а вас — полностью выпотрошенным, расстроенным перед развалинами вашей мечты в три часа утра в маленькой комнате прислуги, четырнадцатая улица Имени-Такого-то, седьмой этаж, третья дверь направо.

Моя комната имеет два с половиной шага в длину и метр семьдесят пять в ширину, детскую кроватку, комод, умывальник. Я пишу вам, полностью укутанный в свитер, халат и пальто. К стене припилен фотография Луксора с исполинскими колоннами, расположенными лотосом на фоне неба цвета охры, неба, которому восемь тысяч лет. На комод висит картина Брюстера с вечными снегами, и я внезапно осознаю, что вошёл во время, в пространство, что я стал элементом физического континуума, только я слишком неопытен и слаб в четвёртом измерении — измерении души — которая мучительно пытается войти в три другие, негодяйка! надо бы также поменять и душу — делается «под ключ» недорого в Галерее Лафайе (отдел для «мужчин»). Да, надо бы изменить и душу, если я не хочу утонуть в этом галопе времени; что за ярмарка! Подруга, столько лиц, но я не узнаю ни одного. Столько друзей, но я больше не узнаю ни одного. Есть мой брат Франсуа, который говорит мне: «Ты выглядишь иностранцем». Есть сестра Франсин, которая говорит: «Вы выглядите болваном, ну или несколько сбитым с толку». Есть и такие, которые говорят: «Индия, она большая? а факиры?» Есть те, кто говорят: «Встречаемся в понедельник в 6.45, я введу вас в курс дела...» в курс, в курс чего? В этом нет никакой значимости. Есть те, кто говорят: «Вы не изменились». Нет ни одного, который бы не сказал ничего... мы говорим, говорим, чтобы заполнить пустоту, великую пустоту, засасывающую парижские улицы. Но всем наплевать, и если бы мы один раз по-настоящему посмотрели себе в глаза, мы бы расхохотались или сбежали в ужасе. И затем, есть все те,

чьё сердце наполнено настоящей, великой болью, и другие, с глазами, упёртыми в асфальт, население, арендующее в Ле-Кремлен-Бисетр комнатную за двести франков в день, чья комната служит для того, чтобы перекантоваться на время какому-нибудь голодранцу. Есть все те, кто бродят по Парижу — в метро, в кафе — потому что не хотят маленького холодного одиночества своей жалкой клетушки на последнем этаже. Есть «весьма значительные» театральные пьесы, «серьёзные» фильмы и «важные» книги, столько важных вещей, что мы уже не знаем, куда девать эту важность. Есть целый народ с отсутствующим взглядом, только и занимающийся тем, чтобы заставить себя верить, что он живёт.

Так что я снова повидался «со всеми» и сказал каждому то, что он ожидал от меня услышать. Я снова увидел свою мать, занимающуюся стиркой, домашним хозяйством, кухней, штопаньем и походами на рынок. Мою мать, которая говорит о «целях на месяц» и ценах на мясо — обрадованную тем, что она снова меня увидела, и обеспокоенную. Снова повидался со своим отцом, который всё так же серьёзно рассуждает о «Провидении», причащается каждое утро и критикует чрезмерные расходы домашнего хозяйства. Я увидел моего брата Франсуа, который с ожесточением работает над своим соисканием, не понимает, почему я вернулся, разочарован новой «ориентацией» «моей жизни» и удивляется отсутствию во мне «пыла» (пыла или суматохи?). Я снова увидел моих братьев и сестёр, большинство из которых в браке — с детьми — и я не узнал никого из них.

.....

Я снова увидел Роже, усиленно работающего над своей картиной, милого, но мы виделись всего несколько минут — пара встреч и четыре аперитива. В Париже все становятся неуловимыми. (...) Довольно часто я видел Y., которую я пытаюсь вывести из её развращающего маразма. Я нахожу, что её физическое состояние лучше, чем в Пондичерри, но можно сказать, что её внутренняя пружина сломана: она продолжает жить, потому что «это происходит»; некая разновидность спокойного отчаяния. Она без желаний, без вкусов, без стремления, без огонька, и не прилагает никаких усилий «выйти из этого», огонь угасает очень медленно, она уже увяла и не расцветёт более.

.....

Наконец, я снова увидел Барона... Вы были правы и даже сверх того. Он развернул передо мной во всех оттенках свои любимые теории: «Жениться на богатой женщине. «Добиться» женщин. Найти «выгодную любовницу» в «известных кругах» Парижа. «Преуспеть», дабы иметь доступ к любой женщине. Деньги — главное условие Счастья, а комфорт — необходимая среда для реализации красивых добродетелей». Помимо этого я много чего услышал о герцоге Тако-то, о принце Тако-то и о его лучшем друге Президенте Как-бишь-его-зовут. В Гарше он познакомил меня со «своим» домом, своими картинами, своими статуями. Дом расположен «в шикарном квартале» Гарша, на возвышении, «рядом с гольфом», бок о бок с замком его лучшего друга, Директора Банка Нидерландов. Он на «ты» со сливками общества Парижа, бегаёт по художественным, политическим и литературным коктейлям, живёт на широкую ногу (но великодушно позволяет вам оплачивать его аперитивы). Я не видел его никогда, кроме как в обществе полдюжины людей, и он тщательно уклоняется от любых вопросов о том, что я делаю в Париже! Единственно, он мне «настоятельно рекомендовал» заняться Колониальной Школой, сказав, что «позже» это может пригодиться в моей карьере, ведь сейчас ничего невозможно добиться без дипломов. За пятнадцать дней я три раза просил его написать пару официальных слов в Министерство и «отметить» мою службу в Пондичерри, но он этого не сделал и не сделает, а я не настаиваю. Я пытался рассказать ему о сумятице последних месяцев в Пондичерри, когда Т. [секретарь правительства] временно его замещал; а он ответил мне, что его посуда была плохо упакована и прибыла наполовину разбитой («но конечно, это не имеет значения, ты сделал всё, что мог»). Наконец, задолго до моего возвращения Барон виделся с различными персонами из моей семьи и их друзьями и сказал им, что я совсем не был «приличным» парнем. «Слишком молодой», «неуклюжий», короче, он меня очень дипломатично уничтожил, хотя в то же время писал мне в Дели, что обратился бы ко мне при первой же возможности. (...) Помимо этого Барон действует в «высших политических кругах» (разыгрывает «карту Генерала де Голля» — как он говорит — но добавляет: «у меня есть друзья во всех партиях, ведомства могут меняться, я ничего не боюсь».) Полагаю, что

пресловутая «элегантность» Барона ограничивается его галстуками. Не будем больше об этом.

Но как я могу рассказать вам обо всех этих людях, не обманывая себя? Кажется, что в Париже все становятся неуловимыми. Я чувствую себя посреди дурацкой комедии, смысла которой я не ощущаю. Мне кажется, что я прибыл с планеты настолько отличной от этой, что мне очень сложно заново адаптироваться к ритму Парижа. Касательно женщин — я встретил множество элегантных модниц, но у меня исчезло всякое желание снова выходить на улицу... Мне кажется, что всё разрушено каким-то цунами, и я болезненно пытаюсь заново отстроить превращённый в руины дом. Может быть, я иностранец, или все эти люди — может быть, они иностранцы? Думаю, что время приведёт всё в порядок, но сейчас я пока ещё не «реализовал» своего возвращения к Парижу. Неприятное ощущение пребывания в странном сне, без реальности, без объёма, чувство отдалённости от других человеческих существ, вне их ритма.

Меня приняли в Колониальную Школу, и я возобновил свой курс: находясь посреди банды скандальных, но скорее симпатичных подростков, я надеюсь достичь того, чтобы заставить со мной соглашаться. Во всех областях я испытываю любопытное несоответствие: абсолютно необходимо, чтобы я был «в ударе», если хочу удержаться на плаву. Курсов много, и я занят все дни, за исключением четверга во второй половине дня и субботы во второй половине дня: я надеюсь найти время рисовать днём, но для этого нужно найти комнаты побольше и хотя бы с отоплением. Это неудобно и «это дорого» (наиболее часто используемое слово в Париже). В данное время я наибольшую часть времени стараюсь находиться «снаружи», возвращаясь в свою комнату как можно позже и лишь тогда, когда невозможно иначе. С конца января я получаю 18000 франков в месяц³³ — это больше, чем я ожидал...

Таковы, подруга, мои первые сырые впечатления. С момента моего возвращения я даже не имел времени поразмыслить, и это письмо — первая попытка анализа. Я уверен, что всё «устроится». Напишу вам, как только дела пойдут лучше.

Должен вам сказать, подруга, как я был тронут встречей с Максом

33 Речь идёт о старых франках.

и с вами; вы были столь великодушны в отношении меня. Чем дальше я иду, тем больше убеждаюсь, что дружба — единственная достойная вещь, и несомненно, единственное, что может быть тотальным, окончательным.

Обнимаю по-братски.

Б.

С Новым Годом вас обоих.

1950

Париж, 9 февраля [1950]
Клари

Подруга, вот уже долгое время я подумываю написать вам, но не знаю, когда соберусь, просто ожидаю большей ясности, прежде чем поговорить с вами. Ваше последнее письмо заставляет меня предположить, что вы не получили моё второе письмо из Парижа, вероятно, потерянное почтой, и тем лучше, ибо то, о чём я там писал, соответствовало, скорее, реакции мятежа, чем здравым размышлениям... (По поводу вашего письма — между нами раз и навсегда подразумевается, что мы пишем тогда, когда нам есть что сказать. Зачем же вы извиняетесь за своё молчание?)

Вы спрашиваете, подруга, приспособился ли я снова к Парижу...? Я всё ещё не адаптировался — и спрашиваю себя, смогу ли я когда-нибудь адаптироваться к чему бы то ни было. Это возвращение в Париж не пройдёт без пользы, оно дало мне знать, что назад дороги нет, и я встретился здесь, как и в 1939, с той же тревогой, «которая только и остаётся» («Цитадель^{*}»), той же тревогой, под воздействием которой я стремглав бросился на войну или в наркотики... Я изменился по прошествии лет, проведённых в Пондичерри, так как я прекратил задавать бесполезные вопросы, типа «пребывает ли мир в абсурде», или нужно ли иметь «мужество убить себя», или «хорошим или плохим является человечество, лживым или искренним». Я прекратил обвинять мир и людей и бунтовать против буржуазии или против моего отца, против общества, против смерти или несправедливости. Я больше не сражаюсь против слов или философий — всё это пройдено, — я просто живу, именно против

* Антуан де-Сент Экзюпери «Цитадель» (прим. пер.)

своей тревоги я сражаюсь, именно самого себя я обвиняю, и самого себя попытаюсь спасти. Я больше не спорю «о жизни», я пытаюсь жить. — Я долго пытался оправдывать или объяснять свои действия определёнными интеллектуальными концепциями и я окрестил красивыми именами, наподобие «мятеж, социальный отказ, искренность, разоблачение, достоверность», то, что было, в сущности, лишь способом инстинктивно или интуитивно ПОЧУВСТВОВАТЬ вещи. Ни мятеж, ни мужество, ни вызов не были причиной тому, почему я развязал войну или покинул Париж или Колониальную Школу. Причиной было то, что я не мог действовать иначе, я действовал не по теории, а по темпераменту, по инстинкту.

Таким образом, я прекратил ставить перед собой неразрешимые интеллектуальные проблемы или искать «причины» или «оправдания». В этом письме я не хочу судить о вещах или о себе самом, я хочу рассказать вам о том, что я чувствую.

По прошествии четырёх лет я испытал то же самое ощущение, которое я вам здесь опишу: четыре года назад почти день в день мы находились в Каире. Снаружи происходило что-то вроде бунта, и мы провели вторую половину дня играя в бридж в наших комнатах Отеля «Париж». Вы были там с Жилле и Р. Внезапно, сидя за бриджем, я почувствовал, что больше не могу, у меня было ощущение пробуждения от кошмара, абсурда. Я не мог здесь оставаться больше не минуты и сбежал в свою комнату. Понимаете, у меня было впечатление, что всё это было фальшью, дурной комедией, я был захвачен своего рода тревогой, как будто «это» больше не могло продолжаться, такое у меня было ощущение абсурда. Я больше не понимал, как я мог играть там в бридж, болтать — как будто это было чем-то другим, чего я больше не понимал, как будто вдруг меня извлекли из самого себя, из того, который играл в бридж. Тогда, возвращаясь в свою комнату, я имел что-то вроде тревожной интуиции, что если бы меня не выдернули из моей роли игрока в бридж, если бы я остался на поверхности самого себя, то не оставалось бы ничего более, как покончить жизнь самоубийством.

И вот несколько дней назад я провёл вечер с Y. В час ночи мы пошли в заведение «Колледж Инн», потанцевали, и вдруг внезапно я снова был наводнён волной абсурда, как в Каире. Вы понимаете, я больше не мог оставаться ни минуты в этом заведении, это было

невозможно, я ощущал себя утопающим. Я посадил У. в такси и ушёл.

Понимаете, подружка, всё произошло так, будто я пробудился ото сна и обнаружил себя нелепым ряженым, ухаживающим за Бабой-Ягой. Действительно, впечатление, что я не чувствую земли под ногами и тону, что меня больше нет, я не знал, что мне там делать, я перестал понимать — так, словно я присутствовал на собственной смерти и в то же время пробуждался к новой, тайной, скрытой ужасающей жизни. Это не просто слова, Клари, это не просто слова...

И этот род ощущения возвращается всё чаще и чаще: когда я нахожусь в Школе, готовясь слушать лекцию, или когда я ужинаю с семьёй, когда я у Клэр с Жилле, и мы хотим поговорить... Всё происходит так, будто я актёр на сцене, у которого «провал в памяти», я больше не знаю, что я должен говорить и какие жесты совершать. Это великая пустота тревожной тоски, которую нужно ПРЕДОТВРАТИТЬ, изгнать любой ценой и незамедлительно, иначе пойдёшь ко дну.

И такая же тревога охватывает меня, когда я нахожусь в своей комнате, не занятый ничем. В эти моменты я не могу выдержать это пребывание лицом к лицу с другим собой, этим внутренним существом, которое смотрит на меня до головокружения. У меня также впечатление невозможности, ибо эта внутренняя сущность, я точно знаю, — это сама истина меня, которая смотрит на другого, на паяца.

Подружка, именно для того, чтобы заполнить эту отвратительную пустоту, эту ужасную тревогу, чтобы заглушить этот другой лик внутри меня, именно для этого я так радостно нырнул в пучину войны или в наркотики. Но именно потому, что я в то же самое время был очарован этим другим ликом, я оказался в Ашраме.

Итак, подружка, в конце концов я понял одну вещь: дело в том, что война или наркотик, Колониальная Школа или «профессия», любовь и кино, путешествия и «вера»... всё это ТРЮКИ *для того, чтобы удержать тот единственный момент, который действительно важен*, тот момент, когда мы обретаем истинное и тотальное сознание себя: смерть, либо отказ от всех масок, всех ролей, всех ежедневных комедий.

Я не могу сыграть роль как следует, я диссонирую. Память покидает меня, и я больше не помню старых жестов репертуара,

правильных слов «хорошего тона».

Чтобы суметь жить как все, нужно быть ВНЕШНИМ по отношению к самому себе. Нужно, как Пьер Д.³⁴ и его жена, устраивать спектакль в галерее, всегда один и тот же, спектакль администратора или влюблённого, путешественника-который-всюду-побывал или ещё спектакль «бывшего-ссылного-надо-было-видеть-каким-он-был-когда-возвратился». (Когда Барон представлял меня, он никогда не упускал случая добавить: «Я видел, как его принесли на носилках»; это производило хорошее впечатление, да вот беда — его не было там, когда меня принесли).

Нет, подруга, я не могу оставаться на поверхности самого себя и при этом как следует сыграть свою роль. Раньше я сказал бы вам о людях, которые «плутуют» с самим собой, но теперь я не думаю в терминах «плутовства» или «искренности» — это не вопрос «принципа», это вопрос кожи, темперамента. Я больше не играю в этой области, я больше не могу оставаться в этом гибридном, личиночном состоянии, между внешним существом, за которым я не в состоянии следовать, и этим внутренним существом, которое меня пугает.

Я не хочу сказать, подруга, что это внутреннее существо было реальнее, чем другое — повторяю ещё раз, я настолько далёк от любой интеллектуальной дилеммы по поводу «Правды» или «достоверности» — и это не столько «Правда», которую я преследую, сколько необходимость, которую я испытываю и которая ориентирует меня, следуя определённой — естественной — линии наклона в направлении моей наибольшей плотности. Нет, я не предполагаю, что эта внутренняя сущность будет более достоверной, чем другая, и после того, как будут «сорваны все маски», отброшены все комедии, отклонены все роли, не останется ли только *пустота*. Возможно, человек не имеет никакой другой реальности, кроме реальности его масок (и мне вспоминается Ницше, «быть поверхностным на глубине»). Возможно... но я ничего не могу поделать, и я знаю, что моё подлинное «приключение» вписывается в духовную сферу, в ту сферу, которая направлена внутрь, когда мы отказываемся заполнять пустоты всеми этими социальными, моральными или чувственными

34 Один из художников, «парижский» до корней волос.

Уловками, когда мы соглашаемся встать лицом к лицу с этой пустотой — которая, возможно, не что иное как один из первых ликов наивеличайшей *полноты*.

Однако, как вы знаете, я отказался от Алморе, от Ашрама, потому что хотел возвратиться во Францию. Ибо в Индии это не могло окончиться ничем иным, кроме как Ашрамом; Ашрам или любая другая форма духовной жизни (я хорошо это понимал, когда курил...). Я надеялся отыскать в Париже маленький «трюк», который позволил бы мне, якобы, жить как все, достаточно было бы немного «понимания» с моей стороны — однако, я не в состоянии понять этот образ жизни, который я веду, меня нет, я здесь иностранец. Конечно, говоришь себе о «положении», материальной необходимости, о будущем... но что это за будущее, которое для меня ничего не значит? И нет возможного компромисса, не идёшь поминутно на компромисс, как в той комнате в Каире и в другие моменты... Не может быть и речи о «положении» или «досуге» для «интересных вещей»: это невозможно, нельзя наложить друг на друга два столь различных ритма жизни, нужно либо — под угрозой исключения — полностью включиться в ритм внешней социальной жизни, либо не существовать.

И тогда возвратиться в Ашрам в Пондичерри?... Я написал письмо Матери, чтобы объяснить ей почти в тех же словах то, что я написал вам здесь, и она мне ответила: «Вы можете вернуться, если хотите. Вы знаете, если решите вернуться, какая жизнь ждёт вас в Ашраме. Вы знаете, что это простая и здоровая жизнь, но без роскоши. Вам дадут работу согласно вашим способностям. Нужно также, чтобы вы знали, что это не будет жизнь надёжная и безопасная. Здесь вы встретите борьбу и даже конфликты, и нужно будет вооружиться упорным стремлением и непоколебимой настойчивостью, чтобы победить препятствия, которые вы, несомненно, встретите на пути к Трансформации».

Но подруга, всё это не так просто, как я вам пишу... Действительно, есть моменты, когда я целиком обращён к этому внутреннему существу, но также и моменты, когда, как в Алморе, я целиком поглощён зовом дороги; есть моменты комнаты в Каире, но также и моменты, когда всё моё существо сражается бок о бок с персонажами Мальро, а ещё есть моменты, когда я стою у штурвала

моего корабля, моменты, когда я рисую и когда мечтаю о жизни рыбака на уединённом острове... Есть во мне нечто, что разрывается между созерцанием и действием — и в конечном счёте, я не приду ни к чему, кроме моей чернильницы.

Похоже, наша индивидуальность была сформирована суммой моментов, постоянно находящихся в смешении, и к несчастью, пропорции смеси никогда не бывают одинаковыми, и мы никогда не знаем, какой из «моментов» является действительно важным, сущностным, линией наибольшего наклона...

Однако, я должен что-то решить пока ещё есть время, ибо потом будет слишком поздно, и меня захватит механизм Школы (нам платят жалованье 18000 франков в месяц с обязательством служить в течение 10 лет в администрации колоний. В противном случае придётся возместить все деньги, которые использовал, то есть через два года, по окончании Школы, мой долг будет составлять 24x18000, если мне придётся всё бросить!...)

За исключением этого, я живу без гроша в кармане и почти не выхожу из маленькой семейной комнаты, разве что только для того, чтобы пройтись до Школы. Я тщетно пытаюсь продать свои ковры.

Изредка я вижу с X, Y, Z. Фактически, всё моё общение ограничивается моим братом Франсуа — счастье, что он здесь есть. И я часто думаю о вашей жизни в Карачи... Возможно, Любви достаточно, чтобы заполнить пустоты (?). Счастлива ли вы? но я не осмеливаюсь задавать вам вопросы...

Здесь жизнь существ кажется разбавленной хмурой монотонностью кухонных счетов и прожиточного минимума — в конечном счёте, это единственная «игра», захватывающая вас, большой прокатный стан нивелированных душ.

.....

Я не знаю, что мне предпринять, и надеюсь на некое вдохновение, но у меня есть впечатление, что всё это не может долго продолжаться.

Обнимаю вас по-братски, подруга.

Б.

Париж, 13 марта [1950]

Дорогая подруга. Ваше длинное письмо содержит столько теплоты и искренности. Более, чем когда-либо, я нуждаюсь в уверенности, что вы, несмотря ни на что, на моей стороне, независимо от того, что я делаю или за чем следую — я ощущаю себя таким далёким от всего мира, даже от моих родственников и моих друзей; отдаляющимся, словно мой способ бытия является личной угрозой для их жизни, скандалом, ставящим под угрозу те принципы, которые управляют их жизнью. Доходит до того, что я представляю что-то вроде опасности, от которой необходимо защищаться. Вокруг меня создаётся пустота — как будто и без того я не был всегда один! Моя семья и даже моя мать — против меня. Повсюду меня считают чокнутым. Я не жалуясь на это одиночество, но у меня есть потребность рассказать вам о происходящем вокруг меня, потребность рассказать вам о пересекаемом мною своего рода чёрном туннеле, в котором, кажется, всё покинуло меня — и моя самая светоносная интуиция, и самая крепкая уверенность. Впечатление, что я живу в мире маленьких грызунов, атакующих меня, словно у них есть потребность защититься от меня! И эти семейные советы, и собрания «друзей», где обсуждается «мой случай» и ищутся объяснения — ибо им нужно отыскать прелестные маленькие объяснения, дабы успокоить их совесть и позволить им «закрыть дело». И за спиной на меня клеят все виды ярлыков: Неприспособленный — Неуравновешенный — Романтичный — Бунтарь — Изгнанник... всё, что угодно. Но никто не хочет видеть истинных мотивов моего отъезда, именно потому, что они ставят под сомнение саму основу их жизни. У меня впечатление, что я нахожусь на старом судне, которое дало течь со всех сторон и чей такелаж лопается один за другим, и тогда мы чиним, насколько это возможно, затыкаем дыры, суедемся, но никто не хочет окинуть всё ясным взглядом (и мне вспоминается великолепный пассаж из поэмы Сен-Жон Перса: «И разве вы не видите, как всё внезапно рушится прямо нам на головы — все снасти, такелаж все паруса и реи — словно огромное полотнище мёртвой веры, словно огромное полотнище бесполезной шелухи и фальшивой оболочки, и что самое время, наконец, взяться за топор?...»)

И всё, что мы слышим на борту этого медленно тонущего судна, это крики наших депутатов, которые дерутся, ругают друг друга и ведут себя, как извозчики в Парламенте; и единственные призывы, которые можно прочесть в газетах, связаны лишь с последними убийствами с целью ограбления, последними политическими и финансовыми скандалами, скомпрометированными генералами и правительственными перестановками. (Сегодня вечером прочёл большой газетный заголовок: «Женщина за четыре часа раздала 594 поцелуя пяти мужчинам»). А стены покрыты афишами последнего триумфа французского кино «Манеж»: мусор (для рекламы — запрещён к показу лицам до шестнадцати лет), призывающий ко всему, что наиболее низко, наиболее подло, наиболее фальсифицировано. (...) В то время, как наши «интеллектуалы» спорят о византийских распрях, Мальро организовывает митинги R.P.F, а рабочие бастуют против низких зарплат.

Никто не хочет посмотреть в корень проблемы, они лишь затыкают дыры и суетятся... Концепцией всей этой цивилизации было обеспечение нашей безопасности — «будущее в кресле», согласно лозунгам Страховых Компаний — и никто теперь больше не знает, как реагировать на опасность, импровизировать, рубить с плеча... И теперь, как результат, мы видим, что 90% французов стали вишистами во время войны, не будем забывать об этом! — и что у нас лучше всего получается, так это каламбуры и шансоны типа «Роза под луной», давшего название их последнему журналу «*Raix de travers*» — «Покой навыворот». Да, покой навыворот, их громкий пук, который всех нас отравит.

Бунтовать? Но какой смысл в бунте, который не эффективен? Бунтовать против Москвы, против Вашингтона? Отличный выбор! между американскими излишествами и русскими недостатками...

Нет, пришло время задуматься, и серьёзно задуматься о глубинном корне вещей. Нужно привнести в мир нечто новое (а мы говорим о Карле Марксе — родившемся в 1818! — как о последнем мыслителе нашего времени!) Это проблема не экономического или социального порядка, это проблема человека, духовная проблема, и если Революция остаётся в силе, то она совершается изнутри.

Нет, мой отъезд в Ашрам³⁵ — это не бегство. Это не индивидуальное «спасение». Я всеми фибрами своего существа ощущаю себя человеком, *ответственным*, связанным со всем злом, которое совершается. Я не претендую на то, чтобы быть с чистыми руками посреди всей этой грязи, но если я и могу оказать какую-то ПОМОЩЬ, то она будет состоять в том, чтобы дойти до корня вещей и попытаться ВЫРАЗИТЬ то, что я найду — если, конечно, найду что-нибудь.

Помните, что мне написал А.Жид пять лет назад: «Если мир и может быть спасён, то непокорными... Они, эти непокорные, «соль Земли» и уполномоченные Бога. Я убедился, что Бог ещё не проявлен, и мы должны этого достичь».

Я не претендую на то, чтобы «спасти мир», но я хотел бы быть одним из тех, кто видит ясно... И какую помощь я мог бы оказать, завербовавшись в администрацию Колоний? Какую силу имел бы мой голос или пример среди этих честолюбивых болтунов? В Пондичерри вы могли видеть, что нет больше никакой колонизации, кроме политической. Колонии стали полем выбора для влияния на парламентское большинство Парижа и для подогрева маленьких политических кухонь-программ международных комиссий. Я не чувствую, что создан для того, чтобы служить загонщиком для этих мошенников. (Мой младший брат Франсуа, воспитанник Колониальной Школы, собирается покинуть её, чтобы заняться медициной. Чем дальше я иду, тем больше думаю, что медицина — единственная профессия, достойная чистого сердца. Но для меня это чересчур поздно).

Знаете ли вы, в чём квинтэссенция нашей западной цивилизации? Знаете ли вы, чем является продукт двадцати веков христианства? — Это страховой агент. Люди больше не могут жить без страхования, страховка на все случаи, страховка жизни и будущего, страховка от несчастного случая, смерти и ада, а главным образом страховка от самих себя — цивилизация гарантий, учёта и поручительства: «Страхование от любых рисков, акционерное общество с капиталом в двадцать миллионов кресел».

35 Сатпрем готов был уехать в Пондичерри, пока в декабре не ушёл Шри Ауробиндо. И тогда Сатпрем избрал другой путь, который, возможно, был тем же самым.

Ныне моё убеждение таково, что невозможно чего-либо добиться, если не рискнуть всем, поставить на кон в этой игре всего себя, и это игра, которая превосходит мелкие поверхностные волнения индивида. Если позволить себе парафраз Евангелия, я бы сказал так: «Кто хочет выиграть свою жизнь, тот её потеряет». Я иду на риск, чтобы потерять самого себя в Ашраме, по-видимому, для того, чтобы найти Бога, но также, возможно, для того, чтобы найти свой подлинный голос, найти определённый образ человека, дабы его ПРОЯВИТЬ.

.....

Но прежде, чем снова отправиться в Индию, я хочу осуществить другой проект, которому в настоящее время посвящаю все свои усилия. С молодым двадцатилетним другом моего брата я хочу купить небольшой парусник и устроить, как Ален Жербо, большой океанский тур: Атлантика — мыс Горн — Тихий и Индийский океаны. Я хочу пройти через физическое испытание, прежде чем подвергнуться духовному испытанию. Не знаю, почему, но я очень многого жду от этой «медитации тела» — если можно позволить себе такое выражение. Всякий раз, когда я находился на борту моего судна, я пребывал в своём настоящем, подлинном «климате»; также, как и в пустыне, на дорогах, как в Афганистане или в Египте. Меня всегда привлекали такие места, которые приводят человека в касание с его сущностной частью.

Но я не знаю, смогу ли осуществить этот проект, есть большие финансовые затруднения. (...) Если вещи сложатся не так, как хотелось бы, если что-то не устроится, мы оба в эту же Пасху устроимся на рыболовный траулер. (...)

Тем временем, я в Париже веду невозможную жизнь посреди всеобщей оппозиции и систематической обструкции. Мой единственный союзник — мой брат Франсуа, чьё присутствие, к счастью, очень ободряюще. Так что я нахожусь теперь в том же положении, что и годы назад — те несколько месяцев, предшествовавшие тому, как я покинул семью и ушёл в Сопротивление... Всегда приходится чему-нибудь сопротивляться.

Обнимаю вас, Подруга, и с нетерпением ожидаю от вас новостей. Скажите Максу о моей искренней дружбе.

Б.

(Сатпрем уиёл из Колониальной Школы)

Париж, 15 марта 1959

Господину Министру Зарубежной Франции
С/о Господину Директору Колониальной Школы
Зарубежной Франции

Отдел кадров

ТЕМА
Прошение об отставке

Господин Министр,

.....

По мотивам личного порядка я вынужден попросить вас рассмотреть данное письмо, как прошение об отставке из администрации Колоний.

Прошу вас, господин Министр, принять выражение моих самых наилучших и благоговейных чувств. Преданный вам

Подпись: Б.

(Ответ Министерства)

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

МИНИСТЕРСТВО
ЗАРУБЕЖНОЙ ФРАНЦИИ
27, rue Oudinot- PARIS (7e)

6.7.50
ОТДЕЛ КАДРОВ
2e Bureau — 1ère Section

N°38153

МИНИСТЕРСТВО ЗАРУБЕЖНОЙ ФРАНЦИИ

Господин Б.

14, улица ...

Париж — бе

Имею честь информировать вас о том, что приказом №856 от 2 июня 1950, копия прилагается, ваша отставка ученика Национальной Школы Зарубежной Франции принята.

Будьте добры подтвердить получение настоящего извещения.

Директору по персоналу
Глава 2-го Бюро
(Подпись: неразборчиво)

Центральный Реципиент Инвестиций
Возмещение расходов: 72.675 фр.

Париж, 30 апреля 1950
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар,

Не прошло и двух дней с тех пор, как я проводил тебя в аэропорту Орли. Это звучит глупо, но я ощущаю великую пустоту. Kleber 86.10 больше не отвечает, и кажется, что больше ниоткуда нет ни ответа, ни эха, и я чувствую себя лишённым главного смысла своего пребывания здесь.

Слова не имеют стыда, но я предпочёл бы сказать тебе всё это в молчании во время долгих вечеров у лампы — так как мне действительно кажется, что между нами было полное взаимопонимание, контакт на одном и том же плане, и что контакт этот был не только контактом между разумами, но чем-то более тонким, почти физически осязаемым. И мне кажется теперь, что тишина воцаряется там, где брожу я, погружённый в рассеянные, вывихнутые сны, бегущий за невозможными призрачными поездами. Я здесь как иностранец без системы отсчёта, ибо я не «здешний», не говорю на их языке. Понимаешь, я выгляжу здесь как актёр на сцене, у которого вдруг возник «провал в памяти», и я больше не знаю ни

роли, ни жестов, ни репертуара, ни обходительных слов этикета, и всё это кажется мне нелепой комедией, в которую я попал по ошибке, в которой я всем мешаю. Так что ты, возможно, понимаешь, почему твоё присутствие для меня так важно и почему я рассматриваю нашу дружбу как нечто абсолютное — ибо она действительно служит свидетельством того, что я не один в этом абсурдном мире.

Уверен, что это письмо покажется тебе идиотским, но мне нужно высказать тебе всё это, ибо у меня в глубинах всегда есть надежда на то, что кто-нибудь даст мне «пароль», открывающий двери этой своего рода тюрьмы, в которой я нахожусь — и это нечто совсем иное, нежели все сокровища Голконды и золото Махараджей, которые я ожидал найти, качаясь на конце верёвки над орлиными гнёздами Нарканды³⁶; это своего рода фантастический мир, который ты создаёшь вокруг себя, мир, где невозможное становится возможным и где я становлюсь свободным.

Здесь я ощущаю себя потерявшим почву под ногами, без точки соприкосновения с другими, моё видение как будто искажено, я больше ничего не понимаю, я за бортом. Так что ты, возможно, поймёшь, почему я придаю такое значение нашим вечерам, твоему присутствию — как будто ты обладаешь властью изгонять эти кошмары.

Полагаю, что единственное средство вытащить меня из этого состоит в том, чтобы зачерпнуть жизнь пригоршнями и погрузиться в бурную деятельность. Нужен ли я тебе? Хочешь ли ты сыграть со мной? Надеюсь, что когда ты получишь это письмо, твои дела прояснятся, и ты поймёшь, буду ли я тебе полезен или нет. Я полон решимости схватиться с материальной реальностью, ибо в конце концов это единственное средство отвоевать свой мир и свою независимость. Я пойду до конца, а вдвоём реализовать приключение будет легче.

Если я не решался ответить тебе из Парижа сразу же, то потому,

36 У Сатпрема и д'Онсие, наряду с другими приключениями, была вылазка в Нарканду на границе с Тибетом, куда они отправились на поиски сокровищ, по преданиям, спрятанных в неприступном орлином гнезде, в глубине грота на отвесной стене одного из пиков. Они действительно нашли орлиное гнездо, куда Сатпрем спустился на конце верёвки, но безуспешно; копание в орлином помёте ничего не дало — сокровищ там не было.

что меня соблазнил мираж приключения в Мексике, куда я хотел отправиться в-одиночку. Но чем больше я об этом думаю, тем более убеждён, что нас ждёт великая игра в Индии, и что только ты можешь сыграть в лучших традициях де Буаня³⁷. Я полностью уверен в успехе и в качестве твоего приключения, которое я хотел бы назвать «нашим».

.....

Итак, жду от тебя сигнала.

По-братски

Б.

Париж, 1 мая [1950]
Клари

Дорогая подруга,

Уже два месяца я живу посреди своего рода бури, полной противоречий, надежд и разочарований — отсюда моё долгое молчание.

В моём последнем письме я писал о возвращении в Ашрам, а также о кругосветном путешествии на небольшом паруснике. Идея состояла в том, чтобы подвергнуть себя физическому испытанию, прежде чем окунуться в более созерцательную жизнь.

Таким образом, я пустил в ход все средства, чтобы получить необходимые для моей экспедиции фонды (не очень много, около 300.000 франков*), и обратился к крупным газетам, журналам, таким как «Match», и в фотоагентства, обещая большой журналистский и фотографический репортаж о своей экспедиции.

Различные директора проявили большую заинтересованность моим проектом (надо вам сказать, что предполагаемый парусник длиной 8,5 метров без всякого двигателя должен был пройти возле мыса Горн и т. д. и т. д.)... Но никто не решился рискнуть моей

37 Граф Бенуа де Буань, савойский Генерал на службе в Индии. Он командовал главным войском маратхского принца Шинде. Бернар д'Онсие также был из Савойи.

* Старыми деньгами (прим. пер.)

шкурой за 300.000 франков. С тяжёлым сердцем я всё же отказался от проекта.

Этот месяц, проведённый в бурной деятельности для осуществления экспедиции, разбудил во мне вкус к действию, и я не увидел в себе большого желания запереться в Ашраме. Конечно, я остаюсь в убеждении, что Ашрам представляет важнейшую истину или, точнее, истину, которая важна для меня — но эта созерцательная жизнь соответствует только одному полюсу меня, полюсу мистическому; но есть другой полюс, тот, который действовал во время войны, полюс активности, предприимчивости, приключения.

В конце концов, думаю, не стоит выбирать между двумя, но, скорее, соглашаться с ними обоими, по очереди, и укрываться в созерцательной жизни по мере исчерпания жизни активной.

Таким образом, после провала моего круиза наметились другие приключенческие проекты: я хотел уехать в Мексику — со своей постоянной идеей вести суровую рискованную жизнь на открытом воздухе. Мне казалось, что жизнь на фазенде или ранчо меня удовлетворила бы. Так что я приложил все усилия, чтобы получить визу иммигранта. Бесплезно говорить вам, что я разбил лоб об стену, столкнувшись с историями «квоты», «трудового соглашения», оборонного законодательства. Более того, я не был ни «техником», ни «экспертом», ни «специалистом». Короче говоря, я — ничтожество.

После провала с Мексикой я предпринял другие шаги сначала в Посольстве Колумбии, затем Перу с идеей иммигрировать и работать в этих неисследованных странах. Там я столкнулся с теми же препонами. Снова провал.

Однако, не поддаваясь унынию, я наметил другой проект и отправился в Посольство Америки просить «визу студента», дабы влиться в Американский Университет Техаса — этот университет специализируется на изучении нефти, и я подумал, что диплом этого университета позволил бы мне путешествовать по разным странам, добывающим нефть, совершать нефтеносную разведку и вести довольно суровую жизнь «в поле» — но там я столкнулся со всей плеядой драконовских условий, защищающих американские университеты от иностранной чумы. В конце концов, запрет для иностранных студентов зарабатывать себе на жизнь, чтобы оплатить свои занятия, вынудил меня оставить этот проект. Существует

разветвлённая система «стипендий», но для получения «стипендии» нужно подтвердить весь свой «фон» — семейный, религиозный, расовый, политический и т. д. Я отказываюсь.

Нет нужды говорить вам, что для каждого из этих действий требовались метрики, судебные досье, воинские документы, дипломы, фотографии, отпечатки пальцев и размеры черепа (забыл анализы крови на сифилис и анализы стула на амёб...) И в довершение всего *Curriculum Vitae** всей своей деятельности с 1933 и доказательство своей чистоты в отношении коммунистов.

Дерьмо...

Но я не отчаялся из-за подобных мелочей и дал ход всем своим связям в мореходной сфере, чтобы наняться матросом на траулер «*ла-Рошель*». Я также попытался устроиться юнгой на траулер «*Новая Земля*» в Сант-Мало. Но так как я не принадлежу ни профсоюзу рыбаков, ни Школе рыбной ловли и так как не фигурирую в реестрах «учёта моряков», меня послали подальше. Короче, теперь, когда мне нужно заполнить полицейские карточки, я пишу: Профессия — Негодяй.

Я в мышеловке. Мир захлопывается, сжимается, теряет всю прелесть своих фантазий. Мир техников-спецов-экспертов! Мы больше ничего не можем сделать, если мы по меньшей мере не красуемся на удостоверении, не регламентированы, не опрофсоюзены, не снабжены этикеткой четыре на четыре — если мы по меньшей мере не заполнили двенадцать страниц анкет, шесть полицейских карточек, три антропометрических карты, два отпечатка пальцев и тест на совместимость.

Всё, что мне остаётся, это мой бунт и моя готовность отказаться от любых компромиссов с этим слишком хорошо организованным социумом. Тем хуже, если я для них тоже «слишком».

Я забыл рассказать вам о своей последней попытке: устроиться столяром на мыльную фабрику, чтобы делать ящики для мыла. Я столкнулся с профсоюзом, и мне предложили место «временного чернорабочего». Потому что я также не мог больше оставаться у себя дома (хотя и позволял себе только одну трапезу в день, когда мой отец отсутствовал). Отец выдвинул мне требование зарабатывать себе на

* *Curriculum vitae*, CV (в переводе с лат. — «ход жизни») — краткое описание жизни и профессиональных навыков (прим. пер.)

хлеб самостоятельно, либо уматывать. Впрочем, он прав. Но это весьма неприятно — быть ничтожеством, не входящим в профсоюз.

Так что я снова отправляюсь в Индию, в Дели, вершить «дела» с Бернаром д'Онсие (если он ещё хочет быть со мной). Мой зять предлагает в стоимость моих восточных ковров купить мне билет на самолёт, и я отправлюсь в Карачи самолётом Air France к концу этого месяца. (Если Индия не откажет мне в визе). Я телеграфирую вам о точной дате моего прибытия в Карачи — буду так рад обнять вас.

.....

Вот такие новости. Дели и д'Онсие — мой последний шанс. Впрочем, я дошёл до точки, где мне уже всё абсолютно безразлично. Ощущаю себя, воистину, лёгким, отрешённым от всего, без корней — идеальный кочевник-негодяй.

По прибытии в Карачи я дам вам почитать несколько замечательных стихотворений Сен-Жона Перса и покажу вам, может быть, несколько холстов со своими набросками (я уезжаю на несколько недель в Бель-Иль для занятий живописью. Мой смокинг оплатит расходы на поездку).

Черкните мне пару строк.

Обнимаю вас с лёгким налётом отчаяния.

Б.

JOURNAL
DE LA
MARINE
Le Yacht

55, RUE DE CHATEAUDUN, 55

PARIS, LE

LIBRAIRIE NAUTIQUE
AGENT COMMISSIONNÉ
DU SERVICE HYDROGRAPHIQUE
DE LA MARINE
POUR LA VENTE
DES CARTES
INSTRUCTIONS NAUTIQUES

CHEQUES POST. PARIS 822-80
MONTRES BOUTONNÉES N° 24.524
TRINITÉ 45-91 & 92
ARRENTYAGH-PARIS

Je soussigné, Pierre DUMONTIER, Capitaine au long cours,
Directeur du JOURNAL DE LA MARINE LE YACHT, atteste, sur
la foi de renseignements puisés à bonne source, que
M. Bernard E. est un marin expérimenté et capable
de réaliser avec succès le projet de croisière hauturière
qu'il envisage.

Paris, le 6 avril 1950.

Париж, 29 июня 1950
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар,

Я только что получил твоё письмо и сразу же отвечаю на него. Весьма тронут твоей дружбой и твоим беспристрастным, незаинтересованным способом оценивать проблему, тем более, что я чувствую твоё одиночество, твои депрессии, словно нахожусь рядом с тобой. Конечно, я беспокоюсь о тебе, и твои победы, твои успехи касаются и меня, потому что вся твоя жизнь и твоё отношение являются вызовом этому миру абсурда, этому миру профсоюзных роботов; и для меня важно, чтобы у тебя всё получилось, чтобы ты доказал, что иные ценности всё ещё в ходу, всё ещё возможны в нашем мире. Твоя победа и твой успех должны быть победой и успехом всех тех, кто отказывается стать «роботами», как ты писал моему брату Франсуа. Нет, твоя жизнь — не нонсенс, напротив, она кажется мне исполненной глубинного смысла — впрочем, поэтому она и вызывает противодействие и заставляет брызгать слюной всех маленьких «нотариусов» мира. Не отчаивайся, не будь обескураженным, не выходи из этой партии, которую ты играешь для всех нас, тех, кто отказывается терять свою индивидуальность. Но я боюсь, не позволишь ли ты наркотику «поиметь» себя и не позволишь ли ты себе впасть в какую-нибудь глупость в один из моментов «депрессии», о которой ты пишешь. И однако, Бог знает, как я тебя понимаю, Бог знает, как я чувствую твоё одиночество... Будь уверен, мой старина Бернар, ты дойдёшь до победы, которой ты заслуживаешь.

В том, что касается меня, твоё видение полностью справедливо: я должен один нести всю ответственность; и я должен строить свою жизнь сам, а не бежать «в хвосте» другого. Все мои отсрочки и проволочки не являются выражением «кризиса желаний», как ты пишешь, но выражением «кризиса сознания». Если я колеблюсь, то это не колебания между Новой Каледонией или Мадагаскаром, Африкой, Мексикой или Дели, но это колебания между внешним Приключением и внутренним; между Приключением в мире и

Приключением в Ашраме.

Опыт последних месяцев оказался полезен — я отметил серию провалов: провал своего кругосветного путешествия, провал проектов Мексика-Южная Америка, провал проекта Сахара и т. д. Повсюду я сталкивался с историями о «трудовых соглашениях», законодательстве, «квот эмиграции». Теперь мир открыт лишь для специалистов и техников, тех, кто живёт в рамках — для нас мир закрывается, и даже пустыни теперь ставят на откорм. Короче, нечто вроде неумолимой логики событий демонстрирует мне, что «Приключение» более не разрешено в современном мире.

И между тем, я убеждён, что наша эпоха не абсурднее других, и что в ней, как и в других эпохах, есть свой глубинный смысл: конечно, мир больше не является территорией опыта для великих искателей приключений, подобных Писарро, Лоуренсу или Лиоте. Теперь это эпоха не «конкистадоров», но «поселенцев» и «коммерсантов». И если Приключения более невозможны, то это происходит потому, что мы должны отправиться за подлинным Приключением: внутренним. Перед лицом всепожирающей политической и социальной организации единственный шанс для человечества состоит в том, чтобы «интериоризироваться»^{*} и трансформировать мир изнутри. Возможно, в этом и состоит глубинный смысл нашей эпохи...? Показательно, что даже такому человеку, как ты, пришла мысль о «Прибежище в Гималаях».

Но я также думаю, что этот каждодневный мир, сколь бы неутешительным он ни был, является нашей «первичной землёй и первичной глиной», единственной областью приложения наших сил — поэтому я не рассматриваю упомянутое мной «внутреннее Приключение» как повод для лёгкого бегства из мира, как бегство от материальных затруднений. Я не верю в «Царствие небесное» и не считаю, что у нас есть право сбежать от мира, эгоистично совершив своё личное «спасение». Напротив, я убеждён, что именно в мире мы должно совершить завоевание и присоединение, мы должны иметь на него воздействие, определённое излучение.

Но о каком завоевании, каком излучении может идти речь, если мы сами не более, чем спутанный вихрь желаний, мыслей, рефлексов,

* «s'intérioriser» — уйти внутрь, жить внутренней жизнью, внутренним сознанием (прим. пер.)

воли, привычек и проектов? Если мы сами меняемся и находимся под командованием наших настроений, нашей трубки или препятствий? Похоже, нестабильность является нашим клеймом. И постоянство, устойчивость — это то, что мы должны отыскать, наш центр гравитации за пределами любых внешних колебаний, за пределами любых поверхностных водоворотов.

Таким образом, полагаю, что вначале мы должны обрести нашу внутреннюю божественность, наше внутреннее сущностное «Я», прежде чем мы сможем претендовать на то, что мы способны действовать на мир и в мире, способны что-то излучать, как-то влиять; прежде чем мы сможем выполнить действие, которое необходимо выполнить; и неважно, какое это действие, рождено оно случаем, желанием, встречей или мимолётной идеей.

Таким образом, внутренняя логика, как и логика событий, привели меня к мысли о том, что Ашрам является способом добиться этого. Я не считаю Ашрам ни «прибежищем», ни «финалом», но лишь *этапом*, который должен быть отмечен завоеванием своей внутренней правды и своих жизненных сил, вступлением во владение нашей внутренней реальностью, и тогда, только тогда, после, мы можем надеяться возвратиться в мир, чтобы утвердить свою внутреннюю правду и действовать там, где должны, тогда, когда нужно, и так, как требуется... Конечно, риск велик, мы рискуем потерять себя и окаменеть в Боге — если можно так сказать; в некотором роде утонуть в космосе... Но риск стоит того. Рискнуть собой, всем целиком, полностью поставить себя на кон, — есть ли игра, более достойная быть сыгранной, чем эта?

Всё упирается в то, чтобы принять решение и идти до конца. Таким образом, если только не подвернётся внеочередное экстраординарное приключение, я решил 22 сентября сесть на борт «Феликс Руссель», который в первые дни октября доставит меня в Коломбо и затем в Пондичерри. Возможно, прежде чем совершить это великое погружение в неизвестное в стенах Ашрама, я совершу тур в Алмору через Дели. Я так хочу снова увидеться с тобой и поболтать.

.....

Мужайся, старина Бернар. Обнимаю тебя со всей своей дружбой и признательностью.

Б.

Сен-Пьер, 13 августа [1950]
Клари

Дорогая подруга, я ещё дальше от вас; прибыл сегодня утром к себе в Бретань, уже успел поплавать и испытать добрую сильную волну, и уже исчерпал свою радость. Что мне всё это... Здесь я остаюсь таким же, каким и был, нет средства убежать, мы осуждены самими собой и не можем быть ничем, кроме как самими собой.

В поисках чего я вернулся сюда, в эту страну своей юности? Юности, которой у меня никогда не было, в страну лиц, уже запертых в своих маленьких мирках, которые они так упрямо разрабатывают... Я вернулся найти тех, на кого **МОЖНО ПОЛОЖИТЬСЯ**, и обнадёживающее чувство того, что на меня могут положиться те, кто меня любит и у кого составлены обо мне радужные представления, в корне неверные — это смешное упрямство в попытках оживить мертвецов, повторить путь, на котором не найти ничего, кроме собственной тени.

Я уже поворачиваю в Пондичерри и со смешным волнением вспоминаю красный силуэт Z, вызывающий в памяти длинную герань, влажные ночи под шипение сгорающего опиума... Всеми своими силами я пытаюсь ухватиться за что-то, сохранить что-то прочное, но всё летит в тартар, полный разгром.

Вы не представляете, Подруга, что за ужасная пустота, я иду ко дну. Мне не осталось ничего, поскольку я, по всей видимости, хотел видеть своё Счастье вне себя самого, в других существах, в пейзажах, поскольку я не пришёл к тому, чтобы принять своё одиночество, поскольку я боялся своей пустоты. Я жалкая землеройная машина, подделка, фальшивая монета, и я не питаю иллюзий в отношении самого себя.

Впечатление, что всё убегает сквозь пальцы, как песок. Понимаете, я жадно устремляюсь, как изголодавшийся, но встречаю лишь миражи, фальшивое подобие дружбы, любви, юности.

В Париже я также хотел найти M., маленькую буфетчицу — и всё началось заново, без радости, без любви и истины, просто ради того,

чтобы как-то благоустроить эту ужасную пустоту. У меня ощущение, что я сел на мель, что я смотрю в сотый раз ту же сцену пьесы, которую я знаю наизусть; словно в *Huis Clos*^{*}, остаётся только «закончить» словами: «Продолжение следует».

Я как будто бесплотный. И не могу принимать участие в жизни других, в их дружбе, в их любви, их беседах, их интересах и проблемах. И смотрю на всё это снаружи, всегда со стороны и никогда «вместе». Если я говорю, говорит как будто кто-то другой, и я делаю вид, как будто имею какое-то мнение, какую-то идею, я всегда действую *как будто*.

Есть что-то невыносимое в этом прозрачном одиночестве, которое вас не щадит, которое не терпит никаких трюков. Вы понимаете, драма в том, что нет никакого способа схитрить.

И вы, вы, которую я ощущаю как свою плоть; выходит, я снова вас беспокою? Клари, сестра моя, когда уже мы, наконец, будем поглощены Временем, чтобы закончились все разговоры, чтобы больше не о чем было говорить, нечего констатировать?

Последний туз, который я держу у себя в рукаве, словно краплёную карту шулера-неудачника, это моя смерть. Я пока ещё стремлюсь надеяться только на самого себя, именно потому, что ваша уверенность во мне позволяет не угаснуть моему пылу.

Я только что получил ваше письмо, в котором вы делитесь своим Счастьем. Я так рад был узнать, что вы, наконец, счастливы, просто, без историй и лишних слов.

В сущности, Клари, я не способен на радость.

*

* *

18 августа. Клари, всё идёт наперекосяк. Я чувствую себя хуже, чем когда-либо, словно лист, несомый ветром. Я не должен писать вам всё это, но если не с вами, то с кем ещё я мог бы поделиться тем, что со мной происходит? Будто всё во мне рушится ввиду своей неспособности принять жизнь. Понимаете, меня не греет нежность моей матери, а счастливая юность моего брата Франсуа причиняет

* «Взаперти» — пьеса Ж.-П. Сартра в одном действии (прим. пер.)

мне боль, словно это упрёк. Я не в состоянии ОБЩАТЬСЯ. Я заперт в самом себе, связан и не в состоянии полностью открыть все двери, чтобы дышать воздухом просторов.

И потом, я знаю, теперь знаю с уверенностью, что Сен-Пьер, Калькутта, Пондичерри, Бомбей, Карачи или Шанхай не принесут мне ничего, кроме печального образа меня самого.

По несколько раз в день, когда я остаюсь один с моей матерью, я чувствую, что готов оплакивать самого себя, как ребёнка. Я потерян. Я проклят.

И вообще, знаете ли, я плачу как придурок, когда пишу вам эти строки. Механизм больше не работает.

Я мог бы оплакивать Любовь, или крах, или отказ, но я рыдаю в пустоту. И если вы презираете меня за это, мне всё равно, ибо сломаться может где угодно, нет больше ничего твёрдого и незыблемого.

Впрочем, хватит слов.

Но почему, Клари? почему? почему?...

Б.

18 августа 1950

Конец 1950 был для Сатпрема подобен буре. Даже его подруга Клари отвернулась от него. Фактически, никто вокруг него не понимал, в какой глубокой и опустошительной внутренней боли он пребывал после освобождения из лагерей — «человек» умер, из него вырвали всё человеческое, БОЛЬШЕ НЕВОЗМОЖНО было верить в человека после чёрного вагона, увозящего его в Бухенвальд. Нужно было заново родиться в другом способе жизни или умереть на самом деле.

Затем настал тот день 5 декабря 1950, когда Сатпрем узнал об уходе Шри Ауробиндо... Крах. Он потерял свой последний маяк.

И вот в одно утро, пребывая в отчаянии, Сатпрем случайно проходил мимо бюро Морских Перевозок. За витриной была карта полушарий с тонкой красной нитью, пересекающей Атлантику и соединяющей Францию и Гвиану. Он решил: отправляюсь туда — либо туда, либо к дьяволу.

Среди фрагментов рукописей Сатпрема находился этот, который мог быть датирован этим периодом:

Фрагмент

Без даты

Я хочу дойти до крайних пределов самого себя; иметь мужество принять себя до конца.

В сущности, я до сих остаюсь захваченным концлагерями, смертью. Я продолжаю смотреть на мир и на людей тем взглядом, который у меня был в чёрном автозаке, везущем меня во Фресны по улице Суссе, когда я смотрел через щели на ярмарку в Denfert, на других «живых» людей. Я был по другую сторону решётки, словно пойманный в ловушку, как будто у меня уже был взгляд мертвеца... С тех пор во мне остаётся нечто вроде потребности БРОСАТЬ ВЫЗОВ жизни, правилам, порядкам.

Я чувствую, что действительно живу только в этой крайности, на этом гребне, где жизнь утверждает себя над смертью — на краю пропасти, где либо находишь РАВНОВЕСИЕ, либо падаешь.

Четвёртый этап

Гвиана

(1951)

1951

(Сатпрему двадцать семь лет)

Париж, 8 марта 51
Клари

Подруга, вот уже долгие месяцы я живу с болью, которую доставило ваше письмо. Единственный ответ, который я мог бы дать, находится за пределами слов, ибо вы считаете эти слова «пустыми и бессмысленными»; я могу ответить вам только действием — которое вы можете интерпретировать как вам угодно.

Завтра утром я покидаю Францию, отправляясь в Кайенну в Гвиане. У меня всегда была иллюзия, что «лучшее», что я могу сделать для себя — если таковое существует — это оказаться перед стеной. Именно это я и собираюсь сделать. Я отправляюсь туда как за наилучшим, так и за наихудшим, а также за тем, чтобы узнать себе цену. Опыт покажет, что я есть — пузырь, надутый ветрами и словами, или что-то иное. Если смогу, я буду держать вас в курсе результатов.

У меня нет там друзей и знакомых, нет никакого положения, и я прибуду туда с пятью тысячами франков в кармане. Но по всей видимости, в этих девственных лесах скрыты великие богатства. На этот раз я хочу попробовать схватиться с материальными трудностями.

Несмотря на то, что произошло в последние годы и что может произойти, есть некое чувство, которое не переставало расти и обретать всё большую ценность в моих глазах — это дружба. Несмотря на своё молчание, я не переставал думать о вас. За пределами всех суждений, вопреки различиям, смею надеяться, что нечто, существовавшее между нами, незаменимо и не может исчезнуть.

Подруга, обнимаю вас и Макса.

Б.

*с/о Гвианское Бюро Рудников
Кайенна
Французская Гвиана*

Кайенна, 3 апреля 51
Клари

Подруга, пишу эти строки, чтобы сказать вам, что после нескольких томительных дней моё приключение неплохо устраивается.

Я прохожу «испытание» как «помощник-старатель-геолог» «гвианского Бюро Рудников». Завтра уезжаю далеко в глубины девственного леса, где я должен — с молодым квалифицированным геологом — произвести разведку в поисках золота и бокситов. Я совершенно счастлив и полностью доверяю своей путеводной звезде.

Несмотря на все те «слова», в которых вы меня упрекнули, всегда остаюсь тем же — жаждущим Абсолюта, и только смерть может погасить мой пыл. Между тем, именно к жизни я устремляюсь с сердцем, полным своего рода ожесточённой радости. Счастье — быть в одиночестве.

Вы можете написать — если сердце вам подсказывает, — в принципе, сюда раз в месяц с пирогой пересылается корреспонденция.

Ваш

Б.

Кайенна, 3 апреля 51
Бернару д'Онсие

Дорогой дружище Бернар, твоё письмо до востребования дождалось моего прибытия. Ты не представляешь, как твоя дружба, твоя привязанность помогают мне здесь, посреди своего рода отречения, в котором я пребываю. Более, чем когда-либо, я ощущаю в

тебе эту глубинную ключевую вещь в отношении меня, и часто представляю в воображении тот день, когда мы встретимся вновь, дабы вместе пережить одно и то же приключение.

Моя нынешняя авантюра на правильном пути, после нескольких дней, довольно страшных, как ты можешь себе представить. Я прохожу «испытание», как помощник-старатель «Гвианского Бюро Рудников», и послезавтра уезжаю в девственный лес, в самые глубины, где я должен присоединиться (в лодке-пироге) к молодому геологу. Мы должны произвести разведку месторождений золота и бокситов. Очевидно, это будет жизнь довольно суровая на предмет климата и присутствия всяких вредоносных тварей, но я в восхищении; жизнь моя на некоторое время будет обеспечена, и я собираюсь найти там возможность изучать технику, что может помочь в реализации будущих начинаний, и исследовать интересные уголки страны. Этот девственный лес совершенно не освоен и очень богат; необходимо иметь большой капитал, чтобы извлекать прибыль из всех рудных жил — я не могу удержаться от того, чтобы не помечтать, представляя, что однажды, вооружённые знаниями, приобретёнными здесь, мы вместе могли бы организовать частную экспедицию — если до этого меня не съедят маленькие кайманы! но я упрям, энергичен и полностью доверяюсь своей счастливой звезде.

Не хочу расписывать подробно свои первые дни, когда я в одиночестве, обалдевший, носился кругами в этом маленьком убогом городишке — деревянные дома и крыши из гофрированного железа — ночуя в общежитии госпиталя (наиболее экономичный вариант). Наконец, всё уладилось.

Хотелось бы иметь лучший настрой; к счастью, я убеждаю себя, что твоя очаровательная девушка должна помочь тебе проявить стойкость. Нужно, чтобы ты держал удар, дорогой мой старина, несмотря на все эти годы и суровые испытания, нужно, чтобы ты доверял; нужно, чтобы мы встретились. Вот.

Обнимаю.

Б.

«В-глубинах-леса», май 51

Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, письмо отыскало меня посреди леса («в-глубинах-леса» как говорят местные), чтобы принести мне это свидетельство нашей дружбы; дружбы, которая, кажется, со временем только крепнет — ты обретаешь всё большую ценность для моей жизни, всё более близок ко мне, к моему сердцу и духу, как одно из редких дорогих существ, дающих смысл и размах той жизни, которая иначе была бы полна одиночества и абсурда. Подобно тебе я пресыщен своими современниками, но в то время, как моя жизнь освобождается от всех этих бесполезных «отношений», она всё крепче связывается с наиболее важными для неё, сущностными людьми. Но ты это знаешь, и я хотел бы только выразить тебе радость, которую доставило твоё письмо, и нежную привязанность, о которой оно свидетельствует.

Впрочем, я убеждён, что мы встретимся и вместе реализуем большое путешествие. Сейчас у меня впечатление, что пришло время испытания и подготовки к тому дню, когда мы вместе возобновим путь. Я верю в тебя, Бернар, и так счастлив видеть воодушевление твоего боевого духа, несмотря на трудности, которые на тебя навалились, и даже благодаря им. А эта поездка в Непал?... Мы должны ухватиться не за Индию, а за этот наш статус «сопротивления» вопреки всему и несмотря ни на что — хочу видеть тебя готовым начать всё «с нуля». Так что, в самом деле, если до следующего декабря у тебя не уладится большое дело в Индии, готов ли ты присоединиться ко мне? За шесть месяцев я успею подготовить всё необходимое для «нашего» приключения, ибо есть некоторое количество дел, которые я здесь должен сделать; сейчас объясню, какие.

Думал написать об этом раньше, но я веду физически изнурительную жизнь с шести утра до шести вечера, чтобы после этого без сил рухнуть в гамак. Здесь абсолютно девственный лес, а Кайенна в нескольких днях пути на пироге и пешком. Уже скоро два месяца, как я полностью отделён от цивилизованного мира с молодым довольно симпатичным геологом и кучкой негритянских и антильских рабочих. Работа довольно увлекательна и состоит в том, чтобы составлять карту нашего девственного участка леса в масштабе

1/10000 и систематически разведывать все уголки, где могут быть залежи золота или бокситов. Теперь я «посвящён» в тонкости профессии и каждое утро на рассвете уезжаю с пятью местными, компасом, геологическим молотком, чтобы рассматривать потроха камней, и «тесаком», чтобы прокладывать себе путь в лесу. Каждый день я отрабатываю свой «кусочек девственного леса» то есть прокладываю несколько сотен метров пути, на котором отмечаю топографию (направление, высота, неровности почвы, линии равных высот и т. д.)... Когда местность кажется благоприятной, я делаю «дыру» или зондирование для определения возможности залежей бокситов, или делаю «намывку» на берегу реки для определения содержания золота в наносах. Вечером по возвращении снимаю карту изученного сектора. Результаты и образцы посылаются в Кайенну в «Бюро Рудников», где решается, стоит ли труда этот сектор или нет. Мы живём в хижине из веток, называемой *carbet*, и когда сектор закончен, всем лагерем переезжаем дальше. Я затруднился бы описать тебе ту примитивную жизнь, которую я здесь веду, жизнь «лесного человека», орангутанга в одежде, быстро превращающейся в лохмотья, с мохнатой бородой, ибо мы не тратим время на бритвё и слишком длинные волосы (забавно в этой истории то, что рабочие называют меня «Месье Ангел^{*}», ибо затрудняются выговорить мою фамилию, но уверяю тебя, что выгляжу я совсем не ангельски!) Несмотря на это, мы остаёмся чистыми — милостью экваториальных дождей, льющих здесь ежедневно девять месяцев в году... Это суровая жизнь: мир, где ты постоянно окружён лесом; слепой мир, потому что солнце не проникает сквозь бурную растительность, и ничего не видно на расстоянии двадцати метров; пористый мир ужасающей плотности, где живёшь промокшим до нитки почти десять часов в день; мир, сопротивляющийся со всех сторон своими лианами, гигантскими деревьями, удушающими зарослями, своими болотами, в которых барахтаешься в грязи по пояс, своими обрывистыми утёсами из латерита или кварца, многочисленными глубокими потоками; ядовитый мир настойчивых москитов, насекомых и красных муравьёв, переполняющих растительную гниль, и в особенности изобилие змей, копошащихся почти всюду — это единственная

* «Monsieur Ange» — Месье Анж (прим. пер.)

настоящая опасность, совсем не надуманная, ибо мы «встречаем» их каждый день: встречаем в прямом смысле слова, когда собираемся поставить ногу или взяться за что-то рукой — коралловые аспиды, змеи-лианы, гремучие змеи, неподвижные и похожие на валежник, на лианы, на цветы. Но у всего этого есть и прекрасная сторона, и я хотел бы попытаться выразить все эти радости, переживаемые мной каждый день и делающие мою жизнь увлекательной; радости, несущие тайный смысл и право на существование даже для таких вещей, как ежедневные трудности; радость преодоления своей усталости и своих «испугов»; радость, когда находишь проходимые пути для трассы, разлом в скале, исток реки, брод через болото; а также радость видеть, как этот глухой лес понемногу вырисовывается и оформляется на незаполненной карте — и удовольствие от хорошей тафии* после изнурительного дня, а ещё эта радость, когда шахты зондирования подтверждают ваши предположения, и обнаруживается рудная жила бокситов или кварца. Этот мир со всех сторон оказывает давление, насилие, разоблачающее вас перед самим собой. Приходится забывать о себе, проецируя себя наружу для преодоления трудностей, и вам кажется, что вы теряете себя, чтобы отыскать снова, но уже более сущностно, истинно — как будто такое истощение физических сил освобождает глубинный источник в существе, развуживает вашу глубинную силу под всеми поверхностными волнениями. Все вынуждает вас расти в направлении лучшего, что есть в вас. (Помнишь эту мысль Сент-Экзюпери: «Ты развиваешься только противостоя тому, что тебе сопротивляется».) Воистину, я счастлив. Если бы ты оказался здесь, это было бы превосходно.

Да, нужно, чтобы ты приехал: есть также неплохая возможность заработать, такие вот дела. Нет оснований сравнивать Гвиану с «Эльдорадо», где золото гребут лопатой, но мы можем собрать достаточно, если хорошо возьмёмся за дело: есть два решения, либо крупное предприятие с очень значительными капиталами, концессией и разрешением на добычу, огромное количество материала для добычи золота из глубин (шахты), достаточно персонала и т. д. Это первое решение не подходит, потому что опыт показал, что все

* Спиртной напиток наподобие рома из тростникового сахара (прим. пер.)

крупные предприятия — их были десятки — потерпели более-менее скорое фиаско: административные трудности в получении концессии, которая никогда не содержит золота в годном для эксплуатации количестве, таможенные трудности с многочисленными правами на материалы, привезённые из Европы или Америки (измельчители, буровые вышки, насосы и т. д.: слишком дорого), трудности с поиском местных рабочих (они немногочисленны, ленивы, требовательны и некомпетентны), сложности с транспортировкой тяжёлого оборудования, ибо нет никаких коммуникаций, кроме рек, изобилующих непроходимыми водопадами, трудности снабжения для многочисленного персонала: за доставку в джунгли взимается надбавка около ста процентов от стоимости всех продуктов. Хитрые крупные торговцы Кайенны установили достаточно далеко в лесу несколько «магазинов», но они продают только за золото и имеют огромные прибыли (именно они, кстати, выкачивают всё золото, жестоко обворовывая бедных парней, отправившихся на поиски золота). Наконец, все риски долгого и дорогостоящего изучения рынка сбыта перед тем, как найдёшь перспективный сектор (все известные перспективные и наиболее доступные сектора уже прибраны крупными коммерсантами, сдающими свои территории «золотодобытчикам» или местным золотоискателям, работающим на промывке очень примитивными средствами и расходующим всё своё золото на покупку провизии). Наконец, если предположить, что мы найдём доступные и годные для эксплуатации идеальные концессии, начнутся политические затруднения (крупные коммерсанты являются также «генеральными советниками»), а демагогическая французская политика такова, что всегда соглашается в гвианцами против французов. Короче, концессионные коммерсанты и избиратели сделают так, что твою концессию и твоё удостоверение на добычу заберут, либо они устроят тебе наихудшие неприятности. Извини за все эти детали, но ты должен иметь чёткую и ясную картину ситуации, если хочешь чего-то добиться здесь. Тем не менее шанс крупной добычи остаётся, если имеется крупный капитал (есть огромные ещё не изученные сектора — но они очень далеко...) Остаётся другое решение, неплохое: поступать как местные «золотодобытчики», но более совершенными средствами. Не нужно пытаться искать глубокую основную золотую «жилу», требующую

крупных затрат, а просто мыть поверхностные аллювиальные наносы, которые весьма часто бывают богаты золотом. Излишне говорить, что лес уже эксплуатируется золотодобытчиками, и не остаётся ничего другого, как прочёсывать доступные места. Но тут мы имеем шанс; дело в том, что для работы над аллювиями их нужно вымыть с помощью воды; таким образом, старатели никогда не используют «отложения», находящиеся далеко от водных потоков. Было бы достаточно купить пару насосов и отправиться мыть один или два таких «отложения», чтобы очень быстро набрать от 50 до 100 кг золота — именно на такой максимум можно надеяться (не так уж плохо?) В Гвиане золото находится в свободной продаже. Вот как можно поступить на практике: важнейшее условие — быть очень сдержанным, прибыть в Кайенну неприметно, и главное — не говорить о крупной золотодобыче (Кайенна это маленькая деревня, где всё становится известным), представить себя как одинокого золотоискателя без средств, который пытается заработать немного денег, отыскать коммерсанта, который позволил бы вам помыть немного золота на его концессии (это довольно легко при небольшом навыке), отправиться с группой местных и двумя насосами и добросовестно намывать одно или два отложения вдалеке от водных путей: за несколько месяцев это можно сделать. Как только дело будет сделано, не нужно этим хвастаться и рекламировать, ибо коммерсант, сдавший вам свою территорию, тут же начнёт создавать вам трудности. Вот что предстоит совершить. Дело не крупного масштаба, но стоящее. Очевидно, главное состоит в том, чтобы знать места, где находятся эти редкие отложения (обычно слишком маленькие, чтобы использоваться в промышленном масштабе крупными компаниями — но достаточно большие для нас!) В «моём» секторе очень мало золота, годного для добычи, тут главным образом значительные месторождения бокситов, но не исключено, что найдётся какое-нибудь «отложение» (тут уже всё зависит от меня). Преимущество второго решения в том, что оно требует очень мало вложений, никаких административных действий и влечёт за собой весьма небольшие практические трудности. Наконец, в скором времени я обрету довольно большой опыт практической работы на земле, который будет очень полезен, если мы что-то предпримем. Полагаю, что здесь нас ждёт интересное приключение без больших

затрат и с минимумом риска. Всё упирается в то, чтобы иметь мужество провести несколько месяцев в этих джунглях. В любом случае, мы не можем вернуться с пустыми руками. Вот.

Мне бы так хотелось увидиться с тобой. У меня впечатление, что Индия больше не может ничего тебе дать и что здесь у тебя есть шанс довольно быстро озолотиться, чтобы сделать что-то более важное, используя собранные средства (к примеру, другая денежная авантюра или свадебное путешествие с твоей очаровательной подругой, с которой я хотел бы познакомиться — с самыми чистыми намерениями!) Наконец, я не могу избавиться от опасений за тебя — неизбежное уменьшение сил сопротивления, вызванного наркотиком, лёгкая вялость, которую он может вызвать. Уверяю тебя, что пишу всё это не из эгоистического желания поскорее тебя увидеть, но из-за известного тебе тревожного беспокойства за тебя же. Пиши почаще, Бернар, мне нужно чувствовать тебя рядом. Не волнуйся по поводу моего слишком долгого молчания: это не по небрежности, а из-за физической усталости.

Обнимаю тебя, старина, и остаюсь твоим наилучшим другом в любых обстоятельствах.

Б.

В-глубинах-леса, июль 51
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, вот уже долгое время я оставляю тебя без новостей, но это совсем не то, что называют бессердечием. Мир, где ты живёшь, да и ты сам — всё кажется мне таким далёким, таким далёким, что порой мерещится, будто я уже никогда не смогу пересечь эту толщу окружающего меня леса, разбить тесный круг этого маленького ночного светильника, чтобы добраться к тебе сквозь ночь; таким далёким, что, кажется, никого никогда нигде не встретить, и что остаются только стрекочущие в ночи насекомые; этот нескончаемый острый трепет, эта вибрация... Да, мне кажется, я принадлежу другому миру, и порой я ощущаю себя пойманным своего рода беспомощностью в общении с «внешним», даже с тобой,

как будто слова, которые я использую, имеют совсем другой смысл там, «у вас»; впрочем, теперь я совсем не уверен, что те слова имели смысл; но я не знаю больше ничего, кроме ощущений, крайне примитивных: усталость, опасность, сон или голод и это мелкое навязчивое одиночество — а потом всё немеет в хороводе маршей по лесным тропам, сна, а потом снова маршей — всё, кажется, застывает в молчании, и даже стрекотание насекомых как будто стирается, и порой задаёшься вопросом, если всё это не сон, то в какой момент ты потерял осознание себя; «Кайф в лесу³⁸». Понимаешь, здесь нет больше никого, кто мог бы дать тебе доказательство твоей реальности — есть только ты и лес, лес и ты; и сражаешься с тропами, реками, болотами также, как вы там занимаетесь любовью, как вы курите опиум или беседуете с друзьями — чтобы стереть этот едкий вкус одиночества, эту блокаду себя самим собой; для того, чтобы жизнь продолжалась несмотря ни на что. Вуаля. Так что если я подолгу не пишу тебе, то дело в том, что я погружён в сон или остался грезить в своём гамаке, заново переживая некоторые из тех наших далёких вечеров, когда я был другим Бернаром, очень давно.

Но всё же я счастлив пережить этот опыт, это доказательство силы, которое я предъявляю самому себе. И если некоторые из этих ночей — как эта — порой кажутся абсурдными, знаешь, что за ними придут другие дни, полные тысяч трудностей, создаваемых лесом, которые нужно преодолеть, чтобы продолжать, и которые не позволяют вам думать. Я черпаю в этом некую жестокую радость, как это было на море, когда я боролся к бурей, как это было в концлагерях — словно это господство, эта власть над врагом, над стихиями в то же самое время освобождало бы вас от другого, внутреннего, врага. Приходится разбить кварц, чтобы найти там золотой самородок, и возможно, подобным же образом, есть что-то в нас, что требует быть разбитым для того, чтобы найти, наконец, немного гармонии и полноты, чтобы примириться с самим собой, не так ли?

Вот уже четыре месяца я в этих джунглях, и чувствую, что в состоянии продержаться ещё долгое время — когда у меня будет немного денег, я попытаю свой шанс, отправившись дальше вглубь леса в поисках золота. Полагаю, что с опытом, приобретаемым

38 «Kief» (Kièffe) - состояние транса опиомана.

каждый день, я преуспею там, где другие потерпели неудачу. Это золото позволит мне купить небольшой парусник и, кто знает, возможно, нанести тебе визит в Индию? Ты — единственный, кого бы я хотел видеть; мир был бы пуст, если бы тебя не было в нём.

Я представляю твой отпуск в Кашмире с Маник. Присланная тобой фотография позволила мне помечтать... Я рад видеть тебя влюблённым — безусловно, это даст тебе сил добиться успеха, теперь у тебя есть наилучшие причины выиграть эту партию — для неё. Ведь настолько абсурдно жить только для себя... Эта любовь — уже успех сам по себе.

Пиши мне почаще, насколько это возможно; твоя дружба помогает мне думать, что есть смысл когда-нибудь выбраться из этих зарослей — ибо временами я спрашиваю себя, смогу ли я найти кого-нибудь за пределами этого леса, а идея возвратиться в Европу кажется мне такой же абсурдной, как «спуститься» в Кайенну и найти одиночество в маленьком номере гостиницы.

Обнимаю тебя, навсегда твой верный друг

Б.

«В-глубинах-леса», июнь-август 1951

Клари

Подруга, ваше первое письмо нашло меня в глубине девственного леса, где я живу вот уже три месяца в полной изоляции жизнью суровой и счастливой. Это такое облегчение — вновь встретиться с вами, ибо я уже думал, что потерял вас, и был глубоко ранен возникшим между нами непониманием. Кажется, накопилась целая куча вещей, о которых надо рассказать вам, и я должен оправдаться перед вами за все свои колебания, попытаться рассказать вам о глубокой неразрывности моей жизни, несмотря на внешние обстоятельства, несмотря на то, что вы называете «колебаниями»; а также попытаться объяснить, что проблемы, обсуждаемые нами уже более пяти лет, были не только интеллектуальными проблемами, не только «словами» — это был, скорее, мучительный поиск; поиск, который я пережил всеми обнажёнными фибрами своего существа,

ибо я не приемлю компромисса между своим образом мыслей и своим способом жизни. И я продолжаю верить, что существуют решения вне компромиссов, крайности, что-то вроде «превышения самого себя». Это так просто и удобно — говорить, как это делает большая часть «зрелых людей» с лёгкой снисходительной и оправдательной улыбкой, про «кризис юности» и «переходный возраст», словно говорят про кризис печени. Я, напротив, полагаю, что тревога, бунты и эксцессы этого возраста служат живым источником, откуда вся наша жизнь человека должна черпать поддержку и стремление отыскать её глубинный смысл... Полагаю, что я навсегда останусь вечным «подростком», потому что я не могу жить без моего пыла и моей жажды и я никогда не прекращу экспериментировать. На перроне вокзала Сен-Лазар мой молодой брат, провожавший меня на поезд «Transat» перед отъездом в Кайенну, сказал мне: «Ты как студент колледжа, который только что перемахнул через стену». Конечно, это внезапное отправление в Гвиану «без толку, без причины» может выглядеть как бегство школьника, но Гвиана — лишь повод для приключения более глубинного, внутреннего; и стена, которую я пытаюсь перепрыгнуть — моя собственная внутренняя стена.

Но нужно также рассказать вам, в каких декорациях происходит это внутреннее приключение. Первые дни в Кайенне с моими пятью тысячами франков в кармане были не слишком весёлыми, один в этой больнице, где я жил потому, что был чересчур беден для комнаты в отеле. Как рассказать об этих бессонных ночах в общежитии, полном сверчков и жаб, посреди белых неподвижных москитных сеток, как в морге. Но в самой гуще этой нищеты, посреди одиночества, пустоты, где все вещи, и даже ты сам, теряют всякое значение, потому что они больше ни с чем не связаны, ни к чему не присоединены, здесь я нашёл великую радость и почерпнул великую силу. В такие моменты тотального отказа, абсолютного одиночества оказываешься приговорённым к самому себе, вынужденным отыскать свои собственные ресурсы, свою причину для борьбы, свою причину просто *быть*. Ты вынужден, иначе всё проваливается в абсурд, и оказываешься беспомощным, как корабль в дрейфе. Надо бы вам также рассказать о моих долгих скитаниях в одиночестве среди маленьких грязных улочек Кайенны с её деревянными домами,

крышами из рифлёной жести, об этом свинцовом небе, где неутомимо кружат грифы-урубубу, и всё вам чуждо, инородно, и некуда податься; здесь нет никого, кто бы вас оправдал или простил, никого, кто ждал бы вас и открыл перед вами дверь. И тогда замечаешь ключевые вещи, на которых ДЕРЖИТСЯ ваша жизнь — как в той камере в Бордо или в лагере — замечаешь, что ты жил через других и другими, а это полностью одинокое «Я» существует за пределами пустоты; это чистое зеркало, которое больше ничего не отражает; и, под страхом вероятности провалиться в самого себя как в абсурдный сон, ты должен погрузиться в самое сердце своего существа, чтобы найти, наконец, территорию нашей чистой Реальности; этой неизменной Реальности, которая больше не зависит ни от других существ, ни от обстоятельств, ни от декораций и окружения — и тогда мы постигаем, что жили на уровне кожи, пассивно, подобно тому зеркалу, которое считалось великой индивидуальностью лишь потому, что оно отражало весь подвижный мир танцоров; и наконец мы обнаруживаем, что это ментальное сознание — лишь ничтожно малая часть нас самих, тонкая плёнка; и что наши владения бесконечно более велики, более обширны, чем сознательное и бессознательное, и что нам остаётся только открыть этот глубочайший источник, который Шри Ауробиндо называет «Сверхсознанием». В нищете Кайенны я познал на опыте — как и во время войны — истощение этого «сознания», лишённого отношений и внешних связей; я ощутил его как механизм, продолжающий крутиться сам в себе по привычке со своими стереотипными образами, своими автоматическими концепциями. Но в то же самое время, когда сознание опустошалось от своего содержимого, я получил опыт иной силы, сродни интуиции; силы, которая была несомненной и капитальной сама по себе и которая поддерживает всю остальную нашу активность и направляет её — как если бы речь шла о ясновидении самого себя самим собой. Тогда жизнь распахивается, и мы проникаем в сердце вещей и существ; и кажется, что всё становится Радостью бытия. Выглядит так, будто выходишь из многолетнего заточения в тёмной камере на яркое дневное солнце.

Короче, побродив по Кайенне, я в конечном итоге нанялся «изыскателем» в «Гвианское Бюро Рудников» и теперь вот нахожусь в абсолютно девственных джунглях во многих днях пешего и водного

пути от Кайенны. Я живу здесь с молодым геологом и группой рабочих — негров и метисов. Начинаю знакомиться с работой изыскателя и встаю на рассвете. Работа состоит в...

*

* *

Август

Продолжаю письмо, прерванное почти на три месяца. Подруга, трудно было сломать это долгое молчание, и мне хотелось бы просто обнять вас, ничего не добавляя. Чем дальше я иду, тем больше мне кажется, что контакты сердечные бесконечно более важны, чем так называемые «интеллектуальные». Всё же я посылаю для вас этот длинный отрывок в начале письма: он *также* и для меня! Но я хотел бы знать, с вами ли ещё ваша улыбка, ваш зелёный свитер и ваша белая прядь, остаюсь ли я ещё вашим «невозможным-другом»... Не знаю, почему, но нередко моё сердце посещают воспоминания о Кунуре³⁹ и приносят некоторую радость в моё одиночество. Но времена «чёрного Ангела» далеко позади, опиум покинул меня, как старая кожа, хотя я всегда нуждаюсь в том или ином наркотике, и на данный момент это лес, окружающий меня со всех сторон, захватывающий и пропитывающий меня. После того, как я бился несколько месяцев, нанося пунктиры на карту, метр за метром продвигаясь в этом лесу, сопротивляющемся со всех сторон, ядовитом, неистовом, я обязан теперь разведать весь район в поисках месторождений бокситов и одновременно снять карту своего уголка леса в масштабе 1/10000. В конце концов, становишься «профессионалом» (!!). Всякий раз я заново испытываю радость, когда обнаруживаю верный исток тысяч мелких ручейков и потоков, блуждающих по лесу, нахожу водораздел или контуры обрывов и болот; радостно видеть, как мало-помалу, кусок за куском, этот глухой лес проясняется на карте, обретает лицо, форму, рельеф. И потом, весьма приятно осознавать, что такая маленькая линия, проведённая тушью, означает часы и часы барахтанья в болотах посреди москитов,

39 Местность в горах Южной Индии.

лиан и ползучей нечисти с целью найти, наконец, перевал и исток реки... Меня понемногу начинает захватывать волшебство этого изобильного насилия, щедро произрастающего повсюду, со всех сторон. Я хотел бы рассказать вам об этих гигантских деревьях и об этой защищающейся земле, которая показывает вам вашу истинную цену, которая вынуждает вас превзойти самого себя, ибо в каждый момент приходится бороться всем своим телом, всеми своими силами, если не хочешь «загнуться». Часто бывает, что я оставляю позади своего «рубак», который обычно сопровождает меня, прорубая путь, чтобы подняться по течению одной из рек. И тогда внезапно приходит ощущение абсолютного одиночества, кажешься отрезанным от всего, всё вокруг застывает в молчании и со временем словно стирается в пронзительном стрекотании насекомых. Всё застывает в волшебной неподвижности — молчание, хватающее за сердце, словно оцепенение, из которого трудно выйти, — кажется, всё замирает, останавливается здесь, в сердце мира; вы захвачены.

Это жизнь на износ, и я, без сомнений, написал бы вам раньше, если бы каждый раз, возвращаясь в своё временное пристанище, не позволял себе тут же проваливаться в сон. Уже скоро пять месяцев, как я безвылазно в лесу, и я хочу держаться до тех пор, пока не истощится эта лихорадка сердца и души, овладевшая мной. Я словно ищу спасения в этом физическом усилии. Иногда мне кажется, что это всегда одна и та же вещь, которую я преследую сквозь лагерь, или Ашрам, или наркотики, или Гвиану; что всё это символы внутренней жажды, отыскивающей подлинный источник, где находишь умиротворение.

Круг света моей походной лампы столь узок, и мне кажется, вы так далеки — где-то по ту сторону этой ночи, этой пучины леса. Моя жизнь утвердилась только в одном направлении — это одиночество, и временами такое одиночество... но я неистово пытаюсь отыскать в нём живые истоки бытия. Я хочу коснуться пылающего сердца вещей — а в этом лесу обитают пылающие безмолвия, жгучие неподвижности. Когда я исчерпаю этот опыт, я отправлюсь изнурять себя в края иные — к морю. Я пока ещё не отказался от попыток писать (!!), но жду того момента, когда рухнут мои последние укрепления — ибо требуется много времени на то, чтобы износить, истрепать себя, освободить от всех масок.

Подруга, вы всё ещё моя подруга? всё та же? нетерпеливая, критичная и снисходительная? Вы счастливы? Это тяжкое, обескураживающее долгое молчание между нами, но я так хотел бы знать о вас всё. Я в очередной раз надеюсь на вашу снисходительность. Вместо этого длинного письма я предпочёл бы вновь увидеться с вами без всяких слов, а просто в молчании выкурить с вами сигарету.

Дружеский привет Максу. Обнимаю вас.

Б.

В-глубинах-леса, август 1951
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, я надеюсь, что по возвращении из Кашмира ты всё же получил моё письмо за прошлый месяц. У меня здесь твоё письмо от 16 июля, и я в восторге от твоего успеха с SNCaso против Ofema⁴⁰. Теперь это вопрос нескольких месяцев до окончательного вызволения, не так ли? А эта мистическая сделка, которая должна принести тебе 10 лакхов⁴¹ наличными?! — Твоё письмо слегка ошеломило меня — и этот круиз на яхте со всеми удобствами и дворец-казино в Шринагаре... Но я столь тронут тем, что ты помнишь меня — здесь чувствуешь себя, скорее, покинутым. (...) Относительно яхты — это будет очень легко устроить, и если ты сможешь купить одну, я возьму на себя работу по поиску и снаряжению её для долгого путешествия. У меня достаточно знакомств в кругу моряков. Но ты говоришь, окончательные результаты будут в конце июля? Я с нетерпением жду вестей. Тебе ведь придётся, образно говоря, проходить через священный контрастный душ? Конечно же, если всё пройдёт успешно, телеграфируй мне в Бюро Рудников. Через месяц или два я буду иметь достаточно, чтобы оплатить обратный билет на самолёт, если потребуются. А если у тебя всё сорвётся, то несмотря на трудное приключение, которое тебя здесь ждёт, я буду рад снова тебя увидеть

40 Авиаационные компании.

41 1 лакх = 100.000

(возможно, есть что-то лучше, чем мыть гвианские пески: представь себе, существуют взаимные договоренности между Гвианой и Бразилией, где можно найти почитателей — весьма активных — столицы Украины⁴²).

Старина, мои мысли обращаются к тебе чаще, чем этого хотелось бы. Здесь ужасно одиноко. Наконец, наступил сухой сезон — четыре месяца без дождей — уф — но приходится работать среди тучи комаров. Настрой хороший, с лёгкими депрессиями время от времени, силы пока есть или почти есть, и когда ты пишешь, что ежедневно думаешь обо мне, я ощущаю тепло в сердце.

Обнимаю тебя.

Б.

P.S. И Маник. Пиши о ней, я хотел бы знать, ведь она уже имеет в моём сердце свой уголок рядом с тобой.

С любовью.

В-глубинах-леса
Сентябрь-октябрь 1951
Клари

Подруга, только что на лодке мне привезли ваше письмо, которое меня потрясло. Я настолько забыл — скорее, пока ещё не заметил — что нас может «быть двое», как вы пишете в своём письме. Уже многие месяцы я не чувствовал такой теплоты где-то рядом с сердцем. Ваше присутствие ощутимо; что вы рядом, что вы согласны со мной — это так мне помогает. Это именно тот *жизненный знак*, в котором я так нуждался. Всё настолько безмолвно вокруг меня.

Я пишу эти строки при свете маленькой походной лампы в густой, плотной ночи, вибрирующей, почти ощутимой — одновременно безмолвной и шелестящей, и ваше письмо наполняет моё сердце. Я даже не знаю, что хотел бы написать вам — и пишу эти строки так, словно склонился к вам, чтобы обнять. Знаете, как после

42 Киев.

долгого путешествия: вы пришли встретить меня на вокзале в Карачи, рядом ваша немецкая овчарка, свернувшаяся на перроне, я выхожу после двух суток грохочущего поезда Лахор-Дели и жары пустыни Тар — сейчас я испытываю такое же головокружение, которое ощутил на перроне Карачи: невозможно что-то произнести, ослепительная «белизна», как бывает в кинотеатре при внезапном обрыве плёнки. Здравствуйте, Клари! Итак, вы пришли вытащить меня за ноги из этой глубокой ночи... Я добавил две страницы, чтобы прийти в себя; теперь это так — «я ваш».

И я могу рассказать вам прямо сейчас сумасшедшие вещи. Клари, я сейчас человек более напряжённый, чем был ранее; натянутый, как готовые лопнуть ванты моего парусника, когда их раздувает «большой ветер». Я не знаю, счастлив ли я, не знаю, в лучшей ли для самого себя ситуации нахожусь или в худшей. Я больше не знаю, что «я» хочу сказать; я в пропасти самого себя, в захватывающей интенсивности. Если угодно, это опиумный приход навыворот, как после долгого воздержания; я ощущаю себя на взводе, полностью бодрствующим, и пока ещё не знаю, «для смеха» ли это или «для правды» — или я играю в то, чтобы себя напугать, или... неважно. Клари, жизнь моя становится всё более и более захватывающей. Для чего? мне это неважно. Она есть — и она шевелится во мне, как ребёнок в животе матери...

*

* *

[30] октября [1951]

Подруга, высылаю вам, тем не менее, это начало письма, написанное месяц или более назад, оно осталось неотправленным — несомненно, потому, что я был полностью поглощён жизнью и этими джунглями, которые исходил во всех направлениях, и картой, которую приходится заполнять, и контурами, которые нужно делать, и разведкой, которая без конца расширяет радиус поиска. И вот октябрь: семь месяцев всеобъемлющего опыта, утомительного, изнашивающего — так сказать, позволившего мне содрать все старые слои краски и износившиеся символы — семь месяцев, которые помогли мне достичь этой «Коренной породы», о которой говорят

геологи, центральной скалы в основании, где я остаюсь хозяином своих владений, с головы до пят. Сегодня вечером мне исполняется двадцать восемь лет, и я достиг, наконец, самого себя и избавился от бунтов — это то, что вам нужно знать. Я вспоминаю то, что вы так настойчиво говорили мне раньше: «Бернар, вы должны прийти к ясности». Теперь всё ясно и готово к путешествию в открытое море — к владыке этого одиночества, — где я узнаю себя, притянутый этим... неважно чем, которое меня сжимает и потихоньку втискивает в меня свои цели — но это полная чаша переживаний ритма, и силы, и радости, показанная мне. Если христиане пытаются избавиться от самих себя, словно от чумы, то я ныне отдаюсь себе, словно чему-то единственно верному, без сожалений, без оговорок, и в этом начинаю черпать свою высочайшую радость. Я провёл пять болезненных лет во власти своих «разногласий», колеблясь между «другими» и самим собой, обвиняя других в своём бессилии стать ими, страдая от того, что я не «в деле», не «модный», бунтуя против себя и других. Мне понадобилось пять лет на преодоление этого рва, этой пропасти. Теперь я решительно стал «другим», и этот другой есть я сам. Мне кажется, в течение многих лет я действительно спорил с собой, пытался «приструнить» себя, заставить согласиться. Я пытался втиснуться в их понимание, их порядок; теперь я пребываю в своём понимании и вручаю им в руки свои костюмы, свои галстуки и весь невообразимый репертуар, который я придумал, чтобы «соответствовать». Я перестал искать себе оправдания и извинения и больше не нуждаюсь в опиуме, чтобы прощать себя за то, что я живу. В сущности, хотя я глубоко пережил то, что было в концлагерях, но у меня не было силы выдержать послание СВОБОДЫ, которое они мне несли. Однако, они хорошо расчистили путь, полностью опустошив всё во мне и вокруг меня — я долгое время восстанавливался, заново обретал свои собственные силы и свой ритм в этом мире, без ориентиров, без словарей, в мире, где я был один среди мёртвых. (Такое впечатление, будто пишу Литургию к Адольфу Гитлеру). Сегодня вечером я в мажоре.

В данный момент я лежу на срубленном стволе дерева рядом со своей хижинкой из веток и сквозь древесные кроны смотрю долгим взглядом в небо, дрейфующее на Запад — и мне кажется, мир вздыбливается против течения, неизменно на Восток, с одиночкой на

мёртвом древесном стволе, как в первые века навигаторов к их Земле Неизведанной. И мир струится, проплывает мимо моего судна, а я один, недвижимый, словно мертвец, словно почка на дереве. Все швартовы отданы и последние одежды брошены на берегу. Я стал утёсом в сердце каменного мира, и нечто трепещет внутри этого камня, в первородном сердце этого мирового дрейфа, как если бы я натянул на себя простыню из камня и молчания, покинув возвышенные нагорные земли Запада, погружаясь телом и членами в Ночь среди лунных скал; только одно — пульсировать в этой Ночи, и тогда всё ясно, невозмутимо в моём могущественном ночном королевстве, в сердце моей судьбы, самой судьбы. Затем звезда зажглась в небе, подхватив мой корабль, и мы долго смотрели друг на друга, как равный на равного, словно два элемента на заре миров. И нечто во мне, связанное с МОЕЙ жизнью, как ствол дерева с затылком и талией — нечто во мне сказало ДА, словно в некоем таинстве, как будто я объединился с самим собой, тотально, и в плохом, и в хорошем, выя и чресла, объединённые с этим кораблём, я сам, мой единственный якорь спасения. Затем лягушки и насекомые затянули свою песнь в Ночи.

Так что в моём лесу я действительно нашёл то, что приехал искать. Гвиана exit*. Я покидаю лагерь и отправляюсь болтаться в другие места. Эта жизнь лесного человека ничего мне больше не принесёт, и, как вы метко выразились, я всё равно не смог бы подняться «выше потолка» — как и вас, меня ужасает любой потолок, сверху или снизу. Мне кажется, я всегда в самом начале себя, одновременно и Прошлого, и Будущего. И больше не знаю, как совместить безусловное Настоящее. Я больше не задаюсь вопросом «что мы ищем?», и мне смешны цели, которых нужно достигать — мои границы пока ещё позади меня, и единственный вопрос, который заставляет меня двигаться, это — «что мы можем», он толкает меня снова, и снова, и ещё, и ещё раз...

Кроме того, мне грозило стать государственным служащим девственного леса! Бюро Рудников, взяв меня на «испытательный срок», предлагает мне контракт как «топографу-изыскателю», и ведь именно сейчас, когда я уже исчерпал всю эту ситуацию. Я их

* «Выход» - англ. (прим. пер.)

проинформировал, что покидаю «Бюро» в конце ноября. (Тем не менее признаюсь вам, мне доставило удовольствие быть признанным «специалистом»). Я отправляюсь в Бразилию. Здесь легко получить туристическую визу, и оттуда я вам напишу. Я выбрал Баию, даже не знаю, почему, и попробую найти там какую-нибудь работу. А когда надоест, отправлюсь дальше на Юг. Да будет так.

Да, Подруга, вы остаётесь моей наилучшей и единственной подругой, и более глубоко, чем в давние дни, более ощутимо. Но зачем писать эти вещи. Я рад знать, что вы ТАМ, и всё хорошо. Надеюсь, что вы найдёте для меня немного времени и сил, чтобы написать о вещах, которые вы не потрудились высказать.

Я уверен, что напишу вам, но позже. Всё, о чём я должен сейчас рассказать, придаёт значение моей жизни, руководит моей жизнью — и я не могу проживать эту жизнь по доверенности эпистолярных персонажей. Но однажды я опишу это, опишу в символах, как я коснулся своей реальности, чтобы в свою очередь оставить знаки.

Пишите мне. Безусловно, меня уже не будет, когда вы мне ответите, но просто посылайте свою корреспонденцию на адрес Бюро Рудников. Из Бразилии я напишу в Бюро, чтобы её переслали туда, где застанет меня попутный ветер.

Дружеский привет Максусу. Обнимаю вас.

Б.

30 октября 51

Господину Директору
Гвианского Бюро Рудников

(Ж. Лабаллери был инженером весьма понимающим и дружелюбным. Между ним и Сатпремом было полное взаимопонимание, не нуждающееся в словах.)

Господин Директор,

Это письмо в подтверждение моего решения покинуть Бюро Рудников в конце ноября.

Я был весьма тронут человеческим, благожелательным приёмом, который вы оказали мне в Кайенне, и тем больше мой стыд из-за того, что я вас покидаю. Также хочу вас уверить, что ни деньги, ни условия труда не были причиной моего отъезда. Я был взят на «испытательный срок». Это также было наиболее приемлемым испытанием для меня самого, испытанием, смысл которого *для меня* был бы искажён, если бы я продлил его контрактом. Те же причины, которые направили меня в Гвиану, теперь торопят покинуть её, определённо, для новых испытаний.

Простите, что я посвящаю вас во все эти детали, но мне кажется, что я вам в некотором роде должен за столь благожелательный приём, который вы мне оказали.

Прошу вас принять, Господин Директор, выражение моих искренних и преданных чувств.

Б. Ангел.

В-глубинах-леса, октябрь 51
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, твоё письмо прибыло только что с последней лодкой и оставило меня полным тревог. Более серьёзным, чем всё это безденежье, является нехватка терпения, которое у тебя, как я чувствую, иссякло, веры в жизнь, которая, как я предполагаю, заканчивается, и я чувствую, что бессилён тебе помочь. Слава богу, Маник там! Я так счастлив, что она там, что она **ВМЕСТЕ С** тобой, вопреки всему — и в этом сакральная причина жить, чёрт возьми! Ты ведь не собираешься, в самом деле, подставить нас с помощью шарика цианида, и если ты считаешь себя таким одиноким, таким свободным от всех привязанностей, чтобы это совершить, то это письмо уверит тебя в обратном, а Маник там для того, чтобы защитить тебя.

Конечно, я могу говорить с уверенностью, поскольку так же, как и ты, долгое время не сопротивлялся зловонной сытости здравомыслящих мокриц. И я столь остро разделяю твоё одиночество перед всеми теми, кто нас отвергает, кто нас осуждает — потому что мы

имели мужество попытаться стать счастливыми. Так зачем же оставлять последнее слово за ними!

Временами, о, временами я тоже до жути чувствую это одиночество, и ко мне приходит искушение сбежать и присоединиться к тебе; в такие моменты мне кажется, что нет ничего более важного, более срочного, чем жить рядом с теми, кто вам дорог, рядом с теми, кто *держит вас в этой жизни*. Но это было бы абсурдным, и я слишком хорошо знаю, что не сумею помочь тебе.

Я размышлял над проектом совместного путешествия по Гвиане — но я боюсь, что это испытание может оказаться слишком суровым, слишком долгим без Маник, без наших живительных вечеров у маленькой лампы. Я не могу требовать, чтобы ты отправился сюда. Увы.

Так что я не знаю, чего желать для тебя, и здесь коренится моё беспокойство. Впрочем, теперь я больше не пытаюсь желать, я верю в успех, вопреки всему, вопреки тебе. Я считаю, несмотря на беспокойство в отношении тебя, что удача покорится твоему упорству, твоей непринуждённости. И я так одобряю твоё нежелание жить этой жизнью фальшивого веселья, которой живут в Париже, среди этих унылых мелких буржуа, надеющихся заполнить банкнотами трещины своей души, пытающихся забыть, что в двадцать лет они хладнокровно отреклись от счастья...

Несмотря ни на что, вопреки всему, несмотря на часы, прожитые в отсутствии надежды, я упорно считаю, что мы выбрали наилучшую долю, и ты не имеешь права отказываться — для нас.

Ты спрашиваешь, много ли требуется денег для реализации путешествия за золотом, покупки насоса; короче, для организации небольшой экспедиции. Нужно немного, но этого немного у меня нет, и поэтому я пока отказываюсь испытывать удачу в Гвиане:

Более шести месяцев я безвылазно оставался в джунглях, живя как дикарь, на маниоке и солонине, а мой счёт в банке около 125.000 франков. Я чувствую себя слишком измотанным физически — так что тут простая арифметика, дабы иметь возможность испытать удачу и поднять экспедицию, мне пришлось бы оставаться в лесу чуть более двух лет. За два года такой жизни я просто сдохну. И вот только что я проинформировал Бюро Рудников, что увольняюсь в ноябре.

Итак, я начинаю всё с нуля, решив в конце ноября уехать в

Бразилию — конечно же, в Белем, где я сойду на берег; оттуда напишу. Я готов на всё, посмотрим, есть ли там что-то более интересное, чем в Гвиане. Если мне удастся заработать немного денег, я куплю насосы и оборудование и вернусь в Гвиану попытать счастья с золотом. Если только не потрачу деньги, которые мог бы заработать, на покупку небольшого парусника; тогда я буду странствовать по воле ветра, возможно, в направлении Тихого океана. Пожалуй, я строю иллюзии по поводу того, что Бразилия окажется более благоприятной с точки зрения финансов, но мне хочется на это надеяться. Пришло время слегка встряхнуться от гвианских джунглей, в которых я, определённо, работаю на износ, без смысла и цели.

Потрудись черкнуть несколько строк перед грядущим отъездом. Мне нужно знать, что ты помнишь обо мне и что твоя дружба всегда со мной. Прыжок в неизвестное — это всегда немного жутко, но я пока ещё чувствую себя крепким и мало-помалу обретаю эту непринуждённость, это тотальное беспристрастие, которое позволяет мне в большей мере господствовать над событиями, неудачами и даже над успехами. В конце концов, я в поисках себя; исступлённо, отчаянно я ищу счастье; счастье — это нелегко. Оно возможно при условии, что мы смеёмся в глаза будущему, в глаза трудностям, и тогда всё становится лёгким, и тогда мы рискуем быть счастливыми. Когда мы отказались от «будущего», тогда всё настоящее наполняется будущим, а жизнь силой — иногда — радостной.

Дорогой Бернар, как же я скучаю по тебе. Обнимаю вас с Маник — если твоя... ревность позволит мне это сделать.

Б.

В-глубинах-леса, 15 ноября (?) 51
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар,

Прости за это в спешке нацарапанное письмо, я пишу на коленке, сидя в гамаке. Бюро Рудников использует меня по полной, и я весь в «поисково-разведочных работах», как дикарь. Сдохнуть. К счастью, 29 ноября вечером я покончу с Гвианой и Бюро Рудников. Моим

первоначальным намерением было оставить Г.Б.Р. в начале ноября, но мне пришлось «раскошелиться» для младшего брата, который в Париже наделал глупостей, и моё финансовое положение оказалось слишком шатким, чтобы уехать так быстро. Возможно, было бы более мудрым «спокойно» дождаться добрых новостей из Дели — я так надеюсь на тебя и уверен, что твоё упорство сломит всех и вся. Но я действительно очень устал за эти восемь месяцев джунглей и не чувствую в себе мужества продолжать с наступлением сезона дождей. Я предпочитаю рискнуть своей удачей, рискнуть неважно чем, под новым небом. Конечно, я получил твоё письмо от 23 октября. С твоей стороны было очень щедрым дать мне контакты и доступ к Уотсону. В принципе, у меня нет намерения идти стучаться к нему в дверь, но я предпочитал бы знать, что если окажусь в полном дрейфе, у меня всегда будет возможность найти через него работу. Можешь быть уверен, я смогу позаботиться о себе. У меня пока ещё нет адреса, но как только он появится, я сообщу. Случайно я узнал, что в начале декабря из Сан-Паулу отправляется экспедиция, организованная доктором Института противоядий «Butantan»; они собираются подняться к истокам Амазонки для отлова всех видов змей (в целях изучения и приготовления сывороток). Думаю, что меня там примут, если я буду представлен. Тогда, полагаю, я полечу самолётом в Сан-Паулу. В любом случае, как только моя судьба будет — предварительно — определена, я тебе напишу. При мне есть почти двести тысяч франков, таким образом, я смогу «продержаться» несколько недель.

Старина, я пишу тебе всякого рода вещи — разведка-Бразилия-Гвиана... все эти «факты», — в то время, как я предпочёл бы попытаться рассказать тебе о своего рода отчаянии и надежде, объяввших меня. Мне кажется, что самый отчаявшийся должен соблазниться, если хочет осмелиться на единственную надежду, которая позволит выжить. Я не знаю, что это за надежда, но мне кажется, что в мире, где все одурачены, отчаявшиеся существа нашей с тобой закалки, существа живущие только надеждой, как мы — это единственное оправдание чудовищного абсурда, потому что наша жизнь — это вызов, ультиматум, как всему наихудшему, так и наилучшему; ибо мы слишком отчаявшиеся, чтобы жить в мире посредственностей, потому что наша надежда слишком сильна, чтобы

мы боялись рискнуть сумой с пожитками, которые «они» нам предлагают. Дорогой старина Бернар, из глубин гвианского леса я хотел бы рассказать тебе об этом ожесточённом чувстве одиночества, об этом отчаянии и этой надежде, охватывающих меня. И ты единственный, с кем согласно моё сердце — но слишком далёкий, как и всё остальное...

Ты обязательно должен вспомнить о нашей экспедиции в Нарканду — я часто думаю о ней и снова вижу себя спускающимся к орлиному гнезду на конце этой верёвки, в то время как другой идиот декламировал свою «Мантру» — и мне кажется, что искал я не столько золото Махараджей, сколько сокровища Голконды; и что меня интересовали совсем не редкие змеи, бокситы или кварцевые жилы; но мне кажется, что болтаясь на конце этой верёвки, как и в глубинах джунглей, я нёс в своём сердце безграничное отчаяние, вызов этому миру посредственностей и спекулянтов; и в то же самое время мне кажется, что мы с тобой — люди надежды, потому что никто больше не знает, что требовать и на что надеяться — они киснут в своих грязных водах. Я скучаю по тебе, Бернар. Всё так далеко от меня. Что восторжествует — наша надежда или наше отчаяние?

Для меня было большой радостью получить привет от Маник, её, воистину, *очаровательную* фотографию с автографом. Её милая улыбка — именно такая, как я и представлял. Надо сказать, что уже давно она стала моим другом через тебя, и очень надеюсь, что она не подведёт тебя, нас. Представляю наше трио путешествующим по миру на великолепной яхте... С Маник ты добьёшься успеха, теперь я убеждён в этом, и не только теперь — я знал это уже давно; но пока ещё долгий путь разделяет нас.

(...) С лёгкой ностальгией я вспоминаю наши вечера возле лампы Аладдина. Как бы мне хотелось иметь «ковёр-самолёт»! Я слышу отсюда твой громкий сардонический смех боярина.

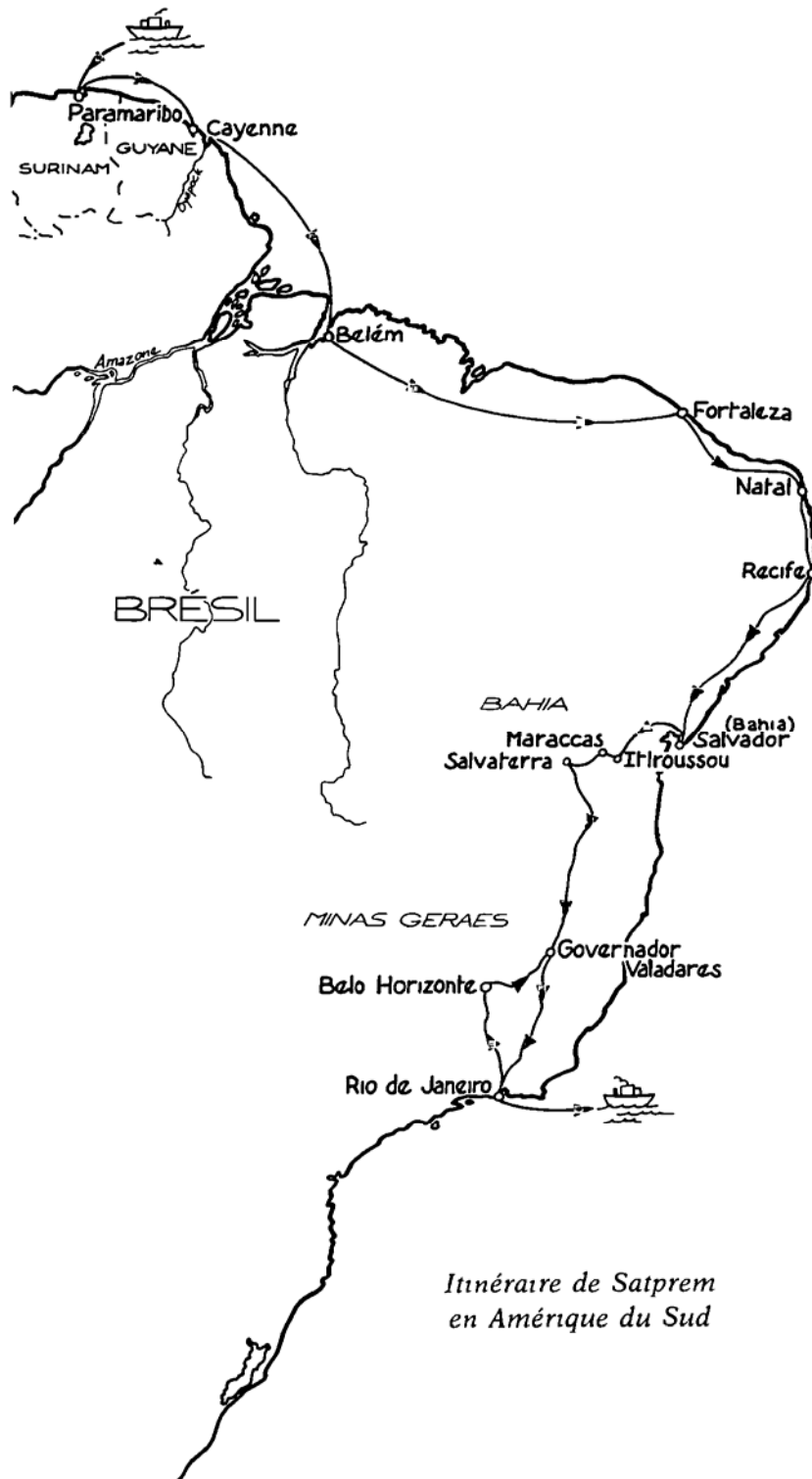
Из глубин своего одиночества обнимаю тебя вместе с Маник, старина Бернар.

Б.

Пятый этап

Бразилия

(1952)

Маршрут Сатпрема по Южной Америке

Белем, 20 декабря 51
(в устье Амазонки)
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар,

Пишу наскоро, чтобы держать тебя в курсе. Ничего хорошего. Я лишь бесполезно потерял деньги и около месяца времени. Вереница мелких «деталей», помешавших всё устроить. Возможно, ты знаешь! Забастовки, редкие суда⁴³ и т. д. и т. п. Я обратился к нескольким крупным бразильским владельцам в надежде предложить им себя в качестве работника (Эти крупные собственники владеют обширными областями на всём протяжении Амазонки далеко в глубине леса, но они бросают эти области на произвол судьбы в руках нечестных управителей. Я надеялся предложить себя в качестве управителя какой-нибудь области — но им совершенно наплевать). Покидаю Белем и завтра уезжаю в Баия (Сальвадор). Возможно, там мне улыбнётся удача...

Настрой хороший. Ощущаю себя слегка изолированным, но решил идти до конца. Если в Баия возникнут затруднения, я помещу объявление в местных газетах, предложив себя в качестве камердинера.

Дорогой Бернар, мысль о том, что ты там, очень помогает мне в делах. Но когда мы встретимся...

Обнимаю вас с Маник, дорогой брат — если ты не против.

Б.

P.S. У меня пока ещё нет адреса, на который можно писать. Баия? Рио?

43 Фактически, Сатпрем организовал себе место на небольшом судне с гребными колёсами, которое отправлялось по Амазонке до Манауса. Там были замечательные карты рельефа и течений Амазонки, нарисованные рукой капитана: «Мы говорили на одном языке, не понимая друг друга». Но Сатпрем уехал до того, как судно отчалило.

1952

*(Мы не знаем, почему этот отрывок
из дневника Сатпрема избег аутодафе)*

*Маракас (Сертан)
1 января 1952*

Вчера весь день мучил приступ малярии (?). Едва я сел в грузовик, идущий в Itiroussou, как начал стучать зубами и дрожать всем телом. К тому же я был в кузове на ветру и под палящим солнцем. Перед тем, как поймать солнечный удар, я уже полностью продрог, и пришлось вытащить из своей сумки большую твидовую куртку, которую я носил зимой в Париже. Думал, что никогда не доберусь до Itiroussou. Прибыв туда, свалился в кровать, решив больше не двигаться, полумёртвый, обескровленный и полностью деморализованный. И тут в мою комнату в этой затерянной деревне явились два француза: они совершали обход, услышали, что здесь умирает «гринго» и пришли за мной. Самое удивительное, что они тоже направлялись в Маракас. Напичкав меня хинином и положив в свой грузовик, они привезли меня сюда, и вот я снова в кровати. Чувствую себя на пределе сил, хотя сегодня утром кризис прошёл. Увиделся с этим французом из Маракаса, для которого у меня было рекомендательное письмо: М. Саго⁴⁴. Он встретился со мной, но весьма обескуражил заявлением, что на его *Фазенде* выращиванием кофе занимаются только негры... Между тем, у меня есть смутная надежда получить работу у тех двух французов, которые подвезли меня сюда. У них есть большая Фазенда в сотне километров отсюда

44 Эта «рекомендация» была дана Сатпрему Консулом Франции в Баия. Повинуясь интуиции, Сатпрем распечатал письмо в дороге и прочёл, что дорогой Консул предупредил М. Саго «остерегаться этого бездомного гражданина неизвестно откуда»... Сатпрем разорвал рекомендацию и отправился сам посмотреть на этого... замечательного гражданина.

(Сальва-терра). Один из них довольно странный, и я предвижу возможность приключения... Он долго жил на Дальнем Востоке, в Китае, в монастыре в Малайзии... Совершенно не представляю, куда это меня приведёт, и где постигнет меня неудача. Моя ситуация вызывает беспокойство; именно в тот момент, когда мне требуются все силы, я лежу пластом.

Полностью отрезан от остального мира, от Франции, от Индии, ибо никто не знает, где я нахожусь, и у меня нет адреса.

Рио Ново, 4 января 52
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, пожелания всегда немного нелепы — однако, я пожелал бы нам встретиться в этом году и осуществить наши мечты, о которых мы говорили под маленькой лампой. И потом, стать, наконец, хоть немного счастливее в этом чёртовом мире. Не знаю, почему, но моя идея Счастья всегда связана с тобой, если говорить о вере в чудо. И я чувствую потребность просто сказать тебе: ты мой друг, ты маленький оазис в моей пустыне, и это ценно, дружище, когда человек ощущает себя полностью отчаявшимся. Ставишь точки и запятые на листе бумаги, и кажется, что всё иссушается, что остаёшься один на дороге с никому не нужным сердцем, и некуда идти.

Я мог бы перечислить тебе названия всех городов и деревень, где я бродил перед тем, как на несколько дней сесть на мель в этом — но я больше не могу сказать, зачем я ходил по этим дорогам Индии или Бразилии; все дороги обжигают, а все эти комнаты в безымянных отелях — всё возвращается на круги своя. Продолжаешь идти, чтобы забыть об этой зияющей дыре в глубинах себя — от этого себя не остаётся больше ничего, кроме лихорадочной тени, продолжающей шагать без всякого смысла. Ибо мы взяли за это не для того, чтобы оседлать фортуна или заработать славу, но для того, чтобы реализовать тайную идею нас самих, и это оказалось самой прекрасной нашей поэмой; наш единственный акт любви — отказ от любой уверенности в чём-либо, от комфортабельных достижений,

ограниченных успехов. Но нет ни поэмы, ни тайны; остаётся лишь наша любовь не ко времени и не к месту, и всё проваливается в какую-то абсурдную дыру. Не осталось больше ничего, кроме кожи персонажа, забывшего свою роль. Понимаешь, Я больше ничего не хочу говорить. Не знаю, как долго ещё буду идти, потому что я больше не верю в приключение, и потому что моё единственное приключение было внутренним. Впечатление, что я полностью опустошён. Остаётся не так много решений.

В этом одна из причин, почему я нуждаюсь в тебе, чтобы поверить в то, что ещё существует чудо, что есть другие уровни жизни, о которых мы с тобой упоминали в Нарканде у маленькой лампы. Но может быть, ты тоже больше ни во что не веришь... И я временами думаю, не сделать ли из тебя тоже что-то вроде романтического бродяги, каким я стал!... Но что действительно могло бы заполнить всю эту пустоту сердца? Скажи мне. Какая любовь, какая вера, какая надежда?

Я таскался в Форталеза, а потом в Баия в поисках места преподавателя французского языка, но колледжи закрыты, а семьи на каникулах до начала марта. Места камердинеров зарезервированы только для негров. С моим словарным запасом португальского в несколько слов я хотел устроиться на рыболовные суда, но это работа-для-негров. В один прекрасный день я взял грузовик и уехал внутрь страны в надежде стать управляющим какой-нибудь «Фазенды» (большое владение с фермами и плантациями). Я видел множество Фазенд... Что касается работы на плантации, негр сделает лучше ту работу, которую я не сделал бы и за 150 франков в день. Повсюду огромные территории, очень богатые какао, кофе, скотом на продажу. Нужно найти крупный капитал, и это большая удача, если он окупится за пять или семь лет...

Через несколько дней я собираюсь снова отправиться в путь, но у меня нет ясного представления, куда идти, что делать. Полагаю, что на свои последние несколько «крузейро» я возьму грузовик до Рио, где попытаюсь реализовать свой последний шанс. Если ничего не найду, постучусь в дверь Уотсона. Я ни техник, ни негр, ни португалец, ни капиталист. Не знаю, гожусь ли я хотя бы для того, чтобы быть ничтожеством. В конце концов, просто сделаю вид, что ничего не случилось, и буду биться до конца. Вот такие новости.

Старина, ещё раз желаю, чтобы мы встретились в этом году. Желаю вам с Маник быть счастливыми. Если я и ощущаю пустоту в сердце, я всё же буду цепляться до конца, как распоследний дьявол.

Обнимаю тебя по-братски.

Б.

Не знаю, какой адрес тебе дать, если отправлюсь в Рио.

Сальватерра (Sauve-terre! [Спаси-Землю])

6 февраля [1952]

Клари

Дорогая подруга, после Гвианы пришлось изрядно побродяжничать в Бразилии: Белем, где я безуспешно искал место управляющего плантацией на берегах Амазонки, а затем долгое путешествие: Ресифи, Пернамбуку, Натал, наконец, Сальвадор — старые дома XVI века, все покрытые розовой черепицей, спускающиеся ступеньками до *Баия бланка* с её огромными пляжами, её парусами... Я пытался найти там работу на паруснике, но это «работа для негров», так что никакой возможности. У меня всегда была мечта иметь достаточно средств для покупки парусника. Я долго шатался в Сальвадоре, затем однажды взял грузовик и отправился в Штат Баия. Бродил по огромным фермерским зонам, полным зарослей, колючек, лужаек, где одетые в кожу «*vaqueiros*» в перчатках ловят диких быков с помощью лассо, как в американских фильмах; там я искал работу на одной из больших «Фазенд», но мне отвечали, что негры делают эту работу лучше. У меня были некоторые трудности с моим весьма слабым португальским. Затем я покинул фермерские области, отправившись в регион плантаций в холмистой местности, изрезанной закованными в искусственные берега *rios**. В маленьком придорожном «*hospedaria*⁴⁵» меня свалила какая-то болезнь, возможно, тяжёлый приступ малярии (?) и именно там по фантастической случайности два более-менее бразильских француза имели грех найти меня и отвезти на Фазенду своих друзей в

* *Rios* — реки (португальский) (прим. пер.)

45 *Hospedaria* — приют для путешественников.

Маракасе⁴⁶ (с плантациями кофе), затем к себе за сотню километров на плантации какао. Пишу вам это письмо из далёкого маленького Ранчо, где я постигаю секреты кофе, маниоки и какао — совершая длительные ежедневные поездки верхом на лошади, я обрёл загар, мозоли на руках и громадное одиночество. У меня была возможность получить ссуду для покупки небольшой плантации какао (*riachão das pedras*⁴⁷), но я не чувствую в себе душу «домовладельца» и мужества, чтобы остаться здесь на два или три года. Полагаю, что этот жизненный опыт плантатора дал мне всё, что мог дать. Я стремлюсь быть среди людей и через несколько дней уезжаю в Рио. У меня едва хватило денег на то, чтобы оплатить место в грузовике и продержаться несколько недель, этого хватит, чтобы вернуться. Срок моей визы скоро закончится, но в этой милой стране полицейские не очень любопытны, и я надеюсь на удачу. Таковы внешние события.

Подруга, есть все эти волнения сердца и тела, долгие дни, когда тонешь в физическом труде, как во сне — кажется, что в конечном итоге мы всегда дремлем в своих деяниях — и есть долгие прозрачные ночи, когда я ПРОБУЖДАЮСЬ, лёжа здесь, на этой циновке перед дверью и устремив взгляд в небо; именно здесь всё начинается, и я постигаю свой дневной опыт, дневную активность как игру без последствий, в которой я принимал столь малое участие, как будто я только и делал, что соглашался, оставаясь далеко позади, над этим. Подруга, настоящая игра происходит в другом месте, я ощущаю её с тревогой, с тоской — это не метафизическая тоска, а болезненная очевидность другой области сознания, иного сознания, более обширного, но остающегося запечатанным в глубинах меня, как будто я предчувствую самого себя, пребываю на границе другого себя. Но что дадут эти пять минут прозрения на несколько часов сомнамбулизма и эти пятьдесят восемь килограмм мяса, которые заставляют спать три четверти жизни. Подруга, я так долго верил, что теперь уже не знаю, продолжать ли ещё мне верить в ценность этих «опытов» — как некогда мой прежний Гварнеро, я стремился исчерпать все роли, сыграть во все игры, но Гварнеро разгадал меня раньше, чем я сам; он знал об истинной пьесе, играемой в

46 Маракас в бразильском Сертане.

47 Небольшая горная речка. Холм со старой лачугой, окружённый деревьями какао и текущей внизу маленькой речкой. Никакого общения, кроме лошади.

одиночестве за кулисами. Мне кажется, что все эти собранные в кучу опыты всегда возвращаются к одному и тому же; ни на одну секунду я не чувствую себя хозяином своего прошлого, и со мной всегда всё случается, как будто я всегда нов, девственно чист, что-то вроде мгновенного нуля. Мне кажется, что позади меня вместо Прошлого — великая чёрная Дыра, и ничего, за что можно было бы ухватиться, ничего, что позволило бы мне поверить, что я смогу продвинуться. Каждый момент всё рождается и умирает. И это сознание такой ничтожности, такого хрупкого равновесия на грани, где мы умираем и рождаемся; именно это сознание и есть та узкая дверь, ведущая к осознанию себя — но там, там неизведанные тропы, и туда надо идти; и я воспринимаю все мои так называемые опыты-эксперименты как игры, отвлекающие меня от основной Работы — мне кажется, что разворачивание всей этой активности, все эти путешествия — это просто уловки, отвлекающие от главного. Колея действий, слов, автоматизма, в которой мы увязаем изо дня в день. И однако, должно быть завоёвано нечто иное в нас самих, достигнуто то сверхсознание, о котором интуиция даёт нам некие смутные проблески. Подруга, эпоха Приключений больше не имеет смысла; смысл нашей эпохи — внутреннее приключение. Индия, индийцы... Завтра я могу оказаться в Перу, послезавтра в Мексике как преподаватель английского языка, мойщик машин, учёный, фермер, и когда я обрету сто профессий, что дальше, что потом? Мне кажется, что желание или намерение «действовать» не обретя предварительно это иное глубинное сознание — это значит ставить телегу впереди лошади. И я полагаю, для обретения этой новой области самих себя сначала нужно идти по пути созерцания (я имею в виду большую стирку всей нашей ментальной автоматики, потерю привычки к «я», которое функционирует только через ассоциации мыслей, слов, воспоминаний. Приобретение нового ритма через дисциплину тела и мыслей — что-то вроде нового дыхательного ритма, который даст мышлению новое дыхание, освобождая глубинные источники существа, очищая наше подсознательное. Подруга, мне кажется, что мы день за днём сидим в наших подвалах, игнорируя наше внутреннее небо). Понимаете, речь идёт не о приобретении заслуг

перед мифическим «потусторонним», а о новой силе существа, освобождающей здесь и СЕЙЧАС. *Nic et nunc**. Я думаю о том, что когда-то писал мне А.Жид, защищая «непокорность»: «Они, — писал он, — эти непокорные, они соль земли и уполномоченные Бога, ибо я склонен думать, что Бог пока ещё не проявлен, но мы должны его ДОСТИЧЬ». Именно эту внутреннюю божественность, это новое господство над бытием нужно обрести. Да, непокорность, но непокорность нашему собственному автоматизму, нашим полностью оформившимся мыслям. Как вы полагаете, какая игра, какая попытка может быть достойнее этого усилия человека к тому, чтобы ВЗВАЛИТЬ НА СЕБЯ новое, с головы до пят? Всё указывает нам путь к этой новой Трансцендентности. Не кажется ли вам симптоматичным, что наша эпоха является эпохой «Иностранного» — мы иностранцы в отношении самих себя, этого подлинного «я», которым мы, безусловно, являемся; но вместо того, чтобы скукоживаться от тоски, застывать в нелепостях и абсурде, мне кажется, было бы гораздо плодотворнее приложить усилие в направлении нас самих, разрушить эти фальшивые границы существа, не так ли? Если эволюция имеет смысл, то она настолько же физического порядка, насколько и духовного — подсознательная у этого человечества и сверхсознательная в грядущем... Но очищать себя от ядов — процесс долгий и трудный: попробуйте заставить замолчать разум! Вот что пишет Шри Ауробиндо: «The limitations of the body are a mould; soul and mind have to pour themselves into them, break them and constantly remoulds them in wider limits till the formula of agreement is found between this finite and THEIR OWN INFINITY⁴⁸.»

Подруга, одна попытка искренности с самим собой заставляет меня думать, что именно небрежность к собственным поверхностным склонностям гонит меня за так называемыми приключениями. Мне кажется, здесь я по-прежнему только и делаю, что имитирую себя,

* *Nic et nunc* — здесь и сейчас (лат.) (прим. пер.)

48 (Перевод): «Ограниченность тела в том, что оно имеет форму; нужно, чтобы душа и ментал влились в него, разбили эти ограничения и постоянно переформировывали его в более широких пределах, пока не будет найдена формула соответствия между его конечностью и их СОБСТВЕННОЙ БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ». В то время Сатпрем везде носил с собой книгу Шри Ауробиндо *Жизнь Божественная*.

скатываюсь в романтическое удовольствие ДРАМАТИЗИРОВАТЬ — я делаю из себя театр. Подлинное действие в другом. Безусловно, уход из Колониальной Школы был актом символическим, знаком и приближением к глубинной истине, которую я предчувствую; но с тех пор вся моя жизнь, кажется, повторяет те же стереотипные жесты, и я больше не продвигаюсь от знака к вещи, которую он знаменует. Все мои «отъезды», увольнения, лишения стали самоцелью, заслоняющей всё остальное — ибо, в конце концов, мои «увольнения» имели целью сохранить внутри меня место для иной вещи... Как невропаты фиксируют свой невроз сокращением одних и тех же мышц в одной и той же гримасе, так и я заморозил — мне так кажется — свою внутреннюю истину под маской «отъездов» и «увольнений» закрепощённого странника. Безусловно, я стал свободным человеком, и я имею право на этот титул, но хотелось бы знать: свободным ДЛЯ ЧЕГО.

Дорогая подруга, простите за это длинное письмо, но вы столь близки моему сердцу, моя незаменимая подруга, что мне хотелось бы поговорить с вами об этом. Я часто вспоминаю вас, вашу улыбку. Поддержите нашу дружбу.

Был бы рад получить от вас книгу Абеллио, о которой вы писали. Обнимаю вас, подруга, со всей любовью, которая вам известна.

Б.

*Сатпрем, наконец, отправился в Рио-де-Жанейро
(Другой фрагмент
из Дневника Сатпрема)*

Рио, 18 февраля 52

Наконец-то, думаю, «Боги со мной» — по крайней мере, чтобы решить непосредственную проблему «есть-спать». Я начал это утро с того, что заставил себя пойти по адресу работодателя, искавшего бухгалтера для работы на скотоводческой ферме. Прибыв в восемь утра, обнаружил там ещё шесть или семь ожидающих негров. Я тоже прождал полтора часа, а затем — не знаю, усталость ли была

причиной? — я подумал, что у меня почти не было шансов против этих крепких бразильцев. Так хотелось проскользнуть мимо них незамеченным! но я снова был иностранцем, на которого смотрели удивлённо и с недоверием. Решительно, мне незачем иметь вид «ковбоя»; и после долгого ожидания я вывалился в простор. Затем отправился в Консульство Франции, откуда меня послали в Торговую Палату: долгие допросы на предмет моих...

(На обороте этой страницы были приклеены вырезанные Сатпремом объявления о приёме на работу на португальском языке самой разной тематики: гид по туризму, дворецкий, работа в золотом руднике...)

Рио-де-Жанейро, 27.2.52
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар,

Не знаю, получил ли ты письма, посланные из Белема, Сальвадора и два письма, которые я послал из глубинки штата Баия, пробыв месяц на плантации? Я и вправду слишком затянул с новостями, уже более двух месяцев...

Около десяти дней назад я, наконец, прибыл в Рио после чудесной, но изнурительной восьмидневной поездки через Штат Баия и Минас Жерайс*, с полдюжины раз пересаживаясь с одного грузовика на другой. Рио — великолепный город с его громадными гранитными пиками, полого спускающимися к морю, но это столь театрально — обратная сторона декорации довольно жалкая. Бразилия, с её пропастью между богатством и оскорбительной роскошью и ужасной нищетой, гораздо больше тяготеет к Востоку, чем к Америке.

Я провёл несколько томительных дней за просмотром объявлений, не имея возможности заплатить за молоко и хлеб, и тут у меня появился шанс найти вакансию сотрудника внешней службы в

* Штат на востоке Бразилии (прим. пер.)

А.Ф.Р.: две ежедневных передачи новостей из Бразилии во Францию. Этого едва хватает на то, чтобы жрать и спать, но я рад, что нашёл это место, и собираюсь продержаться здесь до момента, когда удастся поймать шанс. Мне весьма нравится это своего рода ежедневное хождение по лезвию бритвы, но я веду ужасно одинокую жизнь между примерно двадцатью бразильскими ежедневниками (о, неизмеримая глупость прессы!), своей комнатой и «Leiteria», где я оттопыриваюсь, как могу. Иногда чувствуешь себя несколько подавленным равнодушием окружающего мира... И я часто повторяю то, что ты говорил сам себе: «Жить только для себя — неинтересно». Что делать, Бернар, с этим обилием Любви, которую мы носим в сердце, ужасно бесполезной? столь бесполезной. Чтобы быть **ВЫНОСИМОЙ**, эта жизнь должна быть прожита только в творческом акте, при условии превращения её в произведение искусства или произведение любви — или в великое действие. Но эпоха великих действий умерла под бременем чиновников и диктаторов. И осталась только невозможная любовь, которая сжигает, изнуряет сама себя. Ах, Бернар, если бы я был поэтом! Мне кажется, что тогда я смог бы избавиться от этого избытка подавляемой жизни, от этого внутреннего напряжения, терзающего меня. К счастью, у меня осталась твоя дружба.

Я увиделся с Уотсоном⁴⁹ прямо перед его поездкой на месяц по делам. Я и не надеялся встретить человека настолько симпатичного, настолько приветливого со мной. И я был очень тронут тем, как он долго рассказывал о тебе. Это человек, проявляющий в отношении тебя истинную дружбу — и восхищение; именно так! Наконец-то я нашёл того, кто знает тебе истинную цену. Уотсон восхищается тому, как ты можешь приспособиться к любой ситуации, наилучшей и наихудшей, всегда оставаясь выше происходящих событий — я передаю его слова. Как и я, он горячо желает, чтобы твои упорство и терпение дали свои результаты. (...)

49 Е. Уотсон, друг Бернара д'Онсие, богатый американец в возрасте (в котором было настолько мало американского, насколько это возможно), владеющий большими слюдяными шахтами в Индии, от которых он отказался, столкнувшись с бюрократическими трудностями, — это то, что Бернару д'Онсие было известно, — и купил слюдяные шахты в Бразилии в штате Минас Жерайс. Сатпрем будет долгое время вести с ним дела.

Вот такие новости, старина Бернар. Поскорее сообщи мне о своих новостях. Как идут — или летят — твои дела с экспериментальными самолётами? А Маник? А твои отношения с лампой Аладдина?

Но когда же мы встретимся?

Обнимаю вас с Маник, старина.

Б.

(Две уцелевших страницы из Дневника Сатпрема)

... телеграфные линии, не имеющие ничего общего с другим Бернаром, которого я воспринимал как подлинного себя, часть меня; и этого Бернара я воспринимал как самую высокую точку сигнальной мачты, маяка, воздвигнутого посередине потока, и я испытывал своего рода головокружение, глядя на этот яростный поток, разделяющийся надвое у подножия моего маяка, как будто я готов был кувыркнуться вперёд; нужно было, чтобы я постоянно карабкался всё выше, и я чувствовал себя полностью сжавшимся, словно крошечное острие где-то между глаз. Всё это было ужасно утомительно, словно смотришь на слишком яркий свет (Всё написанное — совершеннейшая тарабарщина).

Рио, 25 марта 52

Если бы я внимал своим склонностям, если бы я позволил себе идти простым путём — не обязательно лёгким, но соответствующим моему характеру, — я сел бы на самолёт да Кайенны и возвратился бы в джунгли. Эта жизнь в Рио вызывает у меня ужас... но определённо, это также означает, что я должен дойти до конца этого отвращения, этой жизни только ради того, чтобы поесть и оплатить отель. Пишу это лишь для того, чтобы гарантированно защитить себя — в некотором роде — от секундной слабости, которая заставила бы меня сесть на самолёт до Кайенны.

Рио, 26 марта

«Keep firm faith in the victory of the Light and face with calm equanimity the resistance of Matter and human personality to their own Transformation.

It is not a hope but a certitude that the complete transformation of the nature will take place⁵⁰».

Шри Ауробиндо

Рио, 28 марта

Временами эта уверенность, что никогда больше не будешь одинок, а это внутреннее Присутствие — словно другое тело в моём собственном теле, которое мы...

Рио-де-Жанейро, 12 апреля [1952]
Клари

Подруга, несколько беглых строк, просто чтобы сообщить новости. Вот уже месяц, как я начал писать эту пресловутую книгу, идею которой вынашивал в течение многих лет. Я совсем об этом не думал, и вдруг «это» меня захватило без всякой подготовки с моей стороны. Но какая работа... Я пишу каждый вечер и часть ночи — дело движется очень медленно, но уверенно. Мне уже неважно, будет она интересной или посредственной — это ЕСТЬ, и оно приходит⁵¹ ко мне. Долгое время меня останавливала необходимость построения «персонажа», а потом вдруг я сказал себе, что это абсурдно, потому что я хочу описать свою историю, а не историю персонажа. И я начал с середины, как в воду бросился. В книге меня зовут Бернар, а вас

50 Речь идёт о послании, которое Мать дала 24 ноября 1951. (Перевод): «Имейте прочную веру в победу Света и ликом спокойной невозмутимости взирайте на сопротивление Материи и человеческой личности их собственной Трансформации.

Полное преобразование природы произойдёт — это не просто надежда, а уверенность».

51 Сатпрем сожжёт эту рукопись вместе со своим «Дневником» в 1973 после ухода Матери.

Клари, и всё очень просто. Позже я посмотрю, как немного «загримировать» всё это. Постепенно вещи прояснились, и теперь я чётко вижу план — медленная эволюция; и мне даже вдруг показалось, что я и сам прояснился. У меня нет великого намерения разъяснить вам историю «своей книги», которую вы уже знаете: это история борьбы между двумя элементами, дневным и ночным, начиная с ночи концлагерей и чёрного ангела опиума, и немало других вещей; и заканчивая этим светом в сердце, который я нашёл в Гвиане, на дорогах Бразилии, в море, в моей Бретани и со Шри Ауробиндо...

Я не знаю, возможно, это моё последнее письмо. Знаете ли вы, что мне удалось — после череды тревожных дней в Рио — устроиться здесь в А.Ф.Р.? Каждый день я делаю по два выпуска для Франции. Это поглощающая работа с восьми утра до шести вечера. Я должен прочесть всю португальскую прессу, и тогда, три месяца назад, это было подвигом, ибо я не знал языка. Эта работа абсурдна, и моя жизнь здесь — настоящий парадокс. Но это также и аскеза в великом одиночестве между агентством и моим номером в отеле... Я едва зарабатываю на то, чтобы не умереть с голоду. (...) Это ещё не та «карьера», которую я «избрал» и которой хочу для себя (!) — не более, чем я хотел бы стать «писателем». Как только у меня скопится немного денег, я сбегу к другому небу. Жизнь у меня напряжённая, изнурительная, но я ощущаю себя свободным и предчувствую, что грядёт множество событий. Пишите. Расскажите о Париже.

Обнимаю вас
Б.

Рио, 12 апреля [1952]
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, пару слов в спешке между двумя пресс-релизами. Я долго не сообщал тебе новостей, но я весь в этой безумной, утомительной работе. Пока нет времени, чтобы заняться

тем небольшим опросом, о котором ты просишь⁵². Я работаю семь дней в неделю с восьми утра до шести вечера, если не позже... и мне лучше пойти лично в заинтересованное в этом Министерство для получения нужных сведений. Всё, что я знаю, это то, что здесь очень строгий «контроль». В конце концов, как только смогу, я посмотрю.

Моя жизнь здесь наполнена под завязку, и тем более, что эта пресловутая «книга», о которой я грезил уже несколько лет, почти готова. Без всяких стараний с моей стороны это захватило меня, и вот уже месяц это продолжается — я пишу часть ночи, вкалывая как негр, и медленно, но верно дело движется. Я не задаюсь вопросом, будет ли она хорошей или посредственной — всё, что мне нужно, это писать, и я чувствую себя лучше, избавляясь от этой тяжести.

Жизнь, которую я веду здесь — настоящий парадокс между этими абсурдными газетами⁵³ и моей книжкой. Я никогда не был настолько одинок и в такой аскезе. Думаю, что действительно заслуживаю имени свободного человека, а этого так мало в нашем безумном мире.

Кроме того, моё финансовое положение всё так же «размыто»... хотя я получил удовлетворение (чисто моральное), когда заместитель Директора этой конторы предложил мне занять его место, когда он уйдёт через четыре-пять месяцев. Вот такую я соорудил себе «карьеру». Так что теперь я ко всему прочему сделал ещё и «карьеру». Всегда можно сбежать. Как только у меня будет немного денег, я попытаюсь реализовать другое приключение.

Да, старина, я уверен, что для тебя эти пять лет упорства и терпения в Индии не будут напрасными. Верю в твою победу. И для меня будет великой радостью вновь увидеться с тобой... Кажется, с тех пор, как мы расстались, я живу в странном туннеле и в безграничном одиночестве. Если наградой за это окажется моя книга, я даже буду доволен, но какая работа...

Ты хочешь, чтобы Маник стала твоей женой. Конечно, это было очевидно, и я очень рад, что она станет твоим ангелом-хранителем... Чёртов старый Бернар, ты всё тот же любитель парадоксов, и мне так импонирует твой свободной стиль бытия.

Обнимаю вас с Маник.

52 О культивировании мака в Бразилии.

53 Единственная интересная «сенсация», которую Сатпрем сделал, это новость о бегстве заключённых с острова-каторги Аншиета.

Б.

P.S. Один или два раза виделся с Уотсоном, он всё так же приветлив и находится сейчас в отъезде.

Рио, 10 июня [1952]
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, я обеспокоен твоим долгим молчанием, продолжающимся почти три месяца. С тобой я всегда готов ко всему, но твоё молчание заставляет меня волноваться. Где ты? Твои дела, наконец, идут в гору? Как продвигаются продажи аппаратов? Черкни пару слов.

Что касается меня, я планирую покинуть Рио в конце июля. Уотсон предлагает мне работу в своём деле, и я уже сыт по горло этой дурацкой журналистикой. Собираюсь отправиться в захолустье в глубине Бразилии, в «Минас Жерайс», где мне предстоит после прохождения «инициации» собрать слюду по разным шахтам. Для начала «Уотсон-старший»⁵⁴ предлагает мне столько же, сколько я получаю в А.Ф.Р., то есть не так много, но жизнь в глубинке дешевле, и похоже, что моё жалованье будет стремительно увеличиваться. Идея Уотсона в том, чтобы я «поднялся» на его деле и был способен вести слюдяной бизнес, когда он покинет Бразилию (Уотсон-старший уже в возрасте). Разумеется, я не оставляю ему никаких иллюзий насчёт стабильности моего положения — короче, он всегда готов принять меня, а там увидим. Я доволен тем, что меняю окружение, тем, что веду активную жизнь. Абсолютное одиночество, в котором я пребывал в Рио, начинало меня угнетать. Когда я добуду достаточно слюды — и немного денег — то оставлю Бразилию и отправлюсь куда-нибудь ещё... Впрочем, почему бы не возвратиться в Индию? Уверен, что там я найду работу, и это единственная страна, к которой я привязан; ну и наконец, там есть ты. Что думаешь об этом? (Не

54 Это два брата — старший (У- старший), владеющий рудниками слюды в Бразилии, и второй, чуть младше, друг Бернара д'Онсие, купивший слюдяные рудники в Индии.

может быть и речи о том, чтобы садиться тебе на шею; в Индии я буду действовать также, как действовал в Гвиане и Бразилии, и не собираюсь причинять неудобства кому бы то ни было).

Кроме того, я продолжает понемногу писать эту книгу, она занимает все мои вечера — это лучше, ибо мало забавного пребывать в одиночестве в своей комнате.

Бернар, мне не терпится узнать твои новости. Бывают моменты, когда я спрашиваю себя, какого чёрта я делаю на этой земле и стоит ли вообще продолжать.

Обнимаю вас, Бернар и Маник.

Б.

P.S. Определённо, Уотсон — совершенно чудесный человек, и я весьма тронут проявлениями его дружбы, которой я обязан тебе.

(В-ответ на раздражённое письмо Бернара д'Онсие, который замечает, что Сатпрем столько медлит с анкетой о маке).

Рио, 6 июля [1952]
Бернару д'Онсие

Дорогой мой Бернар,

получил два твоих последних письма, которые меня ранили — не столько их содержание, сколько дух...

1. Я ждал ответа от С., который казался мне единственным, кто здесь способен заниматься вопросом культивирования мака. Он не ответил и не ответит. К сожалению, у меня здесь нет ни одного друга или даже «знакомого», кому я мог бы поручить это довольно специфическое дело.

Касательно меня, я ждал конца июля, чтобы посетить различные Министерства и попытаться договориться насчёт себя. Каждый день в часы работы Министерств я занят в агентстве. И свободен только в воскресенье. Не может быть и речи о том, чтобы отлучиться с работы: пресса поступает в течение всего дня, и я должен сделать два своих выпуска. Уже несколько дней я с надеждой уповаю на небольшой

перерыв между работой во *Франс Пресс* и отъездом в глушь, чтобы постучать в двери Министерства, и совсем не уверен, что смогу внятно объясниться: я читаю и понимаю португальский, но не могу говорить на нём. Мои разговоры ограничиваются репликами официантам в кафе. Вопрос, требующий решения в конце июля, требует и ясного, точного языка... Итак, в конце июля, скорее всего, ты сможешь отнести меня «к числу твоих многочисленных друзей, чьи уверения в преданности никогда не подкрепляются делами» — хотя я никогда не выражал «уверений в преданности», это не мой жанр, я довольствуюсь тем, что либо люблю, либо не люблю человека.

2. По поводу Уотсона, если я принял его предложение, это означает, что я намерен получить безоговорочный опыт. У меня нет привычки делать вещи наполовину или использовать людей. Я пошёл в Гвианское Бюро Рудников ничего не зная о бокситах, а когда я увольнялся, мне предлагали возглавить изучение рынка сбыта с контрактом изыскателя. Когда я увольнялся из А.Ф.Р., заместитель директора — намереваясь уйти в отставку — предложил мне своё место. Итого, я делаю вещи так, как они должны быть сделаны, и всё, что я предпринимал до настоящего времени, я завершал с честью. Так что я не ожидал от тебя указания «серьёзнее отнестись к работе» — как ты пишешь.

Кроме того, если я принял предложение Уотсона, это означает, что я всё обдумал: я не собирался хвататься за дело, не предупредив его, в вежливой форме, что если бы эта работа меня не заинтересовала, я бы уехал, и что я ни при каких условиях не захотел бы взваливать на себя обязательство, если у меня нет уверенности, что я его выполню. У меня нет привычки обманывать людей, даже в своих интересах. Эта откровенность в отношении обоих Уотсонов оставляет нетронутой мою свободу (и кроме того, их симпатии). Осталось разобраться между нами, что я собираюсь «увидеть», чему научиться, что осознать. Поглядим позже, понравится мне это или нет. Касательно того, чтобы «заслужить» доверие Уотсонов, как ты пишешь, — это излишне; полагаю, что уже заслужил их доверие.

Я был удивлён и огорчён твоим письмом. «...ибо мне кажется, что ты нашёл время для того, чтобы использовать золотую жилу Уотсона». Рискую показаться самонадеянным, но именно Уотсон

давал мне новый импульс, и неоднократно. Я никогда не просил у него работы. Это против моего темперамента — «использовать» людей как бы то ни было. И также против моего темперамента использовать дружбу «в интересах». (...)

Есть ещё и другие моменты, где я не согласен с тобой, но эти более серьёзные, чем остальные.

Если «Приключение» состоит в том, чтобы ждать «фортуны десять лет», как ты мне пишешь по поводу Уотсона; если оно состоит в том, чтобы «жениться на богатстве Бразилии»... это не по мне. Если работа мне нравится и если девушка мне нравится, очень хорошо. В противном случае я совершенно определённо не собираюсь подыхать со скуки в течение десяти лет; даже ради фортуны и состояния.

В заключение, ты пишешь, что я имею целью заделаться «поэтом или хвастливым фарфароном»... возможно, я «глупый осёл», имбецил, и к сожалению не поэт, но за мной числится достаточно актов истинного мужества, чтобы не нуждаться в попытках стать «фарфароном». Приключение, свобода — это не вопрос «большой удачи и крупного состояния». Свобода в другом — я был свободным человеком в лагерях. В Гвиане, хоть и без гроша, я познал Приключение.

Когда ты пишешь мне, что надо «спуститься на землю и твёрдо встать на ноги^{*}» — я отвечаю тебе, что не собираюсь твёрдо вставать на что бы то ни было.

Конечно, на время X, когда я буду с Уотсоном, ты можешь положиться на меня, и если я смогу привезти тебя в Бразилию, то сделаю это с радостью (без уверений в преданности) — но не думаю, что для этого тебе нужен буду я. В конце июля попробую разобраться с Министерствами по поводу этого дела с культивированием мака. В следующий раз напишу тебе о Бразилии и расскажу, какие у тебя могут быть шансы преуспеть в том, что я о тебе знаю (но не думаю, что это будет как-то связано с культивированием). Надеюсь, у меня будет возможность показать тебе, что моя дружба бескорыстна.

Конечно, я также огорчён — огорчением чисто платоническим! — узнав, что твоё дело лопнуло... Послезавтра я ужинаю с Уотсоном и исполню твоё поручение.

* *mettre les pieds sur le sol* — спуститься на землю, твёрдо стоять на ногах (финансово), быть уверенным в завтрашнем дне. (прим. пер.)

Твой друг
Б.

(Вероятно, последнее письмо Бернара д'Онсие привело Сатпрема в отчаяние, так как он в некотором роде ставил в абсолют как дружбу с ним, так и его действия. Нижеследующее письмо обращено к другому отчаявшемуся, который хотел застрелить Сатпрема из револьвера в один из вечеров 1950 перед его отъездом в Гвиану, потому что Сатпрем противопоставлял отчаянию жизнь и приключение).

Рио, июль [1952]
Жаку

Жак

... Я помню только, что вы мне брат по боли. Я пребываю в том моменте, когда находишься на пределе боли, на пределе всего, когда мы бьёмся только для того, чтобы отсрочить момент — я не знаю чего, малодушия или надежды. О, не волнуйтесь, Жак, я не собираюсь кончать со всем этим. Мне предстоит прожить ещё немало дней. То, что я пережил в концлагерях, длилось дольше.

Однажды вы мне писали «любовь это акт отчаяния духа» — но когда не остаётся больше ничего, никаких актов духа, чтобы утвердить эту жгучую вещь, которая стучит и стучит в глубинах «я»? Если всё стало пустынным вокруг тебя и в тебе, то что остаётся для утверждения этого непримиримого пламени, этой своего рода бесполезной любви, бесполезной жизни, бессмысленного насилия? В тот самый момент, когда становишься одним отчаянным ДА, кажется, что исчезает это Нет, которое требуется для противопоставления, и всё вроде бы примиряется — нечто, наконец, утвердилось.

Когда я вышел из лагерей, то был полностью опустошён. Вы понимаете, рождаешься в двадцать лет в пустом мире. Среди всего этого разгрома осталось только воспоминание о необычайной РАДОСТИ, испытанной однажды, когда я, полумёртвый, был лишён всего. Как вам рассказать об этой Радости? Это было рождение

другого мира; небытие, а потом внезапно эта непостижимая радость, как будто я находился в центре вещей, в их сердце, это было бесконечное господство, ясность, переполняющая сила... Мне казалось, что я вышел из лагерей только для того, чтобы осуществить эту радость, найти её и установить в себе. Мне казалось, что я обнаружил живое, лучистое сердце существования сквозь всю его жестокость и абсурдность — как будто человек живёт и экспериментирует только для того, чтобы однажды прийти к ЭТОМУ.

С тех пор, с момента лагерей, с момента этой радости, я не знал отдыха. И когда я возвращался назад, к своему прошлому, мне казалось, что это была та же радость, которую преследовал необузданный ребёнок, которым я был, когда мчался как сумасшедший через поросшие травами поля, разрываясь от счастья — та же радость, которую преследовал бесшабашный юноша на своём маленьком паруснике. Было ли это чем-то иным, другой вещью, которую я искал в немецких застенках в Бордо? — и всегда, осознавал я это или нет, радость эта открывалась только на последнем дыхании — как будто её нужно было спровоцировать, вынудить к проявлению. Думаю, теперь я понимаю, что означает фраза «отдать душу» [«испустить дух»].

С самых лагерей я не прекращал преследовать этот живой источник, который я разгадал, ощутил. Мне казалось, что требуется оставить ВСЁ, пожертвовать ВСЕМ ради него. Но впрочем, уже не было речи о том, чтобы чем-то «жертвовать», ибо меня ничего уже не интересовало, кроме этого. С тех пор я не переставая искал тот момент, когда на пределе всех ресурсов ДОЛЖЕН выплеснуться этот единственный источник — это было, это стало чем-то вроде жара, лихорадки крайней нужды, крайних лишений. Я не переставая стремился к тому, чтобы избавиться от всех связей, отношений, дабы найти единственную Связь с наиважнейшим, с этой сущностной радостью, этим состоянием глубинного братства с миром. Какое значение могло иметь для меня «всё остальное»? Я вышел из лагерей только ради этого. А «всё остальное»... впрочем, не осталось ничего.

О том, как протекала моя последующая жизнь, вы более-менее знаете. Я уволился из службы Колоний, покинул мирное убежище в Гималаях, покинул Гвиану, а теперь покидаю Рио. Всякий раз, когда я намеревался «отвлечься» от этого наиглавнейшего, всякий раз, когда я

встречал тихую гавань покоя, компромисс, я тут же уезжал.

В то же самое время, когда я обнаруживал в себе эту необычайную «надежду», одновременно меня втягивало в борьбу с великим отчаянием — всё происходило так, будто эта сила вызывала другую, противоположную, силу; будто эта вещь рождала соответствующую ей силу разрушения. И лишь в опиуме я находил некоторое успокоение, безмятежность, но я отказался от интоксикации опиумом, как и от всего остального, после четырёх лет непрерывного курения. Я смог найти некую иную форму интоксикации в усилиях, которых требовала работа в джунглях Гвианы, но я отказался и от джунглей.

Жак, мне кажется, что я никогда не выдохнусь, никогда не найду завершения, что я обречён быть кем-то вроде скитальца. Эта Радость — что-то вроде призрака, фантома, который всегда ускользает, который влечёт меня всё дальше и дальше, делая всё более одиноким... То, что я зову «Радостью» — и безусловно, это была Радость, — не более, чем внутренняя сила, с которой я ничего не могу поделать; некая вещь, напоминающая плотность, мою плотность. И нет иного выхода, кроме как принять всю её массу — пока не затрещит.

Физически я пока ещё не утомлён дорогой. «Это» может продолжаться. Но я изнурён в ином смысле, душой.

Касательно книги, которую я пишу? — но что для меня важно, так это суть, завершение. В остальном же я и так знаю, кто и что я есть. Имеет ценность не всё то, что я пишу или напишу, но та глубинная вещь внутри меня, которую удастся «постичь». Если это закончится провалом, то какой толк создавать ещё одного бунтовщика и литературного самоубийцу?

.....

Простите меня за это письмо. Я знаю только одно: мне больно, и всё вокруг — пустота.

Б.

Рио, 2 августа [1952]
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, прилагаю запрошенную бумагу [о культивировании мака]. Пришлось немало побегать по Министерствам, прежде чем найти требуемое и человека, который нам нужен. Видя его настороженность, я показал ему сфабрикованные ранее документы «Франс Пресс» и под предлогом «репортажа» вытянул из него всё, что мог (ранее я сделал опросник в письменной форме, переведённый на португальский — это облегчило задачу).

На всякий случай предупреждаю тебя, что бразильская администрация «более медленная, более продажная и более непоследовательная, чем индийская»!! (Это мнение Уотсона). Так что ты предупреждён!

Полагаю, что моё последнее письмо сводилось к «обмену дурными манерами» с тобой. Я сожалею, что недостаточно думал о тебе, о свалившейся на тебя неудаче, лишившей тебя осмотрительности. Надеюсь, ты не в обиде? (Но однако, не рассчитывай на меня в вопросе женитьбы на богатой дуре с большим наследством!) Я покидаю Рио завтра утром, отправляясь в захолустье... Мы чертовски одиноки в этой стране.

По поводу твоей идеи приехать в Бразилию?... «Бразилия — страна будущего» в соответствии с рекламными слоганами... Следовало бы кое-что заметить по этому поводу. Точнее было бы сказать «Бразилия — страна спекуляции». Спекулировать — единственный шанс добиться здесь успеха, — спекуляция недвижимостью, кафе, землёй, какао, чем угодно (подкупленные политики, которые не предназначены более ни для чего, кроме этого — главное условие успеха). Чтобы делать бизнес, нужно быть либо в Рио, либо в Сан-Паулу. Выращивание мака будет стоить тебе множества хлопот — давай бакшиш, потом жди; и в конечном счёте — множества денежных затрат... Ты сможешь сам это увидеть, как один «приработок» заставит тебя заниматься другими делами.

Я долго говорил с «младшим» Уотсоном о твоём проекте в Бразилии. Он думает, что у тебя, разумеется, будут «гениальные идеи», но здесь невозможно сделать что-то крупное без *минимального капитала*.

Такова «тёмная сторона» ситуации. Несмотря на всё это, Бразилия — страна, где ты должен иметь успех, поскольку сочетания

наиболее неправдоподобные громоздятся именно здесь — а ты достаточно силён в подобных небольших играх. Более того, твоё дворянское происхождение даёт тебе огромные плюсы: это страна снобов. Единственное, что их волнует, это фасад, хорошо скроенный костюм и Кадиллак у дверей. В делах они более подозрительны и нечестны, чем любой бабу из Калькутты или Дели (по мнению Уотсона). Наконец, для полноты картины, их перманентную чувствительность легко задеть за живое, ибо они не смогли освободиться от своего комплекса неполноценности по отношению к «иностранцам». Невозможно никакой близости или дружеских отношений с богатыми бразильцами или представителями цвета «бранко^{*}» (цвет — это очень важно!), они вас чураются, поскольку боятся выглядеть такими, какие они есть: претенциозными обезьянами. Я предпочитаю негров.

Если ты хочешь приехать сюда, я бы порекомендовал тебе — если только ты не захочешь сразу начать «большую игру» — найти неважно какую работу и просто жить, ожидая удобного момента, главным образом для того, чтобы иметь время разобраться с языком (вопреки легенде, очень мало бразильцев говорят по-французски).

Моё мнение о Бразилии, если не говорить о «бизнесе», таково — это страна без души. Всё здесь поддельное, более того, прогнившее, по причине нескольких веков иезуитского лицемерия.

Для моего темперамента это не те «дела», которыми бы я стал заниматься в Бразилии — потому что я не ровня этим акулам; я бы, скорее, отправился на Амазонку, где только что обнаружили чрезвычайно богатые россыпи золота. Это приключение более в «моём духе». Возможно, однажды я реализую сей проект, если мои дела с Уотсоном будут не столь интересны, как я надеялся — конечно, повторюсь снова, до тех пор, пока я буду с Уотсоном, ты можешь положиться на меня, это само собой разумеется.

Я много думал о тебе, Бернар, о твоём фиаско в Индии, и я чувствую, насколько ты обескуражен в настоящее время, но держись ты исключительно стойко (эти уроки французского!). Ты меня удивляешь... что тут ещё сказать? Скажу, что я с тобой. Но пользы от меня никакой, и я не знаю, чем бы я мог быть тебе полезен.

* branco — белый (португальский). (прим. пер.)

Оставаясь у Уотсона? Положись на меня, чтобы «продержаться» как можно дольше.

Повторюсь, этот мир не для меня. Я чувствую себя счастливым лишь находясь в контакте со стихиями, будь то лес, либо море, либо золото... И что теперь?

Даже если ты меня осуждаешь — твоё последнее письмо заставило меня страдать — хотелось бы остаться братьями. Действительно ли мы так отличаемся друг от друга?

Б.

Как Маник?

*c/o Watson
Rua Barbara Hehodora, 559
Governador Valadares
Minas Geraes (Brazil)*

Белу-Оризонти, 25 августа [1952]
Клари

Подруга, я получил ваше последнее письмо из Парижа незадолго до того, как покинуть Рио. Пишу эти строки на маленьком Ранчо из высохшей грязи и черепицы, затерянном в горах, где я застрял из-за дождей. За несколько часов дожди превращают ухабистые дороги на склоне горы в трясину, и смачно соскальзываешь в густую грязь цвета красной охры из-за раздробленного гранита: меня не прельщает риск оказаться в овраге, и я предпочитаю ждать солнца, думая о вас.

Вот подхватил новую временную «профессию»: моя обязанность — набрать в большом количестве для американской фирмы слюды, берилла, горного хрусталя в штате Минас Жерайс по разным шахтам, в беспорядке разбросанным по горам. Понемногу я учусь определять различные сорта слюды, различать кристаллы и их ценность — есть некое эстетическое удовольствие в физическом контакте с минералами. Это первая «миссия»: пятьсот килограмм слюды покоятся в «моём» джипе, который мирно ждёт во дворе Ранчо, когда, наконец, выйдет солнце.

Центр операций находится в маленьком городке под названием «Говернадор-Валадарис», где я устроил себе пенаты, посреди того, что я называю «Mica-belt» [слюдяной пояс]. Я счастлив был оставить журналистику, которой сыт по горло — я чувствую себя лучше на дорогах. Однако, отдавая должное своему честолюбию, хочу заметить, что завершил журналистскую карьеру с блеском: руководство А.Ф.Р. прислало мне поздравление за серию сделанных мной репортажей (о побеге из Аншиеты), и мне предложили «пост» при Директоре филиала Франс-Пресс в Бразилии. Но существует ли нечто, ради чего можно отказаться от этого? Всё, что я делаю, это следую за своей наибольшей плотностью. Вопрос всегда один и тот же: когда свобода достигнута, для *чего* эта свобода — и может быть, прожить этот вопрос с полной осознанностью посреди этого неопределённого равновесия крайностей было самым смыслом жизни и условием нашего наивысшего роста. Чего стоит жизнь, если она не является в первую очередь напряжением? Мне кажется, что мы каждую минуту своей жизни должны проживать так, будто это вопрос жизни и смерти; никаких передышек, никакого отдыха; и каждый из этих моментов должен быть абсолютным утверждением того, что «это» стоило того, чтобы быть пережитым, быть продолженным. А иначе *что*? В каждый момент мы должны быть в состоянии утвердить свою жизнь, как самоубийца утверждает свою смерть — этот экстремальный момент, когда мы решаем жить, а не умереть (или наоборот), и есть единственный момент истинного сознания.

Но как это трудно, Подруга, не засыпать, не поддаваться ежедневному сомнамбулизму. Каждый день мы должны бороться против тёмной глубинной силы — силы наших привычек, нашего ментального автоматизма, которые тянут нас назад. Как это трудно — оставаться бодрствующим и не скатываться каждый день в прежнее состояние!

Единственная польза «кочевничества», в котором я живу, это гигиена. Ежедневные неопределённости вынуждают меня объединить себя вокруг своей центральной сущности. Эти нарушения ритма во внешней жизни помогают сломать другой, внутренний, ритм, другой автоматизм. Впрочем, я прошёл стадию энтузиазма в отношении «новых опытов»: не существует новых ситуаций, есть только внутренние колебания, флуктуации, и мой единственный мотив в том,

чтобы овладеть этими флуктуациями.

Я действительно не знаю, к чему меня это приведёт. Мне кажется, иногда я переживаю опасное пари, я и вправду держу пари с Неизвестным, которое я надеюсь пробудить в своих глубинах. Порой мне кажется, что я переживаю что-то вроде чудовищного безумия, и всё вокруг меня тает: одиночество, необходимое целомудрие, безмолвие... и какое последнее слово этого безумия, если не пустыня, вакуум??

Незадолго до отъезда из Рио я нашёл в книжном магазине и пролистал *Журнал А. Жида*, где он опубликовал моё письмо, посланное «Учителю» в Египет. На меня произвёл любопытное впечатление текст этого письма, которое я чистосердечно и открыто написал более пяти лет назад. Вопрос, который меня тогда волновал, состоял в том, чтобы найти «учителя»; тревога, которую я выражал, состояла в том, что я предоставлен самому себе, без направления, без учителя. Какой путь проделан с тех времён: Индия, Франция, Гвиана... и тем не менее я столь мало продвинулся. Теперь я знаю, что есть единственный учитель, это внутренний Учитель, которому нужно сказать ДА, ещё и ещё раз ДА, вопреки всему, как хорошему, так и плохому. Это ДА, я его произнёс и я им живу — пытаюсь жить. Но если не считать этого нового жгучего осознания, что я сделал? В чём я прогрессировал? Вы, кто меня знает, вам должно быть известно, что я топчусь на месте... Иногда меня приводит в отчаяние, что я остаюсь чем-то вроде абсолютного вопроса без ответа, абсурдного пламени, сжигающего само себя.

*

* *

Говернадор-Валадарис, 31 августа

Наконец-то возвращение в Валадарис после полной перипетий, изматывающей поездки. Это освобождение путём физической усталости. Чем больше тело утомлено, тем больше мирного покоя в сердце — поэтому я любил жизнь в Гвиане и буду любить, по крайней мере, какое-то время, новую жизнь, которую я веду здесь. О, Подруга, сколько времени понадобится, чтобы истощить эту плоть? чтобы реализовать эту полноту и этого нового человека, дремлющего в

наших глубинах?... В одном из своих писем несколько месяцев назад вы написали то, что меня поразило: «В нас есть целый пласт, который *не должен* быть освобождён»; и вы добавляете: «Любой верхний предел, любой потолок является мещанским, независимо от его высоты». Не могу согласиться с вами, ведь речь идёт не о том, чтобы искать верхний предел, но о том, чтобы разорвать наши пределы, наши «нормы», на которых мы намереваемся зафиксировать человеческое развитие. Мне кажется, напротив, человек должен быть освобождён; или, скорее, его должно освободить, в некотором смысле родить, это новое существо, которое видит, которое знает лучше, чем человек с его глазами и его ограниченным интеллектом. Только сверхчеловеческое меня интересует. Именно этого существа с его ясным видением мы должны достичь. Не в этом ли весь смысл эволюции? Также как в течение эпох жизнь разворачивалась из материи, а сознание из бессознательного на основе жизни; мне кажется, что мы должны обрести сверх-сознание на основе нашего несовершенного сознания... Это не потолок, это узкий проход, преобразование, трансфигурация. А иначе что толку повторять из поколения в поколения вопросы прошлого? Мы должны действовать, а не дискутировать на тему проблемы жизни, пусть даже интеллектуально; лучше уж действовать, чем писать всё более и более утончённые психологические романы: и именно на *человека* мы должны воздействовать, напрямую, экспериментально. Как писал Кокто (кажется), наша супер-интеллектуальная цивилизация делает нас «мыслящими авторучками» (доказательство — это письмо!) Когда мы испишем все наши авторучки, закончим все наши романы, что мы будем делать для прогресса человека? Этот вопрос всегда будет оставаться без ответа, а человек — растерзанным. Нужно, наконец, решиться и перешагнуть стадию интеллекта, сломать интеллектуальный потолок, освободить наше сознание от его ограничений... Подруга, мы созданы для того, чтобы видеть ясно. Наша эпоха должна быть эпохой мечтателей или провидцев.

Я ощущаю с болезненной интенсивностью эту истину, но мы сталкиваемся в самих себе с таким сопротивлением, с такой злой волей. Ведь гораздо проще тянуть одну и ту же лямку, как мул, привязанный к своему жернову; гораздо проще ходить по кругу. Гораздо труднее преодолеть не наши склонности к человеческим

удовольствиям, но как раз ту извращённую склонность, что заставляет нас предпочесть тревогу, страдание и горе вместо полноты и радости... Но нужно быть непокорным, как писал мне А. Жид. Сначала непокорным в социальном и семейном плане, но последняя и наиболее высокая наша непокорность — это непокорность самому себе.

Подруга, мне не терпится вернуться в Индию, чтобы взять посох нищенствующего пилигрима и окончательно отправиться в приключение внутрь самого себя, на поиски этого осознания. Не будет мне покоя, пока меня не доведут до конца.

Пишу это письмо из «Говернадор-Валадарис», где отныне я буду жить. Это маленькое местечко похоже на таковые американского Дальнего Запада, механизированного дальнего запада. Валадарис окутан густой охряно-красной пылью, находясь на краю шоссе Рио-Баия, дизельные грузовики попеременно с ковбоями, лошадьми, стадами. Вечером это похоже на караван-сарай Афганистана, и солнце разрезает черноту небес гранитными куполами, нависающими над городком. Несколько запыленных пальм, которые выглядят как будто окрашенные из распылителя, башни, бараки и цементные дома: здесь центр коммерции — кафе, скот, минералы. Полдюжины лесопилок пытаются обрить окружающие горы. Я предпочитаю жить здесь, среди этих суровых людей, которые при случае могут поиграть револьвером, чем среди претенциозных обезьян Рио-де-Жанейро. Вот такая картинка. По-прежнему молчалив и одинок. Напишите мне, Подруга.

Вокруг меня не так много привязанности и любви, и мне важно ощущать вашу с Максом дружбу. А как Барон, которого вы видели в Париже?

Обнимаю вас.

Б.

*(Письмо молодому геологу, который обучил и подготовил
Сатпрема к джунглям Гвианы).*

Валадарис, 10 сентября [1952]

Дорогой Е.,

Не знаю, должен ли я пожелать, чтобы это письмо застало вас до отъезда из Гвианы, в которой вы остались на сентябрь, согласно вашему последнему письму. На самом деле, я серьёзно задаюсь вопросом, не возвратиться ли мне в джунгли. Эта внезапная перемена места, возможно, удивит вас, но я чувствую весьма острую ностальгию по жизни в лесу.

Таким образом, это письмо весьма «корыстно», и я прошу меня извинить. Как вы думаете, есть ли какая-то интересная для меня работа в настоящее время в жанре разведки-бокситов и Картографии (в каком-нибудь уголке, отдалённом от цивилизации, тракторов и дорог). Как вы думаете, в случае необходимости согласятся ли Г.Б.Р. и Лабаллери взять птицу вроде меня? — я готов провести пару лет не выходя из леса, и вы достаточно знаете меня, чтобы быть уверенным, что я «продержусь».

В случае получения от вас обнадеживающего ответа, я написал бы Лабаллери и приготовился бы сесть на самолёт в течение нескольких дней после получения от него ответа.

Вероятно, вы подумаете, что я совершенно «непоследователен», фактически, так и есть — я не вижу, почему мы должны быть последовательными в наших ошибках. В данном случае ошибка нравственная, а не материальная, ибо здесь я наслаждаюсь ситуацией, что называется «на будущее» — но что для меня это будущее, если я не нахожу в нём радости!

(...) На данный момент моё новое положение отвлекает меня, и я провожу время в поисках слюдяных шахт, разъезжая на джипе или верхом по гранитным хребтам Минас-Жерайс. Увы, эта ситуация не продлится долго, ибо идея Уотсона в том, что как только я буду посвящён во все тайны слюды и горного хрусталя, мне предстоит возвратиться в Рио и взять на себя руководство его делом в Бразилии. (Уотсон — человек в возрасте, и он хочет уехать во Францию, как только я буду готов взять на себя его дела). Множество людей подумают, что я сумасшедший, раз хочу отказаться от такой возможности, но я уверен, что вы меня поймёте. В вашем последнем письме, которое я часто перечитываю, вы писали: «У меня ностальгия по изнуряющим будням на просеках, по внезапно возникающим на

пути водопадам, когда возвращаешься назад в зарождающихся сумерках под монотонные крики куропаток...» Во мне также живёт эта ностальгия, и вопреки здравому смыслу я думаю только об одном: обнаружить себя у хижины под навесом, делать просеки, идти... идти. Нелегко истощить этот жар... Мне не терпится ощутить телесное утомление после долгих походов под тропическим ливнем. Я уверен, что вы поймёте. Не вы ли писали в вашем последнем письме: «Чем дальше я иду, тем больше влюблён в Гвиану»?

Правда, моя любовь запоздалая, но я надеялся найти в Бразилии широкие горизонты и простых людей. Вместо этого я обнаружил повсюду ужасающие мелкие городишки и лживых людей. Я стремлюсь к здоровому одиночеству леса и усилиям, которых он требует. Я совсем не чувствую себя незрелым для того, чтобы разбогатеть или стать Директором чего бы то ни было. Не знаю, смогу ли объяснить это Лабаллери. Но может быть, по случаю, вы сможете стать моим переводчиком — если это вас не затруднит.

Я часто говорил себе, не абсурдно ли два раза идти по той же дороге, в то время, как в мире существует столько путей — и я спросил себя, не должен ли я поехать в Африку вместо того, чтобы возвращаться в Гвиану (Лабаллери говорил мне о геологических изысканиях в Мавритании или ещё где-то)? Но я боюсь обнаружить в Африке бесчисленное множество мелких французских суб-префектур, в то время как в Гвиане настоящий девственный лес. Что вы думаете об этом?

Извините за это корыстное письмо — которое, впрочем, может прийти слишком поздно. С нетерпением буду ждать от вас знака. Если вы во Франции, сообщите новости — был бы счастлив оставаться в контакте с вами...

Со всей своей дружбой

Б. Ангел

Валадарис, 30 сентября [1952]

(моим друзьям из А.Ф.Р. в Рио)

Дорогие друзья,

Для меня было большим удовольствием читать ваше письмо, весточку от Ирасемы. Невзирая на ваши слова, *morenas cariocas** оставили во мне мало воспоминаний, ещё меньше *saudade* [ностальгии] — я оставил их без сожалений, чемодан и без того слишком громоздкий! Но воспоминания о некоторых вечерах или сиестах на Авеню Сампайльо всё ещё живы, и позже обнаруживаешь, что за тканью слов приличия, за рутинной ежедневных отчётов формировались более тонкие отношения, словно некие тени нас самих встречались на другом плане, а мы об этом даже не знали — назовите это симпатией, дружбой, как угодно. Это единственные воспоминания: всё остальное лишь декор, повод для этих подлинных встреч. И не стыдно такое писать?

Меня очень тронуло ваше предложение вернуться и работать во Франс-Пресс, и мне трудно ответить вам, не вдаваясь в некоторые детали: возвращение назад, к комфорту и согласию — это решение почти не имело бы смысла в отношении меня, впрочем, не больше, чем оставаться здесь, в Валадарис, закончив директором компании, экспортирующей слюду. Это вопрос не суждения, но темперамента или насыщенности, концентрации, плотности. Не сегодня, так завтра приходится признать, что определённые вещи более важны для нас, чем другие, и следовать за этой плотностью; быть верным самому себе, как в хорошем, так и в плохом (!) — это последняя роскошь, которую мы можем предложить себе в этом мире, где больше не осталось причин, которые стоили бы верности.

Как рассказать вам об этих вещах с той простотой, которая требуется? а между тем, я испытываю потребность сказать вам об этом, потому что ваше предложение свидетельствует о проявлении дружбы. Вовсе не «идеи» побуждают меня ответить вам отказом — скорее, нечто вроде голода, потребности ПРИСУТСТВОВАТЬ в своей собственной жизни, в то время как множество людей вокруг нас кажутся покинутыми самими собой. Я всегда был чувствителен к истинному облику окружающих, когда он стремится проявить себя; исследование в самом себе этого уникального облика, который кажется дремлющим в самых глубинах нас — это исследование,

* *morenas cariocas* — брюнетки Рио-де-Жанейро (португальский) (прим. пер.)

возможно, объяснит вам мои разрозненные опыты, моё кочевничество, казалось бы, без жизненной цели и смысла, и мой страх повторно застрять в одном «положении», каким бы оно ни было... Я уже не помню, что это был за английский автор, который писал: «When I am at ease, then I begin to feel unsafe⁵⁵», и я испытываю потребность именно в определённом отсутствии безопасности для поддержания контакта с тем, что является главным, *bedrock* [фундаментом, камнем в основании] нашего бытия посреди потока одних и тех же окружающих нас вещей... Если мы должны его обрести, то мне всегда казалось, что для этого должен быть пробуждён истинный внутренний облик — и ничто иное не вносит такую ясность, как опыты, снимающие с нас покровы, обнажающие: одиночество в гвианском лесу, в столице или в приграничном городке Минас Жерайс без каких-либо ресурсов кроме тех, которые есть в нас самих, или ещё обнажённость концлагерей; именно там я впервые увидел этот другой лик, и лик этот походил на Радость. С тех пор я в некотором роде кочующий, или чокнутый — как вам будет угодно. (...)

Как бы там ни было — и это, возможно, проявление слабости — я опасался «устроиться» в журналистике (или слюдяном деле); мне кажется, это требует неустанной бдительности, чтобы не потерять контакт с главным, не заснуть и не закончить как сомнамбула, которых мы встречаем каждый день — велик соблазн каждый день откладывать себя на завтра, будто слишком сложный вопрос или изрядно запутанное дело; но у нас слишком мало времени, чтобы терять его... Возможно, эта обеспокоенность осталась от того ребёнка или юноши (слишком романтического), но я ставлю на детство с его притязаниями, его высокопарными словами, а также его пронизательностью.

Не сегодня, так завтра, как вы писали, возникнет нужда «рассказать» — и именно в этом красота журналистики. Как бродяга, которым я был или хотел быть, я хорошо знаю эту нужду «рассказать»; и это письмо — в своём роде, способ рассказать. Возможно, я вернусь к журналистике, если однажды не найду иного способа осуществить эту потребность коммуникации с другими.

55 «Когда я нахожусь в комфорте, то начинаю чувствовать себя небезопасно».

В данное время я продолжаю изыскания слюды и провожу три четверти своего времени в дороге, и совсем не против такого расклада. Не могу сказать, что я «разочарован» своей новой жизнью: я ожидаю не слюды, а иной вещи, и в любом случае, я не собираюсь устраиваться здесь надолго.

Простите за эту долгую болтовню, но дружба, которую вы оба, Ирасема и ты, изъявляете мне, и ваше предложение из последнего письма подвигли меня на это, тем хуже, если я показался вам романтическим или попросту немного смешным с моими несуразными «идеями».

Ваш верный друг

Б.

Валадарис, 1 октября [1952]
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар,

Ты будешь метать громы и молнии, ругать меня, но по крайней мере выслушай мои объяснения. Я думаю покинуть Уотсона.

Первая причина — и немалая — в том, что эта работа меня не интересует. Я увидел, какую жизнь ведёт старший Уотсон, какую Е.Уотсон, и могу предположить в лучшем случае, что будущее, которое меня ждёт, состоит в том, чтобы заменить того и другого и встать во главе слюдяного бизнеса в Бразилии. Если судить по моему двухмесячному опыту (я ведь не слепой. Не нужно десяти лет, чтобы понять, что к чему) и по жизни, которую ведёт Е.У., то что меня ожидает? тратить жизнь на разговоры с бразильскими продавцами более или менее жуликоватыми, отслеживать каждую партию слюды от кассы до кассы, заниматься в основном подведением итогов, себестоимостью, бюджетом и расчётом налогов, не выпускать из рук бразильский кодекс для постоянного ведения судебных тяжб с теми или другими, писать отчёты для Нью-Йорка и Лондона, поддерживать хорошие отношения с брокерами для параллельных обменов валюты крузейро-доллары-стерлинги, поддерживать тесные контакты со всеми бразильскими конкурентами — мошенниками и ворами —

чтобы знать всю кухню, прогнозировать фонды и демпинговые удары... и т. п. В случае необходимости садиться в джип и отправляться в большие поездки для покупки шахт или партий слюды по хорошей цене. Именно такую жизнь ведёт Е.У. по десять часов в день, включая утро воскресенья. Именно это меня ожидает, если я преуспею (В данный момент я на стадии счётной машины, считаю таблицы скидок, а также устанавливаю процентные отношения. Ещё провожу солидную часть времени у верстаков завода для резки слюды, классифицируя слюду по восьмиградусной шкале качества прозрачности и по одиннадцати размерам). Моя нынешняя работа довольно отталкивающая, но отнюдь не она меня отталкивает. Меня отталкивают «перспективы на будущее».

На какие «компенсации» я могу надеяться? «Состояние», как ты мне пишешь? — Нет. Тем более, что состоянием ты называешь весьма высокое положение с машиной, апартаментами в Рио, конечно же небольшой яхтой и, почему бы и нет, дорогой любовницей. Допуская даже, что грядущая ситуация будет **ОЧЕНЬ** прибыльной для меня, это не даст мне «свободу», как ты пишешь. Потому что я должен буду оплачивать это положение непрерывной работой, которая целиком меня поглотит (я вижу, как живёт Уотсон).

Наконец, это положение предполагает, что я навсегда осяду в Бразилии. (...) Бразилия меня не интересует. Это страна без души, без культуры, населённая самоуверенными дельцами и снобами. Разве что женщины красивы — но нет спасения вне брака.

Нет, дорогой старина Бернар. Я не чувствую в себе мужества терпеть десять лет только для того, чтобы наладить жизнь мещанина. (...) Я готов быть благоразумным, Бернар. Но однако, ты не можешь просить меня закончить в этой шкуре, потерять десять лет моей жизни, в смертной скуке ожидать своего сорокалетия... чтобы потом «наслаждаться» приятным мещанским комфортом! Я предпочитаю неизвестность, я предпочитаю жизнь без уверенности в завтрашнем дне, когда ты свободен сесть на корабль, идущий до Африки или Тихого Океана когда заблагорассудится, и переживать самые разнообразные опыты. Жизнь в джунглях Гвианы была *несравненно* более интересной, чем та, которую я веду здесь или которую буду вести через десять лет с моими предположительно солидными зарплатами. Значит ли это, что я хочу провести свою жизнь в

девственном лесу Гвианы? Определённо, нет. Но я предпочитаю быть бродягой, *свободным* кочевником, идти куда и когда хочу. Я предпочитаю быть авантюристом, в истинном смысле этого слова. В конце концов, поставь себя на моё место и перенесись на несколько лет назад (...). Я пытаюсь смотреть на вещи бесстрастно, но Бразилия слишком пуста, я не смог бы здесь жить. Понимаешь, в этой стране нет НИЧЕГО, кроме мужиков с усами, высший идеал которых — водить Кадиллак; ничего...

Я хотел бы получить от тебя искренний ответ. В глубине сердца я ни на миг не поверю, что ты принял бы такую жизнь — или я слишком плохо тебя знаю. Ты бы, конечно, предпочёл безденежье той жизни, которую я веду здесь. В конце октября я извещу Уотсона о своих намерениях, если ты не сможешь поколебать меня вескими «доводами». И тогда я планирую отправиться в Африку — в конце ноября у меня будет достаточно, чтобы оплатить билет третьего класса до Дакара, там я отправлюсь в пустыню, которую я хочу изведать.

.....

Дорогой старина Бернар, в ожидании твоей брани, обнимаю вас с Маник — если ты позволишь.

Б.

Напиши мне. С нетерпением жду твоих «доводов», прежде чем решить что-либо окончательно.

(Ж.Н., другу детства Сатпрема)

Говернадор-Валадарис, 10 октября 52

Мой дорогой Ж.Н.,

Думаю, что на протяжении последних двух лет не было ни одного хоть сколько-то значимого для меня момента, к которому я не приобщил бы тебя. Это письмо должно было бы остаться здесь, возможно, потому, что мне хочется донести больше, чем простые слова, даже если это слова дружбы... Однако, испытываю потребность вновь подтвердить, что жизнь моя проясняется только такими

людьми, которые, подобно нам, но на их собственном плане, осмеливаются, экспериментируют и всегда стремятся ко всё большему пробуждению. Не было ни одной из ваших радостей, ни одной из ваших немощей и невзгод, которые бы меня не настигли.

В прошлом году в Гвиане я написал тебе письмо, но оно осталось в моих бумагах. Написать тебе побудили меня не поспешные пара слов, которыми обмениваются между двумя поездками в гудящем как улей быстро; но некий образ тебя — который навечно остался во мне — тогда, вечером, когда мы расставались возле Инвалидов*. Спрашиваю себя, можем ли мы сделать что-то ещё, кроме того, чтобы бросить несколько взглядов, далеко-далеко, туда, где может выразиться нечто острое и мучительное, и разделяющие нас время и расстояние, и невыразимая связь, объединяющая нас в самых глубинах наших сердец. Я чувствую, сколь трудно описать всё, что нас объединяет. Могут ли нас ограничить эти неясные символы и знаки жизни, которыми мы обмениваемся сквозь дали, как два корабля в открытом море? Что мы можем? Что мы можем...

Хотелось бы рассказать тебе обо всех этих образах, встречаемых мною на протяжении двух лет; образах, в которых читается всё тот же вопрос. Некоторое время назад я получил письмо из Гвианы от парня (Жинести), которого я встретил однажды вечером в одном из убогих кварталов «бухты» в Кайенне. Смогу ли я передать тебе ясный взгляд этого парня, неподвижный, молчаливый, в углу этого притона, где он ел свой рис каждый вечер — взгляд абсолютно изолированный, одинокий. Он не пил; казалось, это одиночество было для него лучше алкоголя. Мы поговорили. После бурной жизни в партизанском отряде в Индокитае Жинести случайно попал в Гвиану и довольно неожиданным образом выбрал работу в Почтовом Бюро — целый год он стоял за кассой («или как там это называется»...). Жинести, насколько я понял из его рассказов, немало испытал и был «готов ко всему»: как к самоубийству, так и к выживанию, как к работе киллером, так и к монашеству; но поразмыслив, что всё это слишком «ярко», он предпочёл продавать марки. Я получил от него письмо через год после нашей встречи, хотя ничто не позволяло мне предположить, что мои слова как-то затронули его. Теперь он делает

* Hotel de France Invalides — Государственный Дом инвалидов или просто Инвалиды — отель и архитектурный памятник в Париже (прим. пер.)

вид, что ищет золото в джунглях («делать вид» было страховочной мерой для некоторых из нас).

Перечитывая письмо, я подумал обо всех Жинести, которые бродят по миру, тех, кого я встречал в Индии или Гвиане, в Бразилии, во Франции... Этим людям, которые могут быть как святыми, так и террористами; этим аскетам, для которых больше ничего не имеет значения: ни положение, ни будущее, ни деньги, ни любовь, и которые продолжают бродить с этим бесполезным огнём в сердце — или остаются безмолвными и неподвижными в созерцании внутренней ледяной пустыни. За десять лет моих странствий я встретил немало Жинести, принадлежащих разным психическим и интеллектуальным уровням. Их образ и их вопрос я хотел бы передать тебе... Что мы можем сделать?

Кажется, среди сомнамбул нашей концентрационной эпохи начинается восход новой расы людей — и это наиболее чистые искатели приключений, авантюристы, подобным которым земля ещё не знала, рыцари Апокалипсиса, вызывающие ад и разрушения, сами того не желая; заключённые без камеры и гестапо, живущие в состоянии милости их ежедневного приговора; аскеты нового типа в состоянии молитвы, без церквей, без распятий; мистики, отказавшиеся от блаженства; кочевники и бродяги, больше не верящие ни в движение, ни в неподвижность. Это люди крайностей, пылающие сердца, полные контрастов, верные самим себе, как в горе, так и в радости; люди концлагерей, рождённые из небытия; люди без корней, но укоренённые в самих себе твёрже, чем камень в сердце скалы мира. Они — их собственная причина и их собственный крест, их ад и их блаженство. Они уже сожгли все бунты, все отрицания и стоят в одиночестве, словно голое ослепительное утверждение среди пустыни мира.

Это люди справедливые и чистые сердцем, но они не боятся самой вопиющей несправедливости и самой грязной нечистоты: они сполна участвуют в делах мира, и однако, недвижны, как камень среди неуправляемого дрейфа. Что делать с этими людьми?

Безусловно, все эти Жинести, готовые ко всему, представляют ужасающую силу, которую можно использовать. Я вообразил, а что если взять десяток таких — наилучшей закалки — из тех, кого я знаю, а потом, что: объединить их? организовать? Мне кажется, я смог бы

это сделать. Не знаю, почему, но мне кажется, что некоторое число таких людей чего-то ждут от меня; возможно, они смогли бы меня выслушать. Но что можно с этим сделать?? Решить этот вопрос значило бы решить вопрос нашей эпохи.

И потом, есть все те — гораздо менее продвинутые — которые, возникни у них такая мысль, готовы были бы поместить в местной газетке объявление типа: «Молодой человек 28 лет, не нуждающийся в деньгах, готов при случае совершить эффективный суицид. Родственным душам просьба воздержаться»... Вероятно, единственным предложением, которое бы им сделали, будь они восприняты всерьёз, было бы предложение заняться «преступной деятельностью». Наше общество — которое в спешном порядке готовится к ближайшему прошлому* — способно ли оно предложить что-то лучше? Начинаешь понимать популярность Гитлера и Сталина.

Гитлер или Сталин, как и все формы «полезного» или абсурдного суицида, не принимаются этой расой концентрационных людей, и именно эти люди — воистину, «соль земли», чистые непокорные. Именно к таким я хотел бы обратиться вначале, потому что мне кажется, что они должны превзойти ту стадию, где мысль и жизнь ЗАСТЫЛИ между двумя полюсами противоречий, и остаётся только продавать почтовые марки (или что-то в этом роде), пребывая в здравом уме и твёрдой памяти. Эта «трезвая ясность» приклеена к их лицам, словно пустая маска, делая их похожими на восковые статуи из музея Гревен: можно подумать, что они живые, но они лишь подражают жизни, со смертью в душе и с авторучкой в руке. Вот им я хотел бы сказать с достаточной силой: «Оставь всё и отправляйся в дорогу. Потому что мужество есть и в том, чтобы идти — даже если это абсурдный процесс, даже если твоей «ясности» претит театральная напыщенность Гвианы или Сахары. Создай роман, создай театр, не бойся ничего, поставь на сцене сюжет своей жизни; скоро всё это высохнет под жаром светила. Романтическая идея твоей жизни и твоей ясности захрустит на солнце и отвалится, как старая корка — останутся лишь движения твоего тела, которое трудится в дороге; и в обнажённом пылу этого тела твой рассудок замолкнет; в этом шуме крови в висках, в мышцах, толкающих вперёд, чтобы

* Аллюзия на фантастический роман о нацизме «La prochaine dernière» автора Marguerite Hersin, написанный в 1940-45 гг.

сделать ещё один шаг, в этом голом каркасе *родится некая вещь*, которой тебя не смогла научить неподвижность; ты испытаешь новую Радость, новое согласие с самим собой; ты будешь расти в сознании. Ибо есть мужество и в том, чтобы идти, и тебе нужно было всё оставить, чтобы заметить, как это всё тянуло тебя назад, несмотря на твою приклеенную ясность; вся эта рутина метро, или твоё почтовое бюро, или твой кабинет врача, весь этот комфорт твоих ежемесячных окладов, твоих приёмов пищи по расписанию. Пойманный в ловушку небытия, ты оставался застывшим в своих внутренних песках перед целой вселенной возможностей. А теперь "встань и иди".»

Брат, мы фальшивые парализованные. Мы не знаем всей нашей мощи, всех наших сил. Мы рады освободиться в мыслях, через мысль, это ведь не будет стоить нам никаких физических лишений. Я хотел бы сказать с достаточной силой — и я испытал это множеством способов, — насколько плодотворен этот процесс ходьбы, эти лишения. Если бы в этих странствиях не было правды, то достаточно было бы сидеть за столом и писать романы — именно этим и занимаются наиболее интеллектуальные. Один за другим они рисуют образы действия и исчерпывают их с помощью авторучки; в конечном счёте они встречаются у галереи разбитых марионеток, как в ярмарочном тире. Но они не коснулись глубинного источника жизни, если не считать глубин своей чернильницы... Жинести, пожертвовавший Почтовым Бюро ради девственного леса, позже описывал мне это внутреннее расширение, которое он испытал.

Есть и другой образ, о котором я хотел тебе рассказать, один парень — Сильвен — с которым я познакомился в последнюю зиму, проведённую в Париже. Сильвен, сын пастора, побывал в Дахау*. Выйдя оттуда, он выбрал сначала работу продавца, затем старшего писаря у лавочника Трюффо в пригороде Парижа. Вначале это выражалось как *насмешка*, и он рассказывал мне о своих выходках во время торговли зерном (у Сильвена большой талант комика. А ещё он очень хороший органист; почти каждый вечер он закрывался в отцовской Молельне и играл Баха). Рассказывая мне о своих комических скетчах с клиентами, он говорил: «Это как если бы я каждый раз понемногу убивал себя». А затем он соскользнул в некое

* Дахау — один из гитлеровских концлагерей (прим. пер.)

более глубинное молчание, по ту сторону любых насмешек, и стал старшим писарем: два раза в день пригородный поезд в Сен-Лазар, ведомости и небольшое повышение по службе. Хочу попытаться передать тебе как можно точнее его слова: «Вначале есть некое удовольствие измерять эту пропасть между определённой внутренней силой и пошлостью обстоятельств. И маленькое «я» внутри меня трепещет от удовольствия. Затем однажды садишься в пригородный поезд *не думая*, потом ещё раз, как ни в чём не бывало. Потом ты уже совсем ни о чём не думаешь, и дни пролетают как ветер. Живёшь совсем один, насколько это возможно. И соскальзываешь в отсутствие».

Однажды вечером посреди парижской зимы перед отъездом в Гвиану я собирался увидеться с ним, и обнаружил его совершенно голым на его балконе — где он провёл, должно быть, немало времени. Смутьившись оттого, что его обнаружили, он сказал мне: «Понимаешь, здесь, на балконе, *я вспоминаю самого себя*». И помолчав, добавил: «В концлагере я всегда ощущал, что присутствую»...

Я знаю Сильвена достаточно хорошо, чтобы подтвердить, что это не было мазохизмом, он слишком продвинут для этого.

«Я вспоминаю себя самого»... Это фраза и обстоятельства, в которых она была высказана, кажется мне полной смысла. Похоже, мы столь редко вспоминаем нас самих, а когда мы пытаемся вспомнить себя, всё происходит так, будто мы на грани того, чтобы вспомнить нечто очень важное. Кажется, что присутствует дыра в памяти, и тем не менее зыбкое ощущение, что нечто присутствует здесь, ожидая, когда мы его вспомним; как будто забытое слово, которое «вертится на языке», но никак не приходит на память. Именно это первичное воспоминание нас самих мы и должны вспомнить, легендарный «третий глаз», который мы должны открыть. Мы имеем достаточно знаков, указывающих на те силы, которые дремлют в наших глубинах и которые должны быть обретенны; также у нас достаточно доказательств иного светящегося и пронизательного образа, нашего истинного облика, который должен быть вытянут на дневной свет. Где-то, помнится, Христос говорил своим ученикам: «Оставь всё и следуй за мной». Мне кажется, всё должно быть оставлено, в буквальном смысле, но следовать мы должны за нашим внутренним Христом, к зарытой в самых глубинах нашего существа

божественности, которая должна быть обретена. (...) Жинести в Кайенне или Сильвен в Париже предчувствовали необходимость этого поиска, и они постигли, что усилие, я бы сказал, почти физическое усилие, является обязательным дополнением интеллектуального рассмотрения. Мне хотелось бы суметь передать уверенность, что в нас *остаётся* нечто, что мы должны обрести: мы не знаем ни всех наших могуществ, ни масштаба наших владений. Варварский способ на балконе имеет свой смысл. Я предпочитаю ходьбу, странствия, физическое напряжение, о котором рассказывал выше. В дороге рождается некая вещь, создать которую бессильны любые интеллектуальные исследования. Похоже, что возможность наибольшей свободы, наивеличайшей силы даётся нам наиболее тяжёлым испытанием (лично я имел этот шанс в лагерях).

Я мог бы описать тебе десятки образов, подобных этому Жинести, Сильвену. Но есть другие, которых встречаешь в самых неожиданных ситуациях — выпускники политехнических ВУЗов, директора Компаний, — и которых внезапно словно поражает молния, как будто падает маска. Я иногда слышал весьма удивительные признания. Возможно, в моём способе жизни есть что-то провокационное для этих взрослых граждан, в любом случае, для них это проблема, беспокойство. Тонкая плёнка спокойствия, под которой живут эти серьёзные люди, быстро превращается в лохмотья. Нужно сорвать все эти плёнки, быть скандальным, пробудить этих людей для них самих.

И я возвращаюсь к вопросу, который задавал в начале этого письма: Что делать с этими людьми? Как воздействовать на них, общаться с ними?... Писать романы недостаточно (я попробовал в Рио, написал три четверти «романа», начиная с титульного листа, и остановился на этом). Хотелось бы воздействовать на людей напрямую, силой на силу. Идея объединения этих людей кажется мне напрасной... возможно, она имела бы свой смысл позже, в течение русско-американского конфликта, если мы вдруг захотим подготовиться к грядущему апокалипсису; я полагаю, что эти люди будут в самой большой опасности, именно когда станут победоносными, как у русских, пока длится их сомнительная победа: ибо есть некоторые основания полагать, что именно в условиях наименьшей безопасности пробуждается сознание; ни «Шевроле для

любого кошелька», ни «гарантированный прожиточный минимум» не привлекут людей к их более великой правде. В определённом смысле, концлагеря сделали больше для судьбы человека, чем пенициллин. Трудно придумать, как объединить этих искателей приключений нового вида, а объединившись, не растеряют ли они весь свой смысл? Но тогда что делать??

Здесь есть всё для того, чтобы убедить нас, что нет иного приключения, кроме внутреннего — наиболее прекрасного из всех и, может быть, наиболее опасного. Так что, похоже, что этим искателям приключений даётся единственная задача — задача индивидуальная: довести до крайности этот мир и людей, которые ещё не полностью заснули, через противоречия и надежды, через абсурдность, к этой последней границе между льдом и пламенем, на которой человек оказывается целиком захвачен всей своей наготой, своим безмолвием; это как последнее средство и последний шанс, последнее поприще. Именно начиная с этой наготы начинается преобразование человека. Никогда не бывает слишком много непокорных, слишком много провокаторов. В определённом смысле, я всегда пытался нести скандал и возмущение повсюду, где я находился.

Но это настолько ограниченное действие... Что мы можем сделать? Какое мы имеем право воздействовать на других, в то время как мы сами обладаем столь жалким господством над своими внутренними силами, пребываем в потёмках, бросаясь от более-менее невротической депрессии к слишком нервной радости. Существует такой разрыв, такая задержка между этим существом света и проницательности, которое пытается родиться из наших глубин, и давящей массой наших физических и ментальных автоматизмов. Не путём странствий от одного тропика до другого, реализовав мимоходом пару проблесков, сможем мы исполнить нашу роль. Но в таком случае... И я по-прежнему одержим Индией, некоторыми из людей, которых я там встретил, которые *знают*, которые обладают могуществом. Мне нужно найти в себе мужество окунуться в эту великую Индию — и вернуться, когда я обрету некоторое мастерство... (Чем дальше я иду, тем больше убеждён, что судьба мира решается или будет решаться в Азии — я имею ввиду Азию не в плане стратегическом, но в плане оккультном).

Это уже не письмо, а целый роман... Как трудно услышать его

истинный голос посреди грохота слов — надеюсь, в случае необходимости ты его услышишь, несмотря на мои собственные слова. Прощаясь, оставляю тебе свой вопрос: «Что мы можем сделать?» и если ты не прочь мне написать, хотел бы услышать твой ответ перед тем, как отправиться в дорогу, но я не могу ждать слишком долго.

С братским приветом
Б.

Валадарис, 12 ноября 52
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар,

Конечно, как ты пишешь, я «буду подыхать с голоду до самого последнего своего дня» — однако, я предпочитаю умереть с голоду, но ощущать свободное и наполненное сердце, бьющееся в груди. Это сильнее меня, и я не чувствую в себе мужества торговать своей нынешней реальной свободой ради сомнительной свободы в пятьдесят лет, когда я буду иметь солидный счёт в банке. И какое мне дело до будущего, если всё моё настоящее *наполняется* будущим... У меня нет тех причин стремиться к стабильности, которые есть у тебя: есть лишь нескончаемый бунт, неутолимая жажда Свободы, которую я почерпнул из кратких омерзительных рассветов Бухенвальда и Маутхаузена. Есть во мне некая вещь, которая не заснёт уже никогда.

Следовательно, я пишу тебе сейчас, чтобы сохранить своё место на *Провансе*, о своём отплытии я сообщу Е.В. 20-го.

Будь мужественным, старина. Твоё безденежье скоро закончится, и я желаю, чтобы у тебя было немного счастья, которого ты заслуживаешь.

Б.

Валадарис, 20 ноября [1952]
Клари

(Последнее письмо из Бразилии)

Дорогая подруга, ваше последнее письмо оставило меня в задумчивости, и я заметил — всё, что касается вас, трогает меня до глубины души; нет ни одного из ваших поражений, ваших бунтов или ваших тревог, которые не были бы моими. Я думаю о той «пустыне», которая вас окружает, и я не могу поверить, я не хочу допускать, что то ценное, что есть в вас, не сумеет «выжить» в Карачи, как вы пишете. Я верю, что нужно испытать всё — неважно, какой ценой, неважно, с каким риском, — чтобы обрести или сохранить эту уникальную ценность, которая делает нас динамичными и сознательными существами посреди окружающих сомнамбул. В конце концов, Подруга, у нас нет других причин жить, не так ли?

Как бы я хотел заставить вас разделить мою уверенность, что есть нечто несравненное, что мы должны ОБРЕСТИ в нас самих. Мы лепечем и шатаемся, словно дети в ночи, но иная сила, иной образ в наших глубинах — образ Радости и Проницательности — ожидают, когда же у нас появится мужество принять их. Всё, что нужно, это только захотеть, только *подумать* — но мы не умеем думать как следует, и мы вращаемся по кругу, следуя нашим привычным ментальным и физическим автоматизмам, мы не умеем концентрироваться... Подруга, хотелось бы рассказать вам с достаточной убежденностью об этой странной радости, этой светоносной Силе, проникающей в нас словно живой источник, как только мы объединяемся, стягиваемся вокруг нашей наиболее внутренней Сущности. Подруга, мы живём на уровне кожи и знаем лишь малую часть наших владений, но должны быть обретены иные Могущества, иное более великое сознание; они здесь, в пределах нашей досягаемости, и, я это знаю, нам лишь нужно открыть глаза. Разве не написано: «Они имеют глаза, но не видят, они существуют, но их нет»... Уверяю вас, Подруга, вы не имеете права оставаться во сне, уступать рутине и обыденности в Карачи или в вашем собственном сердце.

Возможно, завтра вы напишете мне, чтобы я не обращал внимания на ваше последнее письмо, что это была лишь минутная слабость... Подруга, не обманывайте себя и оставайтесь внимательной

к тем минутам тревоги, посещающей вас. Реагируйте неистово, если понадобится. Вы не имеете права позволять себе медленно угасать между бриджем в душный полдень под мурлыканье вентиляторов и хмурым вечером, который нечем разбавить кроме новинок «Century Fox» или болтовни английской Колонии. Разве ради этого вы ушли от Жилле?

Возможно, я ошибаюсь. Но знаете, сегодня речь уже не идёт о том, чтобы найти другого Макса, вы знаете, что это больше не «физический вопрос» — или не только физический — как вы тогда думали... Возможно, вы уже догадались, что оставляя Жилле, вы искали не только Макса, но некое, не знаю какое, свершение для себя самой — что-то, что не принадлежало ни Жилле, ни Максусу и что было вашим величайшим одиночеством, некой неустранимой, *непримиримой ценностью*, чем-то вашим.

Было бы проще решить эту проблему и ускользнуть от своих тревог, воображая, что другой Макс мог бы избавить вас от этого груза — но мы одни на этом пути, на пару с самими собой, как в лучших своих проявлениях, так и в худших. Настанет день, когда нам придётся столкнуться ЛИЦОМ К ЛИЦУ с этими непримиримыми самими собой и идти до конца. Настанет день, когда нам придётся сказать ДА и объединить, сплотить самих себя вокруг нашего наиболее внутреннего сердца, вокруг нашего величайшего одиночества, и это словно свежий источник после долгого пути по пустыне. Нет другого выхода, Подруга, нет уловок. Нет других Максусов — или тогда соскальзываешь в «пустыню», о которой вы говорили, что служит лишь ещё одним способом умереть; мир полон таких живущих-мёртвых.

Я отказываюсь признать, что вы так поступите, что вы — «сама стерильность»; возможно, вы думаете о книге, которой вы не напишете, ребёнке, которого у вас не будет, о единственной великой Любви, которой вы не обретёте... Подруга, настоящая стерильность, подлинное бесплодие — в другом. Подлинное бесплодие — это сознание, отказывающееся видеть ясно и принимать возможности для своего собственного развития. Именно с этим подлинным бесплодием вы столкнулись в настоящий момент и, возможно, именно его вы собираетесь выбрать: разве не вы мне писали, что эта стерильность вас «не беспокоит»? Может быть, причина ваших непрерывных

головных болей не только физическая: всё, что мы калечим в себе, всё, от чего мы отрекаемся в себе, отомстит и проявится снова каким-то иным образом — либо в головных болях, либо в тревогах, либо в грязном, рассеянном сознании. Я не верю, что вы умышленно выбрали дезертирство от самой себя. Ведь это дезертирство, не так ли?

Я знаю, как трудно не заснуть, подобно всем этим лунатикам, посреди которых мы живём, всем этим людям, удовлетворённым своим маленьким браком, счётом в банке и продвижением по службе. Я знаю, как трудно жить в одной и той же среде, кружась в одном и том же кругу отношений или мыслей (я имею ввиду Карачи). Мы под воздействием неисчислимых автоматизмов, психических и физических, заставляющих нас катиться по чрезвычайно обыденной колее... Если я веду жизнь кочевника на протяжении десяти лет, то это именно для того, чтобы разбить эту автоматику и всегда пребывать в новом относительно себя самого; активно ПРИСУТСТВОВАТЬ в собственной жизни, быть доступным для этой уникальной Силы и этого уникального внутреннего голоса. Вне всяких сомнений, мой номадизм не удовлетворил бы вас — хотя мы с вами одной расы. И я интенсивно ищу, какой путь мог бы подойти вам. Я так хотел бы помочь вам... Мне кажется, вам следовало бы покинуть Карачи хотя бы на несколько месяцев. В Европе слишком шумно, а у меня впечатление, что для того, чтобы вновь прийти в себя, вы нуждаетесь в настоящем одиночестве, а не половинном псевдо-одиночестве Карачи. Почему бы вам не попробовать навестить моего старого друга Эрла БРЮСТЕРА, о котором я вам, определённо, рассказывал. Он удалился в Гималаи и живёт там в одиночестве уже около двадцати лет. Проводит свою жизнь в рисовании, медитациях, чтении и слушании музыки (у него внушительная библиотека и хорошие диски). Это человек наиболее тонкий, наиболее чувствующий из всех, кого я встречал, и более того, он из тех, кто ВИДИТ и кто ЗНАЕТ. Эрл Брюстер для меня как брат, хотя между нами разница около сорока лет — мы в постоянной переписке с самого моего отъезда из Индии. Если вас заинтересовала эта идея, дайте знать, и я тотчас же напишу ему. Недалеко от дома Брюстера, в лесу, есть что-то вроде бунгало, более-менее заброшенного, которое вы могли бы снять недорого и жить в нём, в материальном плане вы вряд ли испытали бы трудности

в качества повара-дворника. Уверен, что вы были бы очарованы большим сосновым лесом и мимозами, величественными хребтами Гималаев высотой семь тысяч метров, расстилающимися перед вашими окнами... наконец, истинным одиночеством и обществом Брюстера поблизости.

Уверяю вас со всей своей нежностью и дружбой, что пребывание там с любой точки зрения было бы правильным для вас. Макс, разумеется, поймёт, что такое изменение атмосферы будет вам полезным, к примеру, для излечения ваших головных болей. Что вы думаете об этом?? Это конечно, эгоистично, но я был бы счастлив знать, что Брюстер в его возрасте будет не один.

Спешу вам сообщить, Подруга, что вы должны адресовать своё письмо «До востребования — ДАКАР — Африка», ибо я собираюсь оставить Бразилию через месяц, в конце декабря. Конечно, я не собираюсь оставаться в Дакаре — это место, где я высажусь на берег. Не представляю, чем я буду там заниматься, но еду с твёрдым намерением отправиться в Пустыню под любым предлогом. (Я тоже нуждаюсь в истинном одиночестве). Как обычно, у меня едва хватает на то, чтобы оплатить билет третьего класса и продержаться пятнадцать дней в Африке, но теперь это легко для меня; я ощущаю в глубинах себя необычайное ПРИСУТСТВИЕ и великую ясность. Всё стало простым, и я медленно возрастаю в направлении радости с тех пор, как я сказал ДА этому внутреннему Другу и внутреннему руководителю. Мне нужно немного пустыни, прежде чем снова встретиться лицом к лицу с Францией. После пребывания во Франции я надолго возвращусь в Индию для внутренней работы. Прежде чем воздействовать на других и быть принятым миром, нужно стать хозяином своих собственных внутренних сил, поэтому я и хочу возвратиться в Индию. Мне кажется, когда приобрету это необходимое внутреннее господство, мне будет дано некое иное действие в мире, некая более широкая эффективность. В конечном счёте, мы живём для других, чтобы помочь другим пробудить их «я», но сначала нужно быть готовым пробудить себя... Я не знаю, реализуется ли эта обширная программа, но мне кажется, что начиная с концлагерей вся моя жизнь ведёт к этому — у меня не было других причин выжить в этом небытии.

Также с некоторым честолюбием я наблюдаю, что чем больше ты

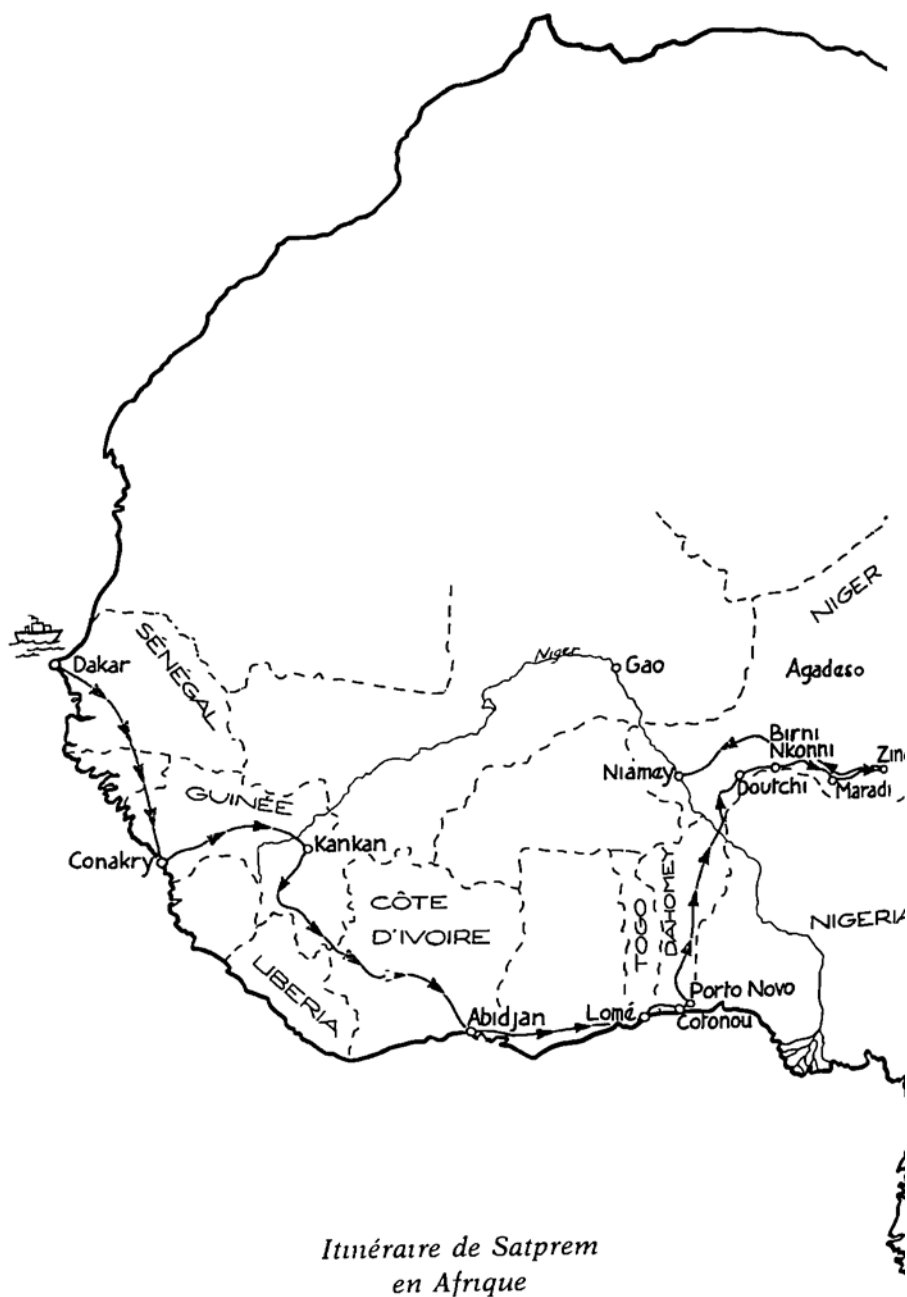
равнодушен к материальному успеху, тем легче его получить — Уотсон, являющийся в некотором смысле «Королём Слюды», неожиданно предложил мне солидное «положение в будущем»; но наше Будущее — наше наиболее обширное богатство — не находится ли оно здесь, сейчас, всё целиком, в самых глубинах нас? Подруга, нужно быть чертовски БДИТЕЛЬНЫМИ — мы не можем игнорировать эту единственную надежду, этот единственный в мире шанс, разменяв его на тряпки; мы не можем противиться этому росту нового человеческого качества; мы не можем заснуть в нашей мелкой будничной рутине, когда всё указывает нам путь к этой новой Радости, этой Силе, этой Проницательности. Пришло время, великое время, поверить в самих себя. Обнимаю вас.

Б.

Шестой этап

Африка — Возвращение во
Францию

(1953)

Маршрут Сатпрема по Африке

Фрагмент Дневника

(Путешествие на нижней палубе Прованса между Рио и Африкой. Ночью, перемахнув через кордоны (запретная зона), я украдкой забрался по форштевню на борт с Жизнью Божественной в руках... дабы испытать судьбу.)

Дакар (Сенегал) 8 [января 1953] вечер.

Брожу по городу, повсюду натываясь на «отель заполнен». В конечном счёте я покинул такси — счётчик которого уже испытывал головокружение — и оставил багаж в бистро. В другом бистро мне посчастливилось угостить выпивкой краснорожего француза, который устроил меня под крыло своего «компаньона», благодаря чему я получил комнату в Отеле *Глобус*.

Ночью вой сирены, возможно, с «Прованса», возвращающегося в Марсель?

Разделяю свою комнату с неизвестным, который прибудет позже ночью⁵⁶. Пишу эти строки лёжа на своей кровати. Свет неоновых вывесок, голубой и розовый, льётся со всех сторон на стены отеля и стены напротив — как высохшее пирожное. Наконец, я возвратился во «французскую страну» и я забыл, до какой степени французы похожи на свои карикатуры: сопящие носы, взгляды, раздевающие женщин, оплывшие от сытой жизни лица и взгляды Месье, обеспокоенного тем, «что могут сказать?» — по крайней мере, это то, что поразило меня в ресторане «Глобуса», где я ужинал.

Другое, что меня поразило в том же ресторане, это тягостное впечатление фальшивого мира, «крикливого», как неоновые цвета отеля. В целом неплохие люди, но живущие только благодаря декорациям и маскам, без которых они исчезли бы, как клоуны...

56 Этот неизвестный, молодой алжирец почти того же возраста, что и Сатпрем, вовлечёт его в наиболее безумное и дикое приключение из всех: путешествовать через Африку и продавать словари Ларусса. Когда он пришёл поздно ночью, первыми его словами были: «Вы не против жить в одной комнате с евреем?» Сатпрем был ошарашен.

(Это письмо Сатпрема его матери, которое таинственным образом сохранилось благодаря его брату Франсуа).

*До востребования
Конакри (Гвинея)*

Конакри, 18 января 53

Дорогая Матушка, пишу это письмо, чтобы избавить тебя от волнений по поводу моей судьбы. Я получаю наиполнейший и удивительнейший человеческий опыт, подобного которому у меня ещё не было. Со своими Ларуссами под мышкой (точнее, макетами Ларусса) я проникаю повсюду, вхожу в любые круги — и какие круги! Я наблюдаю человеческую трагикомедию под всеми углами и уверяю тебя, что спектакль того стоит. Было бы чересчур рассказывать тебе обо всех этих опытах. Хочу только заметить, что Ларуссом можно прокормиться лучше, чем я предполагал. Дней через десять у меня будут средства на то, чтобы покинуть Конакри и снова подняться вглубь Гвинеи в направлении Канкана. Я уже прошёл больше восьмисот километров, и мне остаётся меньше трёх тысяч до Агадеса. Теперь я определённо намерен достичь своей цели, этап за этапом. Впрочем, мне мало интересно, примут меня или нет в «Рудниковое Сообщество Дагомей-Нигер», ибо я нахожу Ларусса неожиданным исследовательским инструментом. В Агадесе я всегда найду средство подняться.

В остальном всё хорошо, здоровье в порядке, и я чувствую себя в отличной форме для любых задач.

Если ты мне напишешь, то из-за неопределённостей моих путей лучше всего адресуй письма До Востребования, Конакри, откуда я сообщу свой адрес.

Ты получила моё последнее письмо из Рио?

Не расстраивайся по поводу меня, матушка, всё будет в порядке, материально и «морально». Чем дальше я иду и чем больше углубляюсь в свои поиски, тем больше я уверен в своих силах и в своей цели, которую я предвижу.

Обнимаю, матушка.

До востребования
КАНКАН (Французская Гвинея)

Конакри (Гвинея) 1.2.53
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар, я надеялся получить от тебя новости, прибывая в Дакар. Возможно, это абсурдно, но ты словно точка незыблемости посреди моих скитаний, и жар твоей дружбы ценен для меня — я по-прежнему чрезвычайно одинок.

Перед отъездом из Рио я узнал через Уотсона, что твои дела пошли на поправку, и твои тяготы, наконец, будут оплачены; меня это обрадовало, тем более, что такой поворот ситуации поможет тебе избежать нового переселения, которое было бы нелегким делом: я с тревогой представлял твою высадку в Бразилии без Маник и без маленькой лампы. (Ты получил два или три моих последних письма из Бразилии?)

Что касается меня, я обрёл свободу, суровую трудную свободу в полном одиночестве, но я ощущаю своё сердце полным сил; временами дороги Африки дарят мне великие радости. Хочу верить, что состояние напряжения и обнажённости, в котором я живу, однажды принесёт свои плоды.

В Дакаре у меня были довольно трудные дни, все сахарские рудниковые Компании, в которые я обращался, по очереди захлопывали двери у меня перед носом. В конечном счёте я оказался почти без единого су. Исчерпав все возможности, я случайно встретил оранского* еврея, предложившего мне отправиться внутрь Африки, по пути продавая словари Ларусса. Я поехал. С каждой проданной книги я получаю немного денег. Вопреки моим опасениям, на Ларуссе почти можно прокормиться. Сейчас я в Конакри. Через несколько дней у меня появятся средства продолжить свой путь в направлении

* Житель города Оран в Алжире (прим. пер.)

Канкана.

Следуя от деревни к деревне, от города к городу, я надеюсь достичь границы Сахары, Агадеса, примерно в 3500 километрах от Дакара. Я утвердил себе целью Агадес, потому что знаю, что там существует горнодобывающая Компания, осуществляющая разведочные работы в Сахаре и в частности в Аире*. Я надеюсь устроиться там как изыскатель. Рассчитываю прибыть в Агадес через три месяца, если словари будут хорошо продаваться. Вот такие дела.

Иногда я задаюсь вопросом, может ли наша дружба помочь тебе понять меня. Возможно, ты строго осудишь меня, как и все остальные? Возможно, ты подумаешь, что я к тому же ещё и неудачник. Однако, я хотел бы сказать тебе о той внутренней силе, которую я в себе ощущаю, о том огне, который меня сжигает. В мире, полном мелких и великих предательств, я пытаюсь остаться верным самому себе, этому внутреннему центру, не запятнанному никакими компромиссами. Я стараюсь жить на пике самого себя. Никогда ещё я не пребывал в таком остром НАПРЯЖЕНИИ.

В своих скитаниях я часто думаю о тебе и временами немного опечален отсутствием новостей.

Обнимаю моего старого Бернара.

Б.

*До востребования
АБИДЖАН
Берег Слоновой Кости*

Абиджан (Берег Слоновой Кости) 16 марта 53
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар, мне доставило истинное удовольствие чтение твоего письма, проследовавшего за мной от Канкана до Абиджана; я нуждался в дружеском письме... Я действительно миновал тот возраст, когда играют в «непонятого» — но слишком

* Аир или Азбин: плоскогорье в южной части части Сахары (прим. пер.)

мало людей, которые меня понимают, и моё одиночество всё глубже. Чем больше я странствую, тем больше ощущаю потребность писать, ну или, наконец, передать ту вещь, которая упрямо бьётся в глубинах меня; мне не хватает свободного времени, чтобы возобновить труд над книгой, начатой в Рио... О, не «успеха» я ищу, но мне так хотелось бы свидетельствовать о той силе, том качестве, той ценности, которые я в себе ощущаю; и моя жизнь — это не «литература», применённая на практике, как ты пишешь, но отчаянное утверждение единственных оставшихся ценностей в нашем мире, который отказывается от своих убеждений. Эта книга, если я её напишу, определённо, не будет иметь никакой другой ценности, кроме силы, качества своего свидетельства. Начиная с лагерей я прошёл долгий путь, ведущий от смерти к воскрешению — именно об этом я хотел бы сказать, раскрыть небеса над их муравейниками.

Тем временем я заканчиваю долгий маршрут, ведущий от Конакри до Абиджана, пересекая всю Верхнюю Гвинею и Берег Слоновой Кости. Я путешествовал наудачу, пересаживаясь на грузовики с арахисом или кофе, с врачами или плантаторами; заходил в деревни, затерянные в лесах на границе с Либерией, спал в негритянских караван-сараях и обедался бананами — а также продавал Ларусса! Часто меня принимали за сумасшедшего, но я слышал печальные звуки там-тамов и видел чёрные племена, ещё не тронутые грязью цивилизации. Потом я заболел где-то в захолустье Берега Слоновой Кости. Не знаю, что это было, но всё увенчал мощный кризис малярии⁵⁷, полностью меня опустошивший (физически, морально и финансово). Тогда я спустился в Абиджан, дабы «восстановиться», во всех отношениях. Теперь всё в порядке, и примерно через десять дней я собираюсь в Дагомею: в Котону и Порто-Ново. Я снова поднимусь через всю Дагомею к Ниамей-Гао, чтобы, наконец, найти пустыню, «если Бог захочет». Неприятность в том, что я прибуду туда в самый скверный сезон, и я спрашиваю себя, не стоит ли мне переждать и прийти к лучшей форме, чтобы идти дальше. Тем не менее начиная с Гвианы, я начинаю ощущать физический износ, и хочется провести два-три месяца в каком-нибудь тихом уголке Бретани. В конце концов, увидим... Как бы то ни было, в

57 Сатпрем никогда не был уверен, что это малярия, но это было удобным «объяснением».

следующем ноябре-декабря я твёрдо решил, если позволят финансы, сбежать в Индию. Я слишком долго откладываю этот решающий для меня этап, и если я покинул Уотсона, то это потому, что я не представляю себе иного «будущего», кроме как в Индии. Если там я смогу быть полезным для тебя, то тем лучше, и для меня будет большой радостью снова увидеться с тобой и познакомиться с Маник — но полагаю, что я продолжу свой путь дальше, сначала к Брюстеру, затем в Гималаи, где я, возможно, получу так необходимую мне «инициацию».

В твоём письме ты пишешь, что я мог бы быть тебе полезным, чтобы разработать твои заметки по традиционным вопросам. Ты думаешь, мне нравится «вытягивать» из тебя то, о чём ты позволяешь себе умалчивать! Возможно, мир и отрекается от своих убеждений, но есть несколько человек, подобных мне, которые могут тебя понять и которых ты не должен отвергать по причине слабости, вялости или разочарования; и ты это ЗНАЕШЬ. Для меня было бы великой радостью провести с тобой некоторое время, ведь есть столько вопросов, которые нужно решить и которые меня интригуют. — Но временами в какой-нибудь из вечеров у меня просто кружится голова при взгляде на весь этот путь, который всё ещё отделяет меня от Индии; она так далеко, и предстоит продать ещё несколько сотен килограммов Ларусса, прежде чем преодолеть Суэц!...

Кроме всего прочего, я получил очень трогательное письмо от Уотсона. Это письмо глубоко тронуло меня не столько его предложениями, сколько выражением его отцовской дружбы. Конечно, я теряю «великолепный» шанс, но мне кажется, что я не найду Покоя, пока не возвращусь в Индию... От имени себя и своего брата Уотсон пишет, что в Бразилии меня всегда примут, если вдруг я захочу поймать шанс, предложенный мне, и он подчёркивает: «This business will continue long after my brother and I have passed off the scene⁵⁸». Уотсон предлагает увеличить мою зарплату в три раза «to begin with, and satisfactory upward adjustment within each year⁵⁹». Наконец, вместо квартиры в захолустье, как раньше, он предлагает мне перебраться в Рио... Всё это соблазнительно, и я весьма тронут

58 «Этот бизнес будет жить ещё долгое время после того, как я и мой брат уйдут со сцены».

59 «...для начала, и впечатляющее повышение каждый год».

дружбой Е.У. Но что делать??? Как ответить? Полагаешь ли ты, что для удовлетворения материального благосостояния я смогу отказаться от всего того, что мне дорого, от единственных ценностей, которые держат меня в жизни??? — Бывают вечера усталости и отвращения, когда я чувствую себя готовым отступить; бывают дни, когда я чувствую себя изношенным и полностью опустошённым — но разве это повод отречься от самого себя?... В то же время мне хотелось бы понежиться на солнышке несколько недель на пляжах Бретани. Возможно, тогда я видел бы более ясно и был более уверен в своих силах.

Пиши мне, старина. П.Р. из Абиджана перешлёт письмо, я надеюсь.

Обнимаю вас с Маник.

Б.

Ломе (Того) апрель [1953]
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, твоё последнее письмо глубоко меня опечалило — вероятно, ты всё ещё видишь «литературщину» в этой боли, я не настаиваю. В сравнении с тоном всего твоего письма, это меньший из упрёков и твоих слишком поспешных суждений, делающих из меня лицемера. Во всём твоём письме чувствуется раздражение, довольно частые бесполезные оскорбления, желание давать пощёчины. Почему? И потом, потеря друга всегда вызывает боль в сердце, и ты, возможно, кое-что понимаешь в этом.

Я ждал, прежде чем ответить тебе, потому что хотел выразиться ясно, или по крайней мере попытаться это сделать — несмотря на твои насмешки. Главным образом, мне не хотелось, чтобы наша дружба закончилась подобным недоразумением. Заверяю тебя, это в последний раз, когда я тебе «надоедаю»...

Тебе нелегко переварить тот факт, что я покинул Уотсона. Для тебя единственным правдоподобным мотивом такого решения было моё желание удивить, «эпатировать» тебя: я не вижу ничего эпатирующего в решении, которое не имеет смысла само по себе, но

лишь несёт в себе нечто для будущего. (В том же духе я уволился из Колониальной Школы и покинул Бюро Рудников в Кайенне. И доллары Уотсона ничего здесь не меняют). Наконец, признай, что моя «публика» была бы гораздо менее многочисленной, если бы я отказался от шанса разбогатеть только лишь для того, чтобы произвести на тебя впечатление... У меня не так много друзей, за исключением Брюстера и Ашрама. Если бы Уотсон не был твоим другом, а я не был твоим, я бы однозначно не держал тебя в курсе всех этих дел. И вероятно, я не сказал бы тебе ни слова об этом деле, если бы не был так одинок.

Есть ещё одна вещь, которой ты не знаешь и которую, возможно, теперь поймёшь лучше, — что в каждом своём письме я обращался не к собственному «зеркалу», но к другу, чьей страстности и пыла мне недостаёт. Ты не представляешь, до какой степени я нуждался в этом друге. В действительности, уезжая из Бразилии, я покидал не столько Уотсона, сколько женщину, это единственная женщина, которую я полюбил за всю свою жизнь, её имя Иза. Не хочу впадать в литературщину, говоря о ней — могу лишь сказать, что это больно. Думаю, ты понимаешь, что моей целью в последних письмах было найти ободрение и немного дружбы от тебя, но никак не желание «блефовать», пускать пыль в глаза. «Блеф» обошёлся бы мне слишком дорого.

Сколько раз, разъезжая по Африке, я готов был отказаться от всего, написать Изе, что я возвращаюсь, а Уотсону — что я принимаю его предложения. Сделать это было намного проще (и я никогда не считал, что разбогатеть — это «стыдно»!) Бернар, как ты мог подумать, что я вкалывал, продавая эти проклятые Ларуссы, лишь ради того, чтобы тебя удивить! Бог мой, мне нужна была не публика, а лишь немного понимания и дружбы в трудный период.

Это письмо не для того, чтобы потеряться в горечи или ненужных сожалениях, — но чтобы расставить вещи по местам и разъяснить тебе цель, которую я преследую, ибо последние шесть лет наша дружба отмечена лишь недопониманием.

Именно в Индии, вначале в Ашраме Понди, затем у Брюстера, я обнаружил это внутреннее божественное Присутствие — извини за литературщину — которое наполнило мою жизнь, в то время как не оставалось больше ничего после Бухенвальда. Трудно описать этот

довольно ошеломляющий *опыт*, ибо это подобно тому, как будто разрывается завеса, словно заново обретаешь своё детство. Ты понимаешь, всё умерло во мне, а затем вдруг этот Свет — потом уже я прошёл немало всяческих туннелей, но воспоминание об этом Свете остаётся; это *отпечаток*, раскрытие, которое невозможно забыть. Мне кажется, что больше НИЧЕГО в жизни не имеет смысла, кроме поисков Этого. Именно для «этого» (извиняюсь за столь неясный словарь, но в этой области немного литературы) я покинул Изу и Уотсона.

В Индии, уйдя от Барона, я хотел возвратиться в Ашрам, но мне посоветовали пойти в Алмору и увидеться с Брюстером, которого я тогда не знал. У Брюстера, а затем в близлежащем ашраме я получил другие опыты и колебался между Ашрамом в Понди и Ашрамом в Миртоле. В конечном счёте я получил письмо из Понди, в котором мне перед принятием окончательного решения рекомендовали «очиститься», «исчерпать некоторое количество противоречивых тенденций» в себе и возвратиться во Францию. На протяжении пяти лет я «исчерпал» немало вещей... На дорогах Гвианы и Бразилии я научился познавать свои собственные силы, я испытывал себя различными способами и доказал себе, что способен достичь материального успеха (если я возвращусь в ашрам, это не будет выражением комплекса неполноценности). Наиболее тягостным был опыт с Изой и Уотсоном, словно одновременно всё накинuloсь на меня с целью задержать — я боялся уступить и хотел испытать себя, сделав шаг назад, оставшись один в Африке, прежде чем окончательно возвратиться в Индию (или отказаться от всего и присоединиться к Изе и Уотсону). Я хотел уйти в пустыню — остатки романтизма; вместо этого я продаю Ларусса — это наиболее худшая из пустынь. Вот.

Если бы не колебания во мне самом, я никогда не стал бы рассказывать тебе о том, что я оставил — но я не «сверхчеловек», я люблю Изу и я также хотел бы приятной жизни, которую мне предлагает Уотсон. Бывают вечера, когда думать об этом совсем не смешно... Если я буду писать в таком же тоне, ты подумаешь, будто я собираюсь играть в корнелевских героев* (или, за неимением их, в

* Фразеологизм, описывающий людей, «ставящих долг превыше всего» (прим. пер.)

«пророков для прыщавых девственниц, которые...» и т.д.) — там, внутри, нет ничего от Корнеля. Будь мы все в одной пьесе, это было бы проще — но в нас самих есть несколько планов существования, не всегда согласующихся друг с другом. Мне кажется, что если бы я отказался от Индии, то потерял бы единственный шанс достичь этого высочайшего плана, которого я коснулся. Впрочем, теперь я даже и не знаю, является ли это вопросом «выбора» — мне кажется, что, скорее, кто-то или что-то в наших глубинах выбирает за нас. Я покинул Бразилию так, как бросаются в воду — нелегко всегда иметь мужество для своих решений...

Ты мне пишешь, что я «бунтую против любого порядка». Прежде я бунтовал, и этот бунт мне помог. Если сейчас я не подчиняюсь никакому из социальных законов — в Колониальной Школе или у Уотсона — то лишь потому, что я хочу найти единственный закон, которому я принадлежу, тот закон, который я предчувствовал в детстве и в обнажённости концлагерей, тот закон, который я обнаружил в Индии. И я буду искать в Индии не вольной жизни, но дисциплины, Йоги и учителя, который поможет мне познать себя.

Сожалею, что сказал тебе о своей болезни. Ибо получаю в-ответ: «Истощая своё тело, ты не удивишь этим ни меня, ни тем более себя. В результате ты просто заболеешь и подумаешь о том, чтобы взять отпуск в своей дорогой Бретани». К чему столько сарказма? От этого кризиса лихорадки я лежал пластом и ощущал в себе весь пройденный путь, начиная с Кайенны. Это очень просто. И если я написал тебе об этом, то потому, что чувствовал себя действительно совершенно беспомощным — иногда трудно стремиться к тому, к чему мы стремимся, и держаться любой ценой. Безусловно, мне не хватает смирения — и временами меня обучают смирению через мои Ларуссы. Ты прекрасно знаешь, я не святой! (да ну, правда?!)

В-общем, мне надоело извиняться за то, что я написал то или это, и давать разъяснения, в то время как я пытался по-братски рассказать тебе о том, что я чувствовал, чем жил, о чём думал.

Бесспорно, ты будешь полагать, что я написал это письмо только лишь для того, чтобы принять букет цветов после своего циркового номера, ну или на худой конец пару ответных строк, типа «как же я ошибался, я и не знал, что ты такой великий святой, столь благородный характером!» Уверяю, я не держу тебя за идиота, и тем

более за зеркало — но если ты будешь кукситься, как в своём последнем письме, остаётся лишь опустить руки.

Я не буду опускать руки, я буду цепляться изо всех сил и попытаюсь в-одиночку распутать свою маленькую проблему. Если тебе это интересно, ты обязательно об этом узнаешь тем или иным способом, как только я возвращусь в Индию или в Бразилию. Может быть, позже мы сумеем лучше понять друг друга?

Б.

P.S. Я собираюсь написать Уотсону и ответить на его последние предложения, пригласив его этим летом во Францию для принятия окончательных обязательств в отношении него.

Фрагмент Дневника

(Разговор с Т., приятелем-евреем, который вовлёк меня в приключение с Ларуссом)

Ломе (Того), 10 апреля 53

Он говорит: «...видишь ли, я хочу воздержаться от того, чтобы слишком много думать. Как только я прекращаю работать, это вгоняет меня в хандру; ощущение, что пребываешь в пустоте... Моя мать, она боится, когда видит, что я слишком много думаю... Однако, я не могу сказать, что у меня есть причины для хандры: сегодня мы хорошо поработали, уже несколько дней мы хорошо работаем... но когда думаешь об этом: сегодня сто тысяч франков КФА* оборота; завтра пятьдесят тысяч; послезавтра ничего, а потом ещё сто тысяч; какая разница? Это ничего не меняет...

Видишь ли, когда я об этом думаю... Допустим, ты достиг всех своих целей; я могу купить холодильник своей матери, оплатить квартиру и свой драндулет... Что это меняет? Ты доволен тем, что получил удовольствие. А потом?... Что это меняет?...

* Франк КФА — денежная единица французских владений в Западной и Экваториальной Африке и некоторых других территорий (прим. пер.)

То, что происходит со мной сегодня вечером, это не хандра, нет, таким образом я чувствую вещи... Бывают дни, когда я говорю, что типы, совершающие самоубийство, не являются трусами. Но и это тоже, что это меняет?...

Видишь ли, должно существовать нечто позади... Верующие, у них есть шанс... Жизнь, это нечто, что нам навязали; мы не выбирали...

Меня спасает то, что я могу жить, так сказать, по-скотски. Я читаю что-нибудь — и забываю. Я спариваюсь, я иду в кино, я веду дела, так что я не думаю...

Мою мать пугает, когда я думаю... Именно поэтому мне иногда хочется вернуться в Палестину... Понимаешь, я бы создал спортивную команду, из молодых; я бы нашёл себе занятие, занимаясь другими — но всё это, по сути, не меняет ничего, это слишком пустое, это не самодостаточно... Когда достигаешь всех своих целей, это ничего не меняет, всё начинается заново.

Верующие, у них есть шанс. Должны быть какие-то вещи позади, за завесой...»

Котону (Дагомея)
26 апреля [1953]
Клари

Подруга, не слова были нужны мне в течение этих долгих месяцев, проведённых в Африке — поэтому я уничтожил некоторые из писем, которые начал писать вам. Мне нужны были ваша привязанность, ваше Присутствие. Совершенно естественно, что именно к вам я обращался, ибо вы, бесспорно, единственная, кто может меня понять. Мне вас не хватает, подруга.

Должен рассказать вам о четырёх последних месяцах: по прибытии в Дакар я всякими способами пытался устроиться в Горнодобывающую Компанию, проводящую изыскания в Сахаре; везде я сталкивался с тем, что «штат заполнен». В конечном счёте, оставшись без денег, я встретил алжирского еврея, предложившего мне отправиться внутрь Африки представителем «Éditions Larousse»...

чтобы продавать словари (!)

Уже четыре месяца я живу как бродяга и прошёл примерно четыре тысячи километров через Верхнюю Гвинею, Берег Слоновой Кости, Того и теперь Дагомею, шагая от деревни к деревне и от города к городу, продавая свои словари. Я повидал африканцев и белых всякого рода и встречал самый разный приём... Путешествовал на грузовиках с арахисом и какао в сопровождении плантаторов или командированных чиновников; ночевал в самых невероятных караван-сараях и конечно же продавал свои словари. Какая публика! Вначале я полагал, что мне едва хватит на жизнь и на то, чтобы ещё один день продолжать свой путь — на самом деле, я даже кое-что заработал! На днях я собираюсь подняться через всю Дагомею до Ниамей в Нигере и надеюсь немного изведать Сахару. Но подлинная Сахара — это наше посредственное, всем удовлетворённое человечество. Я никогда не был настолько одинок и настолько свободен; истинная свобода — это сурово.

Вот очертания моей жизни на протяжении четырёх месяцев. Я надеюсь возвратиться во Францию в начале июля, чтобы отдохнуть несколько месяцев, ибо начинаю чувствовать усталость от более чем двухлетнего бродяжничества от Гвианы до Африки без всякой осторожности.

Подруга, я встретил столько этих мелких администраторов, одним из которых я мог бы стать — даже несколько таких, кого я знал раньше, к примеру, X, бывший судья из Пондичерри; они приняли меня за безумца и неудачника. На протяжении четырёх месяцев я узнал об «отречении» (простите за высокопарное слово) тех, кто был мне дорог: упрёки и неодобрение моей матери, молчание моего брата Франсуа, Ашрам; довольно оскорбительное письмо Бернара д'Онсие, который осуждает и не может простить меня за то, что я отказался от «блестящего положения», предложенного мне Уотсоном в Бразилии. Это одно из свойств моей натуры, настраивать против себя всех тех, кто обо мне судит. Вместе с теми, кто меня судит, я на протяжении нескольких месяцев спрашиваю себя: что если я не в «Поисках Неуловимого», что если я не живу «в литературе», что если мои скитания — не «бегство», но движение вперёд, что если всё это не «бешеный эгоизм», если все мои увольнения не «театральность» или, ещё хуже, «комедия, чтобы эпатировать самого себя». Как только

пытаешься выйти из «нормальной жизни», кажется, что сразу же наталкиваешься на других, провоцируешь их, они тут же начинают классифицировать тебя, снабжать этикетками с их маленькими грязными заголовками и их приземлёнными «объяснениями».

Подруга, я пишу всё это не для того, чтобы пожаловаться, ибо я принимаю последствия своих действий — пишу только для того, чтобы поделиться, призвать вас в свидетели. Уже многие месяцы я шагаю в ночи, я потерял это «состояние милости», которое прежде ощущал в себе, и вместе со всеми другими, порицающими меня, задаю себе вопрос — нет ли чего-то «ложного» в моей жизни, в моих поисках. Возможно, это просто физическая усталость, но я больше не уверен в себе, я сомневаюсь в своих поисках, я осуждаю себя, как осуждают меня другие. Подруга, никогда я не был так одинок. Какая тёмная ночь... Подруга, а вы как считаете? Вы меня осуждаете? Вы...

Я прибыл к решающему повороту в моей жизни, ибо в ближайшие месяцы надлежит решить, стоит ли мне окончательно возвратиться в Индию. В норме я должен был бы возвратиться в Индию в конце этого года. Целый пласт моего существа, без сомнения, лучший, требует этого возвращения и знает, что не будет мне Покоя, пока я не доведу до конца этот внутренний опыт, начатый более пяти лет назад в Индии. Но есть и другой пласт существа, пребывающий в ночи... Да, я прибыл к решающему повороту, и кажется, что всё объединяется против меня, дабы задержать и заставить повернуть назад: я вам не рассказывал, что незадолго до моего отъезда из Бразилии я встретил женщину, Изу, и решил, что люблю её? Надо сказать пару слов об Изе: это воинствующая коммунистка, несколько раз побывавшая в бразильских тюрьмах, ибо в Бразилии коммунизм — «государственное преступление». Эта миниатюрная женщина, молчаливая и страстная, младшая дочь итальянского эмигранта, организатора фонда забастовок, профсоюзов, тайных собраний, который проводит часть своего времени с другой стороны большого театрального декора Рио, занимаясь помощью бедным семьям и социальным просвещением рабочих. Изе 27 лет и её семья избавилась от неё в 16 лет, отдав в руки бразильского адвоката, который сделал ей двух детей. Адвокат этот только и занимается тем, что кутит в Париже или Рио, и Иза отделилась от него (разводы в Бразилии запрещены). На время отдельного проживания супругов

суды запретили Изе жить с детьми под предлогом того, что она принадлежала к коммунистам и могла бы дать детям дурное воспитание. У неё два сына, старшему должно исполниться шесть лет, и она может видеться с ними два воскресенья в месяц. Кроме того, Иза состоит в Театральной Консерватории Рио, и у неё множество талантов... Я познакомился с Изой незадолго до отъезда из Бразилии и провёл с ней чудесные дни. Однако, я покинул её и уехал в Африку, потому что хотел быть свободным, возвращаясь в Индию. Если я вообще способен любить, то Изу я люблю, или полагаю, что люблю.

Иза этим летом хочет присоединиться ко мне во Франции, дабы напоследок провести вместе несколько счастливых месяцев до моего отъезда в Индию. Я не знаю, подруга, я не знаю, хватит ли у меня мужества снова всё оставить, и вместе с осуждающими меня я задаюсь вопросом, не живу ли я в «литературщине», не в погоне ли я за «Неуловимым». Да, кажется, всё объединилось, чтобы тянуть меня назад, и недавно я снова получил письмо этого американца Уотсона, у которого я работал в Бразилии. Он стар, не имеет детей и управляет одним из самых крупных слюдяных бизнесов в Бразилии с филиалами в Нью-Йорке и Лондоне. В письме Уотсон предлагает мне вернуться в Рио, обещая сразу же дать оклад, который я имел прежде, и ясно говорит, что я унаследую его дело, когда он «сыграет в ящик»...

Подруга, я чувствую себя оставленным всеми, кто мне помогал, и ощущаю себя бродягой, бредущим в ночи по дорогам Африки. Голос нашёптывает мне: «Сдайся, откажись, возвратись в Бразилию, где ты найдёшь Изу, нормальную, богатую жизнь — *жизнь общепринятую*».

Подруга, почему это «состояние милости», в котором я пребывал раньше, покинуло меня именно в тот момент, когда мне нужны все мои силы? Если я потерял это «состояние милости», значит ли это, что другие правы? Не должен ли я довериться себе, довериться Бернару в его лучшие моменты, наперекор нынешней темноте, в которой я пребываю, и наперекор суждениям других? Или как, или позволить умереть всему этому прошлому, всему тому, что было смыслом моего существования начиная с концлагерей?

Подруга, хочу процитировать вам два пассажа из последних писем моей матери: «Когда ты закончишь шляться. Мне кажется, ты скорее, бежишь от самого себя, чем ищешь. Эта жизнь кочевника без

своего угла — чудесное оправдание, обучение, оставляющее за дверью ценности, которые, похоже игнорируются. Нужно пользоваться всем этим богатством, чтобы делиться им с другими; это не означает возврата в рамки или формулы, это означает принимать жизнь и людей, и любить их... достаточно просто любить; это, возможно, труднее — но это более утешительно. Любовь — это Покой». Далее моя мать пишет: «...Я думаю, что мы реализуемся лучше, когда принадлежим многим другим; это наилучший способ доработать свои формулы, очистить идеи. Это не отказ или отречение: отказываемся лишь от гордости или от эгоизма».

Подруга, неужели гордость и эгоизм влекут меня в Индию???

Но когда мы достигнем всех наших человеческих целей, найдём любимую женщину, удовлетворённую жизнь, что это изменит? Всё повторится снова и снова, ибо, кажется, всегда будет оставаться толика жажды и голода. Подруга, мне кажется, что никакой цели невозможно достичь по-настоящему, пока мы не свяжем себя с единственной внутренней целью, единственным внутренним божественным, которое мы должны откопать в себе, обрести в себе... Разве Христос не говорил: «Оставь всё и следуй за мной»? Мне кажется, что нужно оставить всё, чтобы обрести своё подлинное Существо, а не это издёрганное, разделённое, противоречивое существо, которым мы являемся ныне. Ибо как можно претендовать на то, чтобы «дать» что-то другим, когда мы сами — лишь изменчивая, внешняя, неопределённая сущность. Подруга, не требуется ли СНАЧАЛА в полной тишине достичь сердца своего существа? Мне кажется, что сначала мы должны превзойти это стерильное сознание, заставляющее нас бегать по кругу. Нужно иметь мужество окунуться в нашу великую внутреннюю тишину и позволить пробудиться этому Существо из глубин, проблески которого я пережил в Индии... Подруга, мне кажется, что я выжил в Маутхаузене и Бухенвальде только для того, чтобы испытать это высшее открытие. Неужели это гордость? Неужели литературщина? Неужели эгоизм? Подруга, мне нужно услышать ваш ответ. Вы можете внести доверие и покой в мой нынешний беспорядок, ибо всё во мне расшатано.

Прошу прощения за это затянутое письмо, в котором я пишу только о себе. Я предпочёл бы побыть в молчании рядом с вами, и

уверен, что ваше молчаливое Присутствие помогло бы мне... Где вы, Подруга?

Пишите мне в Париж, потому что здесь я живу слишком бродячей жизнью, чтобы дерзнуть дать вам адрес. В Париже я буду в конце июня. Тогда придётся окончательно решить, уезжать ли мне в Индию или возвращаться в Бразилию...

Обнимаю вас со всей признательностью, о которой вы и так знаете.

Б.

Зиндер (Нигер) 23 мая [1953]
Бернару д'Онсие

Бернар, несмотря на нашу ссору я осмеливаюсь просить тебя оказать мне услугу; речь вот о чём:

На случай, если я возвращусь в Индию в течение нескольких месяцев, согласился бы ты дать мне «рекомендацию» перед индийскими властями, как ты это сделал два года назад, до моего отъезда в Гвиану? Я знаю, что получение визы долго и хлопотно, поэтому ты можешь мне помочь, если желаешь — именно поэтому я берусь за это прямо сейчас, до того, как решил, возвращаюсь ли я в Индию или в Бразилию.

Даю слово чести, что не «сяду тебе на шею» в случае возвращения в Индию. Речь идёт о простой формальности для получения визы. Впрочем, до настоящего времени я давал тебе достаточно доказательств, что могу выкарабкаться самостоятельно, где бы ни находился — в Гвиане, в Бразилии или в Африке (вспомни, что в Рио я встретился с Уотсоном только после того, как наладил свои дела в А.Ф.Р.)

.....

Я достаточно утомлён физически за эти два с половиной беспощадных года в Гвиане, в Бразилии, в Африке. Отдохнув во Франции, я смогу видеть более ясно и сделаю окончательный выбор. (...) Эта моя потребность в Индии слишком глубинная: но иногда трудно дойти до конца своего внутреннего стремления. Я никогда не

сожалел о том, что ушёл из администрации Колоний, и мне думается, не должен ли я доказать то же самое в отношении Уотсона. Кажется, что в жизни повторяются одни и те же ситуации, всегда те же под различными масками, и каждая из этих ситуаций всегда указывает в том же направлении, каждый раз пытается заставить прочитать одно и же послание. Решение, которое каждый раз приходится принимать в каждой из этих ситуаций, должно помочь нам лучше осознать наш СМЫСЛ. Возможно, в этом и состоит настоящее мужество: принять этот «смысл», принять самого себя, даже если наши очевидные интересы противоречат выбору, который мы делаем. Я так хотел бы, чтобы ты понял всё то, что я чувствую в своих глубинах (...)

Бернар, зачем мы причиняем друг другу боль «словами» — тогда как я убеждён, что мы ДОЛЖНЫ понять друг друга, где-то на ином плане?? — если хочешь, напиши мне в Париж.

Б.

Фрагмент дневника

(Это был «конец» африканского периода Сатпрема)

Зиндер (Нигер)

Воскресенье 24 мая 53

Мимолётное впечатление от пустыни, которое у меня было в Догондучи, изгладилось, и в течение двух дней мы двигались по прямой линии через бесконечные плоские и знойные джунгли с их колючими кустарниками, потрескавшейся землёй с вылезающими на поверхность чёрными блоками латерита и железняка. Бирнин-Конни — Мадава — Маради — Тесава. Наконец, начались торнадо, и я, смертельно уставший, прибыл в Зиндер, изнурённый часами езды под свинцовым, душным, наэлектризованным небом. Непроницаемый песчаный ветер, словно стена цвета охры, охватил город за несколько секунд, и словно вихрь, начался дождь. Передышка — но трасса на

хоггар* закрыта.

Потратил всё утро на изучение Зиндера: европейские, ливанские или арабские перевозчики, но я прибыл на неделю позже. Предстоит зимовка протяжённостью в три...

* ... или Ахаггар — нагорье в Сахаре на юге Алжира (прим. пер.)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ

(По возвращении во Францию Сатпрем оказался в весьма отчаянной и безнадёжной ситуации. Он «поставил всё» на возвращение в Индию, и тут... Индийское Посольство отклоняет его визу... а затем Бернар д'Онсие отказывается дать ему финансовую гарантию... что весьма печально, ибо Сатпрем доверил Б. д'Онсие три четверти денег, с трудом заработанных в Африке, для того, чтобы продержаться, добираясь до Индии. Итак, он без денег, без визы, без Индии, отчаявшийся нуль — куда податься? и столь одинокий. На пути к ЭТОМУ подвергаешься жёсткому испытанию).

Сен-Пьер, 2 сентября 53
Бернару д'Онсие

Дорогой старина Бернар,

(...) Я знаю и прекрасно понимаю твою ситуацию, но и ты должен понимать жизненную значимость той суммы, которая обеспечивала мне единственный шанс свободно попасть в Индию, как я того хотел уже несколько лет. Ты просишь меня отложить мой отъезд в Индию, как будто речь идёт о чём-то очень простом! Но у меня больше нет денег для жизни во Франции! До 15 сентября я могу жить с моей семьёй в Бретани, но 15-го они возвращаются в Париж. И что потом??... Следовательно, я не могу оставаться во Франции, но теперь не могу уехать и в Индию, так как для меня невозможно заявиться к Брюстеру без денег. Возможно, я «духовный мечтатель», но я не хочу жить на чьи-то средства — ни на твои, ни на средства других, и именно поэтому весь индийский проект, о котором я молчал в течение многих лет, с самого начала был основан на определённой финансовой свободе.

Тогда я или должен временно отказаться от Индии и снова начать колесить по миру, пока не накоплю триста или четыреста тысяч франков, или ты найдёшь конкретную возможность найти мне пятьсот-шестьсот рупий к концу октября, столько же к концу ноября и так далее, без перерыва, в течение шести месяцев. (Я не скрою, что даже это решение причиняет мне достаточно неприятностей, ибо теперь я к тому же не имею полной свободы). Воистину, я не

чувствую в себе достаточно смелости возвратиться в Гвиану — где, впрочем, со мной не подписали бы контракт больше чем на два года. Так что ты понимаешь мою досаду. (...)

Б.

P.S. 3 сентября. Я читаю и перечитываю это письмо, прежде чем отослать его, потому что опасаясь, что оно причинит тебе боль или добавит тебе забот, которые и без того многочисленны. Так что заранее хочу тебе сказать, чтобы ты не ставил себя в худшее положение, беря займы, которые потом не сможешь вернуть. Я не хочу, чтобы ты и дальше забивал голову моими проблемами (как говорят англичане: «There is no need to cry over spilt milk^{*}»). Наконец, стоит принять во внимание, что я один, в то время как у тебя есть Маник. Так что просто скажи мне *как можно быстрее*, что тебе кажется возможным, а что нет. И я выпутаюсь *сам, в-одиночку*.

обнимаю вас с Маник.

Б.

Париж, 7 октября 53
Бернару д'Онсие

Мой старина Бернар, я выхожу из Посольства Индии ошеломлённый: мне отказано в визе. Они показали официальную телеграмму «Home Affairs» из Дели, где сказано, что человек, дающий мне гарантию — то есть, ты — «is not, repeat not prepared to give usual (financial) guarantees⁶⁰». Мне пришлось за три дня до отправления отказаться от места в самолёте, вылетающего в субботу; и бесполезно говорить, что я вновь оказываюсь сбитым с толку, разорённым и полностью обескураженным.

(...) Я уже выложил 10000 франков в Посольстве за последние телеграммы (это настоящий «рэкет»), но я готов заплатить ещё, чтобы не сидеть в ожидании в Париже, где Я НЕ МОГУ жить без денег, как

* «Нет нужды плакать над пролитым молоком» (прим. пер.)

60 «...повторяем, не готов дать обычные (финансовые) гарантии».

сейчас. Довольно бессмысленная ситуация!

Я прошу тебя, мой старина Бернар, сделай невозможное с властями, и как можно быстрее. Я понимаю, что обязательства, которые они от тебя требуют, неправдоподобны, но ты хорошо знаешь, что я, скорее, лопну, чем сяду тебе на шею. Впрочем, в случае затруднений Ашрам в Пондичерри откроет передо мной двери, когда я захочу. (Как раз сегодня утром пришло письмо из Понди, где говорится, что я могу приезжать, когда пожелаю). (...)

Буду считать часы и дни в ожидании твоего ответа, ибо я пребываю в Париже в невозможной ситуации. К счастью, один друг предоставил мне небольшую комнату, откуда я не высываюсь... Всё это не очень забавно.

Напиши мне по адресу моей семьи, где я бываю один раз в обед.

Пожалуйста, действуй без промедления, так или иначе.

Tibi

P.S. Знай, что моя признательность к тебе не изменилась ни на йоту, даже если ты думаешь, что не в состоянии обеспечить запрошенные гарантии.

Париж, 7 октября [1953]

Клари

Подруга, пару строчек, только чтобы сообщить вам, что мою визу в Индию только что отклонили по причине того, что я не предоставил достаточных финансовых гарантий... Я ищу другие возможности в Дели и у д'Онсие, который должен был служить моим «гарантом», но без особой надежды... внезапно оказываешься совершенно сбитым с толку и немного обескураженным. Я хочу надеяться, несмотря ни на что — на обстоятельства, на препятствия. Надеюсь, что решение найдётся быстро, ибо у меня больше нет денег, чтобы жить в Париже, едва найдётся на билет.

Буду держать вас в курсе и надеюсь, что вопреки всему мы снова встретимся, потому что мне не терпится увидеть и обнять вас.

Б.

P.S. Я увижусь с Т., когда буду уверен в своём отъезде... Всё так сложно, но я более спокоен, чем прежде.

(Фрагмент Дневника)

Октябрь, 53

... Люди живут как сомнамбулы; они прочно окопались за своими семейными, социальными, духовными оградами; не мыслят себя без своих костылей, словно корабли на мели. Но мы, кто не может без того, чтобы жить в открытом море, там, где нет ни маяков, ни ориентиров, мы живём в опасности и риске... Люди защищаются от сознания забытьём, как больные защищаются от боли и шока обмороком. Не знаю, надолго ли у меня хватит силы выдерживать такую жизнь без анестезии.

Париж, 19 октября 53

Снова унижения в Посольстве Индии, куда я пошёл сегодня утром. За неимением въездной визы в Индию, я просил, если отсрочка будет слишком долгая, дать хотя бы простую транзитную визу во французскую Индию. Поверенный в делах заявил мне довольно резко, что очевидно я пытаюсь проникнуть в Индию обманным путём, и коль во въездной визе мне отказали, то вероятно, откажут и в транзитной визе. На что я не мог удержаться и не сказать, что не бывает отказов в транзитной визе, за исключением случая войны. Раздосадованный своей оплошностью, поверенный дал мне понять, что они не «отказали» бы мне в транзитной визе, но «учитывая, что» и т. д. и т. п... они были бы обязаны «доложить» об этом в Дели. Отсюда новые задержки, возможно, долгие, и т. д. и т. п. Они пытаются измотать меня. Чувствую отвращение. Какая уж тут Индия? Мне лишь остаётся надеяться на чудо в Дели, где я попросил вмешаться Б. д'О., без особой надежды. Этот мир абсурден, и я балансирую между бунтом, отвращением и усталостью.

Париж, 24 октября [1953]
Бернару д'Онсие

Бернар

.....

Я маюсь в Париже целый месяц без денег, в комнате под крышей, считая часы в ожидании отъезда, которого ты, вероятно, не хочешь и которого не сможешь приблизить — это меньшее, что можно сказать. Когда ты пишешь мне, что «всего этого не произошло бы», если бы я попросил туристическую визу, это лишь особый способ завуалировать правду: в официальной телеграмме с отказом из Дели ясно говорилось, что мой «гарант» отказался от того, чтобы давать обычные финансовые гарантии. Без сомнений, мотив, опрометчиво выбранный мною для въезда в Индию был плохим мотивом — потому что мне всегда трудно не говорить правду⁶¹ — но для дела это не имеет никакой важности, индийские власти интересуют ТОЛЬКО одно — есть ли у меня финансовые гарантии. Другой пассаж из твоего письма оставил меня в недоразумении, и мне хотелось бы получить от тебя некоторые уточнения; говоря об этой авиационной компании, откладывающей оплату твоих комиссионных, ты мне пишешь: «Если в последний момент они решили не платить, нам ВСЕМ хана...» Должен ли я понимать это так, что ты предполагаешь не отдавать мне те 350 тысяч франков, которые я тебе поручил? Мне кажется, впрочем, что твои последние письма «готовят» меня именно к такой возможности. Однако, когда я вручал тебе эти деньги (наличными...), ты уверял, что собираешься тотчас же положить их в Банк Дели, чтобы они ожидали моего прибытия. Ты даже настаивал, чтобы я вручил тебе как можно большую сумму, «чтобы не позволить их израсходовать». Всё это не лишено юмора. (...) Ты прекрасно знаешь, что эти деньги для меня не роскошь, но нечто ЖИЗНЕННО важное,

61 Сатпрем имел несчастье в графе «мотив поездки» написать — изучение йоги и индийской философии. «Для меня, — писал Сатпрем, — Индия была страной особенной, где можно быть истинным, настоящим. Для меня было радостью сказать, что я собираюсь изучать йогу. О, невинность!»

столь же важное для меня, как и для тебя. В придачу, мне надоело вкалывать, тупо вкалывать для того, чтобы получить и реализовать проект, который я вынашиваю в течение пяти или шести лет... Так что я надеюсь, что ты сможешь возместить мне по крайней мере ежемесячными взносами то, что мне необходимо ДЛЯ ЖИЗНИ.

.....

Что бы ни случилось, я ДОЛЖЕН отправиться в Индию, и если в течение нескольких дней не будет новостей из Дели, я предприму новые действия в Париже и на Кэ д'Орсе^{*}, где буду представлен тому, кто занимается индийскими делами и кому я объясню «ситуацию» — впрочем, спрашивается, как я собираюсь объяснить ему всё это.

(...) Извини, что «надоедаю тебе», но я полагаю, что прямота — всё ещё одна из наиболее ценных форм дружбы.

Tibi
Б.

Париж, 4 ноября [1953]
Бернару д'Онсие

Дорогой Бернар, твоё письмо от 31 слишком несправедливо. Впрочем, в глубине души ты и сам должен понимать, что оно несправедливо — также, как и то письмо, которое ты однажды написал мне в Африку. (...) Именно потому, что я придаю большое значение нашей дружбе, последней защите от окружающего нас одиночества, я и хочу, чтобы ты попытался понять, насколько твоё письмо несправедливо. О, Бернар, у нас так мало братьев в этом мире, зачем же сходу громить нашу дружбу! Конечно, я рискую подвергнуться насмешкам за подобные строки.

Моё последнее письмо продиктовано необходимостью увидеть ситуацию ясно и в целом. Все твои письма на протяжении трёх месяцев были полны сомнений и недомолвок по поводу гарантии, которую ты должен был мне дать для визы, и по поводу денег, которые позволили бы мне жить первые несколько месяцев в Индии.

* Кэ д'Орсе — набережная в Париже, где находится МИД Франции; используется как синоним МИДа (прим. пер.)

Признай это. Мне нужно было знать, какого курса держаться, чтобы принять решение: я больше не мог оставаться целыми днями в своей каморке, в которой становится всё холоднее, по восемнадцать часов в день спрашивая себя, как мне уехать в Индию. Но меня мучил не столько вопрос денег, сколько вопрос визы, и я задавался вопросом, что всё это могло значить, почему ты отказался от того, чтобы дать необходимые гарантии?? Моё последнее письмо, где я попытался ясно проанализировать ситуацию, по крайней мере, обяжет тебя признать, что ты отказался дать мне гарантии именно потому, что больше не считаешь меня ни в «здравом уме», ни «уравновешенным». Конечно, меня это печалит. Что ты, подобно всем остальным, классифицируешь меня как «помешанного». Но печаль эта касается только меня. Однако, чего я не понимаю, так это скрытых недомолвок во всех твоих письмах на протяжении трёх месяцев: почему бы не сказать мне об этом раньше? Почему ты согласился быть гарантом, когда мы встретились в Париже? Если бы ты отказался, я бы больше ничего не требовал от тебя, кроме уведомления о том, что ты не можешь вернуть мне «деньги». Я был бы извещён и начал бы искать другие способы. Для меня были невыносимыми бездеятельность и неопределённость, в которую ты меня погрузил.

.....

У меня достаточно признательности к тебе, чтобы простить и забыть многие вещи, даже твои поверхностные суждения обо мне. Мне больно, что ты принимаешь меня за чокнутого и неуравновешенного, и это, на мой взгляд, более серьёзно, чем даже история с визой сама по себе. Но в конце концов, полагаю, что дружба куётся путём долгой борьбы с вечными недопониманиями. В отличие от тех, кто не является нашими друзьями, мы не пытаемся устранить недоразумения — это и приводит к нашему одиночеству, твоему среди людей, принимающих тебя за «авантюриста без совести и достоинства», и к моему среди тех, кто принимает меня за одного «чокнутого деятеля литературы». Воистину, бесполезно пытаться заводить себе приятелей среди тех, кто нас судят и осуждают; наш единственный способ противостоять — это наша дружба.

Если ты не хочешь видеться со мной, я не знаю, какой адрес отеля в Дели тебе дать, чтобы ты передал мне деньги, эти мерзкие деньги, потому что я не собираюсь или не собирался останавливаться в Дели,

разве что для того, чтобы увидеться с тобой. Я собирался сразу же сбежать в Алмору. (...) Но я считаю, что даже если моё письмо тебя не убедит, *тебя убедит время*, и однажды *мы с тобой встретимся*, я в этом уверен.

Я ещё не получил визу, но я тронут всеми совершаемыми тобой действиями. Теперь я жду с надеждой и нетерпением⁶².

.....

И по-прежнему считаю себя твоим другом.

Б.

Париж, 18 ноября [1953]
Клари

Подруга, несколько строк, только чтобы сообщить вам, что я лечу самолётом в пятницу 27 ноября (Компанией Т.А.И.), прибывающим в Карачи в воскресенье 29-го на заре. Учитывая утренние часы прибытия, прошу вас не приходить специально на аэродром. Я зайду к вам утром в тот час, который вы посчитаете приемлемым для встречи! Надеюсь, вы будете в Карачи в это время, в противном случае тотчас же предупредите меня, чтобы я сразу ехал в Дели-Алмору... Нужно ли что-нибудь привезти вам из Парижа?

Дабы вы не были «разочарованы», сразу вас предупреждаю, что за прошедшие четыре года я стал настоящим дикарём и закоренелым отшельником — но не могу отказать себе в радости по приезде обнять вас и немного подискутировать.

Итак, до воскресенья 29-го. Обнимаю вас.

Б.

62 В конечном итоге Сатпрем будет вынужден ехать в Индию по туристической визе.

Седьмой этап

Последний причал в Индии

*Сатпрему тридцать лет.
В декабре 1945, восемь лет назад,
он высадился в Египте,
чтобы пройти свой первый этап.*

Алмора, 16 декабря 53
Бернару и Маник д'Онсие

Дорогие друзья, мне хочется верить, что эти слова застанут вас при маленькой лампе, у которой я вас вижу «так, словно нахожусь рядом» — увы, пока ещё не мои упражнения в левитации заставляют меня лететь к вам, но, скорее, тонкий аромат, въевшийся в мой багаж, и тепло вашей дружбы, которая ценна для меня вдвойне, ибо на этих духовных высотах действительно холодно. Как видите, я пока ещё не полностью реализовавшийся *Садху*⁶³, но это придёт (почему бы и нет).

Я оценил вашу близость (я имею ввиду, к земле и уюту)*, Месье д'Онсие, «покровитель Саньясинов» — и в особенности твои бутерброды, ибо я прибыл в Алмору после двадцатичетырёхчасовой поездки! Приехал я глубокой ночью и долго шагал вдоль узкой горной тропы за непальским кули в почти кромешной темноте среди больших сосен. На сердце было немного тревожно...

Жизнь моя здесь весьма проста: встаю до восхода и ложусь после заката. Делаю гимнастику (да-да!), совершаю прогулки среди сосен и мимоз, на которых расцвели первые цветы. Хребет Нанда Деви сверкает от снегов, но температура достаточно комфортная. Я читаю, пишу в свете огромного камина, с шипением пожирающего добрую охапку дров, работаю и болтаю с Брюстером, который не утерял чувства юмора, несмотря на его глубокую образованность и мудрость. Вегетарианское питание подходящее для меня и достаточно обильное. Короче, моя жизнь приятна, скорее, для текущего момента — ибо когда-нибудь придётся идти «дальше».

Дорогие, хочу сказать вам, насколько ваша дружба помогла мне, и ещё — что буду любить вас такими, какие вы есть, и что ваше существование важно для меня, даже если я разлучён с вами, как сейчас. Что вам ещё сказать? (...) Дымите потихоньку, будьте счастливы и продолжайте шокировать мещан. На Роллсе или без него,

63 Садху — странствующий монах.

* J'ai apprécié vos pieds plats (je veux dire, bien sur la terre) — труднопереводимая игра слов: *pieds plats*, переводимое как «плоскостопие», можно интерпретировать и как «приземлённость», способность «твёрдо стоять на ногах», и как склонность к пошлости (прим. пер.)

я всегда с великой радостью готов снова встретиться с вами.

Сердечно обнимаю вас обоих.

Б.

1954

Алмора, 12 января 54

Бернару д'Онсие

.....

В остальном же, старина, можно сказать, что я, наконец, счастлив в своей жизни... Наверное, было бы глупо излагать тебе это, но я обнаруживаю весьма волнующий внутренний мир. Я не настаиваю.

Снова начал писать, и ожесточённо работаю на всех планах, физическом, духовном, интеллектуальном. Книгу, которую я пишу, можно было бы назвать «В поисках четвёртого человеческого измерения».

Там я анализирую течения нашего отчаявшегося поколения, современной литературы, опасения молодёжи послевоенного времени, что приводит меня к другому анализу шатких и устаревших категорий нашего так называемого ментального «сознания». Всё это ведёт меня к понятию супраментала, развитому Шри Ауробиндо. Наконец, я только что закончил долгое и систематическое изучение научных заключений Эйнштейна и «относительности», что позволило мне установить поразительное сходство между релятивистскими данными и супраментальными возможностями. В довершение, провожу широкое сопоставление между интуицией мудрецов Индии, Египта и древней Греции и выводами учёных нашего времени. Таким образом, моя работа сопровождается постоянным чтением различной литературы, от Вед до Гермеса, от Гераклита до Платона и Плотина.

Уже написано пятьдесят страниц, и работа идёт с радостью. Печатная машинка очень бы мне помогла, и я подумываю совершить это «безумие», как только «улучшится» текущая ситуация.

Вот. Ко всему прочему, у нас холода и уже был снег.

Я вас обнимаю.
Б.

P.S. Я также немного пишу картины и только что закончил портрет своей матери, на удивление удачный. Дни коротки и наполнены до отказа, хотя я и встаю до восхода.

Алмора, 6 февраля [1954]
Клари

Дорогая подруга, пара строк, дабы предупредить вас, что я покидаю Алмору и отправляюсь в Ашрам Пондичерри — а также чтобы сказать вам, что в своих мыслях и в сердце я часто рядом с вами в Hawkslay или на Malir Road. Это создаёт во мне любопытный «эффект» при возвращении в Понди... Полагаю, что там для меня начнётся наиболее трудное и наиболее приключенческое и авантюрное из всех моих «начинаний» — но всё прекрасно, и все вещи ясны для меня. (Надеюсь, вы получили моё длинное письмо в декабре прошлого года^{64?})

Забыл вам сказать, что уже более месяца я работаю не покладая рук над «Эссе», которое будет называться: «В поисках Супраментала», где прослеживаются различные «интеллектуальные» этапы моей собственной жизни и где обрисовывается супраментальная необходимость, неизбежность, как её определил Шри Ауробиндо. Не знаю, будет ли это опубликовано, но я попробую выслать вам перепечатанную копию, когда оно будет закончено.

Обнимаю вас, дорогая подруга, более дорогая, чем когда-либо. Увидевшись с вами, я ещё более остро ощущаю эффект вашего отсутствия. Так что пошлите мне хотя бы частичку вашей улыбки, пусть даже иронической.

Ваш
Б.

64 К сожалению, это письмо утеряно.

Конец тома 1

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	1
-----------------	---

Первый этап Лагеря — Египет (1943-1946)

Сатпрем своему брату Франсуа, <i>30 сентября 1943</i>	
Жаклин Суджате <i>без даты</i>	
Фрагмент Дневника Сатпрема <i>без даты</i>	
Сатпрем Андре Жиду, <i>Наг-Хаммади, 21 февраля 46</i>	
Андре Жид Сатпрему, <i>Наг-Хаммади, 22 февраля 46</i>	
Андре Жид Сатпрему, <i>Наг-Хаммади, 24 февраля 46</i>	

Второй этап Индия (1946-1949)

Сатпрем своему отцу, <i>Пондичерри, 1947</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 13 июня 47</i>	
Статья из <i>Индиан Экспресс, 28 июня 47</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 6 августа 47</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 23 августа 47</i>	
Клари, <i>Пондичерри, сентябрь 47</i>	
Клари, <i>Карикал, сентябрь 47</i>	
Клари, <i>Янаон, 1 ноября 47</i>	
Клари, <i>Чандернагор, 27 ноября 47</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри 1 декабря 47</i>	

1948

Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 6 января</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 12 мая 48</i>	
Ж.П. Тристраму, <i>Пондичерри, 29 мая 48</i>	
Клари, <i>Пондичерри, 2 июня 48</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Пондичерри, 11 июня 48</i>	

Бернару д'Онсие, Пондичерри, 20 июля 48	
Клари, Пондичерри, 3 октября 48	
Клари, Пондичерри, 11 ноября 48	
другу детства, Пондичерри, 14 октября 48	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 16 ноября 48	
Клари, Пондичерри, 20 ноября 48	

1949

Ж.П. Тристраму, Пондичерри, 10 января 49	
Клари, Пондичерри, 17 января 49	
Бернару д'Онсие, Пондичерри, 5 февраля 49	
Клари, Пондичерри, 18 февраля 49	
Клари, Пондичерри, 28 февраля 49	
Клари, Нью-Дели, 27 апреля 49	
Клари, Нью-Дели, 7 мая 49	
Клари, Шринагар, 18 мая 49	
Клари, Нью-Дели, 4 июня 49	
Клари, Алмора, 4 июля 49	
Клари, Нью-Дели, 31 июля 49	
Клари, Нью-Дели, 12 сентября 49	
Клари, Нью-Дели, 22 октября 49	
Бернару д'Онсие, Алмора, без даты 49	
Клари, Алмора, 10 ноября 49	
Клари, Нью-Дели, 22 ноября 49	

Третий этап
Возвращение в Европу
(1950)

<i>Клари, Париж, 27 декабря 49</i>	
------------------------------------	--

1950

<i>Клари, Париж, 9 февраля 50</i>	
<i>Клари, Париж, 13 марта 50</i>	
<i>В Колониальную Школу, Париж, 15 марта 50</i>	
<i>Ответ Министерства, Париж, 6 июля 50</i>	
<i>Бернару д'Онсие, Париж, 30 апреля 50</i>	
<i>Клари, Париж, 1 мая 50</i>	
<i>Бернару д'Онсие, Париж, 28 июня 50</i>	
<i>Клари, Сен-Пьер, 13-18 августа 50</i>	
<i>Фрагмент Дневника, без даты 50</i>	

Четвёртый этап

Гвиана
(1951)

<i>Клари, Париж, 8 марта 51</i>	
<i>Клари, Кайенна, 3 апреля 51</i>	
<i>Бернару д'Онсие, Кайенна, 3 апреля 51</i>	
<i>Бернару д'Онсие, в глубинах леса, май 51</i>	
<i>Бернару д'Онсие, в глубинах леса, июль 51</i>	
<i>Клари, в глубинах леса, июнь-август 51</i>	
<i>Бернару д'Онсие, в глубинах леса, август 51</i>	
<i>Клари, в глубинах леса, сентябрь-октябрь 51</i>	
<i>в Гвианское Бюро Рудников, Кайенна, 30 октября 51</i>	
<i>Бернару д'Онсие, в глубинах леса, октябрь 51</i>	
<i>Бернару д'Онсие, в глубинах леса, 15 ноября 51</i>	

Пятый этап

Бразилия
(1952)

Бернару д'Онсие, <i>Белем, 20 декабря 51</i>	
--	--

1952

Фрагмент Дневника, <i>Маракас, 1 января 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рио-Ново, 4 января 52</i>	
Клари, <i>Сальватерра, 6 января 52</i>	
Фрагмент Дневника, <i>Рио-де-Жанейро, 18 февраля 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рио-де-Жанейро, 27 февраля 52</i>	
Фрагмент Дневника, <i>Рио 25-26-27 марта 52</i>	
Клари, <i>Рио-де-Жанейро, 12 апреля 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рио-де-Жанейро, 12 апреля 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рио-де-Жанейро, 10 июня 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рио-де-Жанейро, 6 июля 52</i>	
Жаку, <i>Рио-де-Жанейро, июль 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Рио-де-Жанейро, 2 августа 52</i>	
Клари, <i>Белу-Оризонти, 25 августа 52</i>	
Клари, <i>Говернадор-Валадарис, 31 августа 52</i>	
геологу, <i>Валадарис, 10 сентября 52</i>	
другу из А.Ф.Р. <i>Валадарис, 30 сентября 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Валадарис, 1 октября 52</i>	
другу детства, <i>Валадарис, 10 октября 52</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Валадарис, 12 ноября 52</i>	
Клари, <i>Валадарис, 20 ноября 52</i>	

Шестой этап

Африка — возвращение во Францию (1953)

Фрагмент Дневника, <i>Дакар (Сенегал), 8 января 53</i>	
Сатпрем своей матери, <i>Конакри, 18 января 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Конакри, 1 февраля 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Абиджан, 16 марта 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Ломе (Того), апрель 53</i>	
Фрагмент Дневника, <i>Ломе (Того), 10 апреля 53</i>	
Клари, <i>Котону (Дагомея), 26 апреля 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Зиндер (Нигер), 23 мая 53</i>	

Фрагмент Дневника, <i>Зиндер (Нигер), 24 мая 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Сен-Пьер, 2 сентября 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Париж, 7 октября 53</i>	
Клари, <i>Париж, 7 октября 53</i>	
Фрагмент Дневника, <i>Париж, октябрь 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Париж, 24 октября 53</i>	
Бернару д'Онсие, <i>Париж, 4 ноября 53</i>	
Клари, <i>Париж, 18 ноября 53</i>	

Седьмой этап
Последний причал в Индии
(1954)

Бернару и Маник д'Онсие, <i>Алмора, 16 декабря 53</i>	
1954	
Бернару д'Онсие, <i>Алмора, 12 января 54</i>	
Клари, <i>Алмора, 6 февраля 54</i>	

**Achevé d'imprimer sur les presses de
Thomson Press (Faridabad, Inde),
juillet 1994
Dépôt légal 3e trimestre 1994**

Сатпрем

ПИСЬМА НЕПОКОРНОГО

том I

Эти письма, написанные в возрасте между двадцатью и тридцатью годами, можно было бы назвать «письмами юности», но это мятежные письма обращённого в руины человечества, не очень хорошо представляющего себе, как возродиться из своего небытия, чтобы стать человеком нового или, возможно, грядущим человеком.

Сатпрем